

MILHIST

INFO

Зорин А.В. Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени

В статье впервые в отечественной историографии столь детально, на основании польских и русских источников, рассматривается биография и военная деятельность знаменитого военачальника Александра Юзефа Лисовского, а также действия созданного им полка в период Смутного времени.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2012/10/26/zorin>

Ссылка для печатных изданий:

Зорин А.В. Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. III. — С. 1-203. < <http://www.milhist.info/2012/10/26/zorin> > (26.10.2012)

www.milhist.info

2012г.

ЗОРИН А.В.

**АЛЕКСАНДР ЮЗЕФ ЛИСОВСКИЙ:
ГЕРОЙ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ**

Ten Moskwę wszertz, wzdłuż i w koło,
Sprawując rycerskie koło,
Biorąc miasta, zamki, grody,
Przeszedł przez żadnej swej szkody.

Анонимная песня о Лисовском, 1632 г.

Беззаконный же Лисовской совашеся
сюду и сюду, како бы что зло
сотворити.

Авраамий Палицын, 1620 г.

«Змий-лютор со своими аспиды»

Смутное время начала XVII века породило немало ярких личностей, но, пожалуй, наиболее типичным героем этой эпохи можно с полным правом назвать знаменитого наездника Александра Юзефа Лисовского. Ни одно изложение событий Смуты не может обойтись без его имени, как не может оно обойтись, например, без князя Д.М. Пожарского. Однако в отечественной исторической литературе, до последнего времени вообще небогатой исследованиями биографий деятелей Смутного времени, на долю Лисовского достались только краткие упоминания отдельных его набегов и рейдов в связи с общим ходом военно-политических событий Смуты. В польской историографии имеются труды специально посвящённые Лисовскому и его полку¹. В них он выступает как отважный, практически непобедимый, воин, стяжавший славу польскому оружию, а его полк предстаёт в качестве некоего элитного подразделения. Грабежи и насилия, производимые лисовчиками, являются для них не более, чем неизбежной данью времени и результатом отсутствия в Речи Поспо-

литой какой-либо системы правильного снабжения войск. Историк-романтик, граф Маврикий Дзедушицкий, автор двухтомного «Краткого описания истории и деяний лисовчиков», писал с нескрываемым восторгом:

«Что то за воины в высоких, свисающих с головы шапках, в плащах с широкими воротниками, облегающем многоцветном платье, жёлтых подкованных сапогах, на конях, как ветер лёгких ... Лик их марсов, головы и бороды обриты, отпущены лишь чуб и усы. Оружие их — кривая сабля, лук и колчан, рушница висит за плечами да в руке длинная рогатина ... Сей солдат обошёл всю Россию от моря Ледовитого до Каспийского, от гор Уральских до Днестра, прошёл Финляндию, Венгрию, Силезию, Моравию и Чехию ... пересёк Альпы и заглянул в Италию, дважды переправлялся через Рейн, побывал в Лотарингии, Шампани, Пикардии, поразил своим явлением Париж — это лисовчик, гражданин мира, имя коего в семнадцатом столетии ведомо всем было»².

В более сдержанных тонах говорится о Лисовском и лисовчиках в обзорном, но содержательном исследовании Казимира Тышковского. Согласно его оценке, Александр Лисовский не успел в полной мере проявить своих военных талантов, уйдя из жизни в самом расцвете сил. В итоге, он, «идя рука об руку со знаменитейшим польским полководцем того времени, каким был Ходкевич наряду с Жолкевским ... не развил в себе талантов вождя, которые все в нём ценили, и остался в памяти потомков как непревзойдённый партизан, вождь малой войны»³. В другой своей работе, посвящённой роли казачества в войнах эпохи Сигизмунда III, К. Тышковский называет Лисовского «творцом польских казаков», который в период «войны московской ... блеснул талантом и счастьем военным»⁴.

Последняя по времени выхода в свет работа Генрика Виснера, к сожалению, носит скорее обзорно-популярный характер⁵. Автор практически не привлекает новых источников, которые были введены в научный оборот за годы, прошедшие со времени публикации статьи К. Тышковского, зачастую ограничиваясь кратким пересказом сведений своих предшественников. В целом следует отметить, что польские авторы не в должной мере использовали материа

LISOWCZYK.

Образ лисовчика в польской иллюстрации XIX в.

лы русских источников и зачастую с крайней доверчивостью относились к сведениям, содержащимся в польских документах.

Популярность Лисовского и лисовчиков не потускнела со временем, о чём свидетельствует целый ряд художественных произведений, в разное время вышедших из-под пера польских писателей, наиболее значительным из которых является трёхтомный роман Казимира Коркозовича⁶. Но подчас эта популярность приобретает весьма странные очертания. Так, например, среди современных белорусских националистов предпринимаются даже попытки сделать Лисовского «героем Беларуси». Об этом свидетельствует, например, романтизация лисовчиков в творчестве белорусского барда-эмигранта Сергея Соколова (Сяржука Сокалава-Воюша). Подобные взгляды распространяются и в научно-популярной литературе. Так в книге «150 вопросов и ответов по истории Беларуси» утверждается, что «лісоўчыкі (лесаўчыкі) — гэта найменне лёгкай беларускай кавалерыі, якая існавала ў першай палове XVII стагоддзя. Узнікненне і найбольшая слава гэтага адмысловага вайсковага фармавання звязаныя з імем Аляксандра Язэпа Лісоўскага — таленавітага военачальніка, беларускага шляхціча з Віленшчыны ... Бліскучая вайсковая кар'ера А.Лісоўскага пачалася з канца 1607 года, пад час грамадзянскай вайны ў Маскоўскай дзяржаве і авантуры Дзмітрыя II (Самазванца). Блізу трох гадоў ён са сваімі вершнікамі, якіх часам налічвалася да некалькі тысяч, змагаўся ў Масковіі, робячы глыбокія рэйды па тылах праціўніка ... Улетку 1615 года, каб адцягнуць маскоўскія сілы ад слаба ўмацаванага Смаленска, найвышэйшы гетман Ян Кароль Хадкевіч зноў паслаў лісоўчыкаў углыб Масковіі. А.Лісоўскі рушыў на Севершчыну, дзе захапіў Карачаў і разграміў пад Арлом войска князя Хаванскага ... Непараўнаныя ў кавалерыйскіх сечах і безагляднай храбрасці, лісоўчыкі вылучаліся таксама жорсткасцю, авантурызмам і прагаю здабычы. Захаваліся паўлегендарныя звесткі пра іх паходы далёка на поўнач, да берагоў Беллага мора і нават да вусця ракі Об, у пошуках слаўтай Залатой бабы — паганскага стода, якому пакланяліся вугра-фінскія народы Поўначы»⁷.

Даже оставив в стороне фактические ошибки, содержащиеся в этой статье, необходимо заметить, что попытки «белорусизации» Лисовского выглядят довольно забавно, если учесть, что с этой страной его не связывают ни происхождение, ни вероисповедание, ни самосознание, ни даже место рождения, а его полк обычно в большинстве своём вообще состоял из этнических «москвитов».

В российской исторической литературе не существует специальных исследований, посвящённых Лисовскому, его полку и их роли в событиях Смутного времени. Редкие энциклопедические статьи и отдельные упоминания в обзорных трудах нередко содержат фактические ошибки. Примером тому может служить биографическая статья в «Военном энциклопедическом лексиконе», одна из первых и немногих, непосредственно посвящённых жизнеописанию Лисовского. Здесь сообщается, что это был «литовский полковник, отчаянный наездник и грабитель, [который] приобрёл громкую известность во время смут в нашем отечестве при самозванцах ... в его шайку не мог вступить, кто не обрел себя на смерть, потому что не было такой очевидной опасности, на которую бы не бросался Лисовский». Перечисляя основные вехи боевой биографии полковника, автор статьи подробно описывает обстоятельства ранений Лисовского под Троицей, а все его походы и набеги представляет исключительно в виде беспорядочных разбойничьих вылазок: «он пустился к Суздалью искать удачи и грабежа ... ходил к Ярославлю и Юрьевцу и везде оставлял по себе следы опустошения; наконец, сам был наголову разбит при Юрьевце доблестным Михаилом Скопиным-Шуйским ... Так он действовал до 1615 г., когда гетман Хоткевич послал его везде разносить ужас. Лисовский являлся там, где его вовсе не ждали, жёг, грабил и уходил. Чтобы обуздать дерзкого грабителя, против него выступил сам бессмертный Пожарский ... Пожарский беспрестанно гонялся за ним и заболел. Тогда Лисовский опять пустился внутрь России, захватил Кашин, разорил Суздальскую область ... ограбил окрестности Коломны ... Близ Стародуба он упал на месте и умер, вероятно, от паралича 25 сентября 1616 г.»⁸. В этом же ключе и с подобными же неточностями упоминается о Лисов-

ском и в других отечественных исторических трудах и научно-популярных публикациях. Общим местом следует считать оценку, данную Лисовскому и его людям в одной из сравнительно недавних газетных статей: «Отпетый сорвиголова, отчаянно храбрый, бессовестный и чудовищно жестокий, в Смутное время Лисовский безнаказанно разбойничал в России ... Свет не видывал другого такого мобильного, легкого, такого алчного и совершенно бесчеловечного отряда грабителей. Лисовчики стремительно покрывали огромные расстояния и неожиданно налетали то на Псков, то на Ярославль; то они участвовали в осаде Троице-Сергиевой лавры, то добирались до Кинешмы!»⁹. Лишь в последние годы стали появляться работы, ставящие своей целью взвешенное и объективное изучение как личности, так и действий Лисовского. В частности тут следует назвать статью А.В. Варакина, посвящённую подготовке и началу рейда 1615 г.¹⁰

У русских литераторов Лисовский пользовался куда большим вниманием, нежели у специалистов-историков. В произведениях, современных самому Лисовскому, его личность отображалась в резко отрицательных тонах. «Злый еретикъ лютор», «беззаконный», «злый враг кровопийца», «лютый тать и разбойникъ», «змий» — таковы обычные эпитеты, которыми награждают Лисовского троицкий келарь Авраамий Палицын и псковский летописец. Лисовчики же для них — «тати», «злодеи» и «аспиды». Иного нельзя и ожидать от людей, переживших Смуту и собственными глазами видевших «подвиги» её героев. Писатели-романтики XIX в. также не могли пройти мимо столь колоритного персонажа, но они изображали его далеко не столь демонической фигурой. Облик его в глазах авторов исторических повестей сближается с польским видением полковника — жестокий, но храбрый солдат, удалец, достойный противник русских патриотов. «Где он пройдёт со своими сорванцами, там хоть шаром покати! — всё чисто: ни кола, ни двора. Но зато на схватке всегда первый и готов за последнего из своих налётов сам лечь головою — лихой наездник!» — с явным восхищением описывает Лисовского один из героев М.Н. Загоскина¹¹. А известный писатель-декабрист А.А. Бестужев-Марлинский оставил в одной из

своих повестей красочное и при этом вполне достоверное описание лисовчиков:

«Чудна и пестра была смесь народов, составлявших хоругвь Лисовского. Польская шляхта, своевольно наехавшая на Русь служить себе, без воли сейма и против воли короля. Они гордо похаживают, крутя усы и отбрасывая назад рукава своих кунтушей, клянясь и хвастая ежеминутно. Казаки косо поглядывают на союзников, лениво дымя трубками, и часто сабли их крестятся с польскими, хотя к их знаменам, для добычи и славы, привязали они перемётную дружбу свою. Полудикие литовцы, приведенные панами на разбой и на убой, бесстрашно сидят или спят вокруг огней. Наконец изменники русские, иные из привычки к мятежу и бездомью, другие алкая корысти, третьи из надежды воротить грабежом у них отнятое передались к гультаям польским. Роскошь и бедность вместе разительно виделись в стане. Инде ходил часовой с заржавленным бердышом, в рубище, но в золочёном шишаке; другой в бархатном кафтане, но полубос; здесь поят коня серебряным ковшом, а там на дорогом скакуне лежит вместо седла циновка. Штофный занавес, вздетый на копье, завешивает из бурки сделанную ставку какого-нибудь хорунжего, который нежится на медвежьей полости, склоняя голову на седло. Здесь бобровое одеяло кинуту на грязной соломе. Всё это было странно и дико, но всё кипело жизнью и силою. Везде говор и ржание коней, звук и блеск оружий во мраке»¹².

Неизвестно, стоял ли образ Лисовского перед внутренним взором Генрика Сенкевича, но родившийся под его пером Анджей Кмициц имеет со знаменитым полковником черты поразительного сходства. Буйный шляхтич, ставящий ни во что постановления сеймиков и трибуналов, во главе преданных ему бойцов совершающий лихие набеги на неприятеля, неизменно выходящий сухим из воды, жестоко расправляющийся со своими врагами, кем бы они ни являлись, отличающийся своеобразным солдатским чувством юмора, всегда готовый на отчаянные и непредсказуемые поступки — таков главный герой «Потопа». Но всё это один в один применимо и к герою Смуты. Любопытно, что и

литературный Кмициц, и реальный Лисовский имеют тесные связи со знатным литовским родом Кишков.

Описания подвигов пана Анджея мало чем разнятся от действий пана Александра: «в ту же ночь небо запылало заревом пожаров, воздух огласился воплями и стонами людей, попираемых тяжкой пятою войны ... посёлки, колонии, деревни и города превращались в море огня, а поражённые ужасом жители гибли под ножом ... Не щадили даже посевы в полях, даже деревья в садах ... Кмициц дал волю своему дикому нраву, и хоть сам не марал рук в крови безоружных, однако с удовлетворением смотрел, как она струится. В душе его царило спокойствие и совесть не возмущалась, ибо то была не польская кровь, да вдобавок ещё еретическая, а потому, полагал он, деяния его угодны богу и всем святым ... Молнией налетал Кмициц на прусские отряды, громил, разбивал, вешал, увёртывался, прятался и вновь всплывал на гребне огненной волны ... Местный житель поднимался всем миром, как на волка, — а он и впрямь уподобился волку, что разит насмерть единым ударом клыков»¹³.

Единственное, но важное различие здесь состоит в том, что пан Анджей свирепствовал, защищая от вражеского нашествия собственную страну, нанося удары её врагам, а пан Александр творил всё то же самое, но в чужой для него земле, в ходе чуждой ему гражданской смуты.

Поляк, прославившийся под знаменем российского самозванца; шляхтич, лишённый чести приговором сейма; солдат, бунтующий против командования; наёмник, предавший своего нанимателя; патриот, стремящийся искупить преступления на службе своему королю; полководец, неизменно проигрывающий крупные битвы и столь же неизменно возрождающий после самых тяжелейших поражений свои разбитые войска; неуловимый наездник, жестокий каратель, отважный боец, «батяка-атаман» для казаков и «государев воевода» для русских служилых людей — всё это Александр Юзеф Лисовский, биография которого неразрывно слилась с бурными событиями эпохи, сделавшей его своим героем. Героем Смутного времени.

1

2

3

Гербы предводителей “лисовчиков”

1. Jeż - герб Александра Юзефа Лисовского
2. Kosciesza - герб Кшиштофа Ходкевича
3. Drogoslaw - герб Станислава Чаплинского

Бунтовщик

Род Лисовских герба Ёж происходит из Королевской Пруссии. Здесь, в Хелминском воеводстве, располагалось их родовое гнездо Лисево (Лисово). Видных постов они не занимали и титулов не имели. Наиболее значительной персоной из Лисовских был некий Войцех из Лисова, занимавший в 1504 г. должность земского лавника в Гданьске. В 1580 г. упоминается Михал Лисовский — лавник пуцкий. В 1611 и 1614 гг. подобную должность занимал Соломон Лисовский.

В середине XVI в., при короле Сигизмунде Августе, братья Ян, Ежи, Кшиштоф и Щенсны Лисовские выехали в Литву. Кшиштоф и Ежи поступили на военную службу. Первый из них владел имением на Озёрах, а второй занимал должность старосты Сокольского и отличился в армии Стефана Батория. Щенсны известен, как маршалок двора князя Ежи Радзивилла, наместника Инфлянтского, епископа Виленского, потом Краковского, а затем и кардинала. Ян связал свою судьбу с могущественным родом Кишков. Сопровождая старосту жмудского Яна Кишку, он путешествовал по Европе, побывал во Франции, Испании, Италии. Вместе с ещё семью шляхтичами он поступил в Базельскую академию, записавшись как *nobilis Lituanus*. Тогда же, видимо, проникнувшись доктриной кальвинизма, он перешёл в протестантизм. Вернувшись из Швейцарии он вступил в брак с панной Анной Шумкувной из воеводства Новогрудского и обосновался в Виленском воеводстве. Здесь ему принадлежало две деревни — Кракошин и Вольки. В их семье родилось три дочери и девять сыновей. Помимо Александра Юзефа известны имена ещё пятерых — Ян, Станислав, Стефан, Миколай и Юстиниан¹⁴.

Точная дата рождения Александра неизвестна. Согласно одним предположениям он появился на свет около 1575 г., однако более правдоподобной считается дата 1580 г. В детстве он получил некоторое образование, однако где и какое — неизвестно. Об этом свидетельствует знание им латинского языка, которое он мог приобрести и в Виленской академии, и при дворе Кишков. Впрочем, возможно, что автором подписанных его именем латинских писем

являлся не сам Лисовский, а его оставшийся безвестным учёный секретарь. В любом случае, встречающиеся утверждения относительно обучения протестанта Лисовского в иезуитской коллегии не могут иметь под собой никаких оснований.

Первые достоверные сведения об Александре Юзефе Лисовском относятся к 1600 г., когда он обнаруживается в рядах наёмных польских войск валашского воеводы Михая I, прозванного «Витеазул» — Храбрый. Служба под началом такого полководца могла многое дать молодому солдату, тем более, что война в этих краях в то время не утихала ни на час.

Став в 1593 г. при поддержке турецкого султана правителем Валахии, Михай вскоре снискал славу защитника христианства и борца против османов. Захватив ряд крепостей на Дунае, он предпринял несколько походов вглубь турецкой территории, достигнув даже стен Адрианополя. Своими успехами он вынудил турок признать в 1597 г. независимость Валахии, однако Михай при поддержке императора Рудольфа II ещё два года продолжал войну против них. Одновременно он вёл упорную борьбу за объединение под своей властью не только валашских земель, но также Трансильвании и Молдавии. Трансильванией в то время правил принц-кардинал Андраш Батори, а Молдавией — господарь Иеремия Могила. Оба они пользовались покровительством польского короля. Вторгнувшись в пределы Трансильвании, Михай Храбрый разгромил войска Батори в битве 18 октября 1598 г. Сам принц-кардинал пал в бою. После этого, в апреле 1600 г., Михай выступил против Молдавии и 7 мая захватил Сучаву, столицу княжества. Иеремия Могила едва спасся, бежав в Хотин. Но и здесь ему не удалось удержаться. Покинутый своими сторонниками, 11 июня он тайно переправился через Днестр и укрылся в лагере гетмана Станислава Жолкевского, обратившись за помощью к польскому королю. Чрезмерное усиление Михая заставило его врагов действовать активнее. Восстало венгерское дворянство Трансильвании, а в сентябре 1600 г. против Валахии выступила Речь Посполитая. Армия под командованием Яна Замойского переправилась

через Днестр. Валашские войска были разбиты в трёх сражениях и вытеснены из Молдавии.

После вторжения ЗамоЙского среди польских наёмников Михая произошёл раскол. Несколько тысяч из них хранили верность господарю до самой его смерти в августе 1601 г., а затем перешли на турецкую службу. Но другая немалая часть сразу перешла на сторону польских войск. Среди них был и Лисовский, поступивший в хоругвь старосты каменецкого Яна Потоцкого. Свою измену он наверняка считал патриотичным поступком — ведь вместо того, чтобы сражаться в войсках иноземного государя против своих соотечественников, он перешёл на их сторону¹⁵.

После завершения валашской войны Лисовский объявляется в Инфлянтах, где шла очередная польско-шведская война. Здесь он служит в рядах казацкой хоругви Щенсного (Феликса) Невяровского, правда, неизвестно, в которой из двух, находившихся под его началом. Первая из них в составе 50 коней участвовала в военных действиях уже в августе 1600 г., когда Лисовский ещё находился в Молдавии. Более вероятно, что он находился в составе второй хоругви, имевшей втрое большую численность и прибывшую в район боевых действий в июне 1601 г. В это время великий литовский гетман Кшиштоф Радзивилл «Перун» осаждал Кокенхаузен. На помощь осаждённому гарнизону прибыли шведские войска под командованием Карла Карлссона Гилленхельма. В сражении, произошедшем 23 июня, шведы были разбиты¹⁶. В этой битве, где кавалерия сыграла решающую роль, принимала участие и вторая казацкая хоругвь Невяровского. Боевые достоинства этой хоругви, вероятно, были велики, поскольку по ходатайству полковника Яна Кароля Ходкевича в марте 1604 г. она была приравнена к гусарским. Гусары получали жалованье на пять злотых больше, нежели казаки, однако и стоимость гусарского снаряжения была неизмеримо выше. Лисовский исполнял здесь обязанности поручика.

25 сентября 1604 г. хоругвь Невяровского принимала участие в битве под Дерптом, в которой Ян Кароль Ходкевич одержал одну из своих наиболее блестящих побед. Однако в декабре эта воинская часть «прославилась» совсем

иными действиями: вместе с гусарской и казацкой хоругвями Яна Петра Сапеги и казацкой хоругвью Францишка Коссаковского она вышла из повиновения командованию. Бунтовщики объединились в конфедерацию ради защиты своих прав и потребовали выплаты жалования, которого давно же не видели. «Главарём у них Лисовский, человек безбожный и бунтовщик. Он той конфедерации подстрекатель», — писал Ходкевич. Следует отметить, что тут впервые Лисовский проявил недюжинные задатки прирождённого лидера. Он был довольно молодым человеком, не более 25 лет от роду, но сумел подчинить своему влиянию бывалых солдат, сплотить недовольных и выступить от их имени против командования.

Не имея возможности ни подавить мятеж, ни удовлетворить требования восставших, командование предпочло выпроводить взбунтовавшиеся войска в Литву и мятежники ознаменовали своё продвижение грабежами и убийствами. Ходкевич требовал покарать мятежников «смертью и инфамией»¹⁷. Александр Юзеф Лисовский оказался среди тех, кто подвергся инфамии, то есть был объявлен вне закона. Отныне любой мог безнаказанно убить его, завладеть его имуществом. Неудивительно, что объявленный вне закона бунтовщик вскоре оказался вовлечён в новый мятеж.

5 августа 1606 г. политические противники короля Сигизмунда III, объединившись под руководством воеводы краковского Миколая Зебржидовского, подняли мятеж (рокош). Зебржидовский вместе с Янушем Радзивиллом, Яном Гербуртом и Станиславом Стадницким воспользовался «общим нерасположением народа к королю», стал во главе шляхты и созвал съезд сначала в Стенжице, потом в Люблине и, наконец, в Сандомире. Здесь были составлены жалобы, пересланные королю. Шляхта требовала чтобы король удалил от двора чужеземцев и иезуитов и на место их учредил постоянный совет из трёх сенаторов, избранных сеймом. Сигизмунд сначала принял все требования шляхты, созвал её на съезд в Вислицу, подтвердил все шляхетские льготы и привилегии и обещал в будущем согласовывать свои решения с мнением сенаторов. После этого часть шляхты перешла на сторону короля. Оставшиеся мятежники отка-

зались примириться с королем и провозгласили бескоролье. Среди них был и Лисовский, командовавший в то время казацкой хоругвью подчасного литовского Януша Радзивилла, находившегося тогда во враждебных отношениях с Ходкевичем.

В рокоше Лисовский не играл никакой важной или хотя бы заметной роли, поскольку, по выражению Г. Виснера, «в масштабе Речи Посполитой он был никем»¹⁸. Тем временем, 5 июля 1607 г. в сражении под Гузовом королевские войска разбили отряды рокошан. Мятежники, спасаясь бегством, отправились «на Русь» — на восточные окраины Речи Посполитой. Бежал и Александр Лисовский со своими казаками. Средства для жизни они, как и другие рокошане, добывали грабежом. Спустя год виленский епископ Бенедикт Война жаловался в письме канцлеру Льву Сапеге, что его имение Гуменное сначала разграбили солдаты Павла Руцкого, потом Александра Лисовского, а затем ещё и Андрея Млоцкого. Епископ лишился 3000 коров, лошадей, свиней и вообще всё его имущество «как метлой смели»¹⁹.

На восточных рубежах Речи Посполитой мятежники не только могли укрыться от закона. Там же для них в то время открывалось новое, сулящее блестящие возможности, поприще. Александр Юзеф Лисовский был не из тех, кто отказался бы от подобных перспектив. Объявленный вне закона участник мятежа против своего короля, он обнаружил, что может получить богатство и славу на службе иного монарха. Им был царь московский Димитрий Иванович, чудесным образом спасшийся от своих мятежных подданных и ныне собиравший войска для возобновления борьбы за «отеческий трон».

Отправляясь на восток, Александр Юзеф в то же время шёл по стопам своего брата Миколая, который принимал участие ещё в аванюре первого самозванца. В рядах сторонников Лжедмитрия он вошёл в Москву, а в мае 1606 г., после убийства «царя Дмитрия Ивановича», оказался в плену, избежав при этом куда более худшей участи. Миколай Лисовский томился в неволе долгих семь лет, вплоть до самого 1613 г.²⁰ В день, когда Александр Юзеф повёл к русским пределам две сотни казаков, чтобы присоединиться к армии чудесно

воскресшего «царя Дмитрия Ивановича», он вполне мог подумывать и о возможном освобождении из плена своего брата.

Авантюрист

Неизвестно, кем являлся новый претендент на московский трон. Одни рассказывали, что это был еврей-выкрест из Шклова, школьный учитель, оставшийся без места из-за чересчур вольных ухаживаний за супругой своего нанимателя-попа. Согласно другой версии то был «сын боярина из Стародуба». Пойманный в Пропойске и обвинённый в шпионаже, он назвался свояком погибшего «царя Дмитрия» — Андреем Андреевичем Нагим, скрывающимся от мщения Василия Шуйского. Он попросил доставить его в Стародуб, что и было сделано. «Немного погодя этот человек послал некоего москвитянина Александра (который был с ним заодно), чтобы тот разгласил по северским крепостям, что Дмитрий жив и находится в Стародубе, — вспоминал участник Московского похода польский шляхтич Н. Мархоцкий, — Расчет оправдался: люди готовы были поверить, ибо Северская земля и Рязанское княжество не признали Шуйского государем, и все северские крепости Шуйский брал силой. Побывав в разных крепостях, Александр пришел с этой новостью в Путивль. Жители Путивля схватили его и с несколькими десятками бояр отправили в Стародуб, чтобы он им показал Дмитрия, которого выкликают, пригрозив пытками, если все рассказанное ими окажется неправдой. Испугавшись [Александр] указал на того человека, который его послал. Тот стал отказываться, что ничего не знает. Они и ему пригрозили пытками, если не признается (у них пытки те же муки, что и у нас), и, после препирательств, приготовились это исполнить. Тогда, рассердившись, он схватил палку со словами: «Ах вы, блядины дети, вы еще не узнаете меня? Я — Государь!» Этой смелой выходкой он добился того, что его признали царём и сразу пали в ноги»²¹.

В любом случае, независимо от того, какая версия более достоверна, несомненно, что именно жители Путивля и всей Северской земли играли в этих событиях решающую роль. Не признав власти Василия Шуйского, убийцы «ис-

тинного царя», они готовы были принять сторону всякого, кто выступит против него. Тем более, что, как утверждает голландец Исаак Масса, положение на южной окраине выгодно отличалось от того разорения, которому подверглись окрестности Москвы: «Земли Северская и Комарицкая, что на польской стороне, жили в мире и спокойствии; и там пахали и засевали поля, ни о чем не печалась, предоставив Московию самой себе, также хлеб был дешев во всей земле, исключая осаждённые города, где он был весьма дорог»²². Богатая продовольствием и обильная воинскими силами земля была надёжной опорой для продолжающегося мятежа.

В Стародубе «воскресший» Самозванец собрал под своим началом около 3000 человек. Первоначальное ядро мятежного воинства составили служилые люди Стародуба под началом Гаврилы Верёвкина, казаки под командованием И.М. Заруцкого, а также польско-литовские наёмники Меховецкого, Будилы и Харлинского²³. Во главе этих скромных сил Лжедмитрий II двинулся на Почеп, затем занял Брянск и Карачев. Серьёзного сопротивления ему пока никто не оказывал. Целью его похода была Тула, где царские войска осаждали упорно оборонявшегося Болотникова. В Карачеве к самозванцу присоединился крупный отряд запорожцев. Воодушевлённый этим, Лжедмитрий послал своего гетмана Мацея Меховецкого против отряда царских войск, осаждавшего Козельск. Воевода В.Ф. Литвинов-Масальский был застигнут врасплох на рассвете 8 (18) октября 1607 г.²⁴ и разгромлен наголову. Жители Козельска радостно приняли «царевича-избавителя», а захваченный обоз весьма пригодился воинству самозванца. Лжедмитрий двинулся дальше. Захватил Епифань, Крапивну и Дедилов, но 10 (20) октября Тула пала. Основные силы Шуйского освободились для удара по северским мятежникам. Армия Лжедмитрия стремительно покатилаь обратно и 19 (29) октября вновь оказалась в Карачеве. Наёмники требовали денег, русские ратники волновались, подумывая выдать самозванца царю и тем заслужить помилование. Брянск впустил в свои стены правительственные войска. Чувя неладное, Лжедмитрий тайком покидает свой лагерь и с кучкой ближайших сторонников бежит в Орёл.

В Орле он задержался ненадолго. Отсюда его путь лежал в прежнюю столицу первого самозванца — в Путивль. Уже выехав в сторону Путивля, Лжедмитрий повстречался с отрядом наёмников в 500 всадников и 400 пехотинцев. Они шли к нему на помощь «с Киевской Украины», а командовал ими польский шляхтич Валентин Валявский. Самозванец опасался называть им своё имя, но вскоре выяснилось, что это лишь авангард более крупных сил князя Романа Ружинского, который спешит на службу чудесно спасшемуся «царю Дмитрию». В Речи Посполитой именно в этот момент оказался избыток не востребовавшей военной силы — правительственные войска только что подавили «рокош Зебржидовского» и теперь выгодной воинской службы, желательно за пределами государства, искали как бывшие мятежники, так и оставшиеся не у дел солдаты королевской армии. Получив такое подкрепление, Лжедмитрий оставил мысли о бегстве в Путивль и повернул обратно. Тем временем, отряды добровольцев из пределов Речи Посполитой продолжали прибывать. Среди новых сподвижников самозванца оказались князь Адам Вишневецкий и Александр Лисовский.

Конрад Буссов пишет, что в январе 1608 г. Лжедмитрий II «послал ... в Польшу, чтобы также вызвать к себе побольше польских конников, и оттуда к нему пришли господин Самуил Тышкевич с 700 конных копейщиков и господин Александр-Иосиф Лисовский с 700 конных копейщиков. После прибытия этих поляков Димитрий пошел со всем своим войском под Брянск и осадил его»²⁵.

Однако утверждение это явно ошибочно. По сообщению русских и польских источников, Лжедмитрий II осадил Брянск ещё осенью 1607 г. Он подступил к городу из Комарицкой волости через Трубчевск и Стародуб. Таким образом, Лисовский прибыл в ставку самозванца не позднее октября 1607 г., а скорее всего даже раньше. Ведь по сведениям «Нового летописца», это именно Лисовский убедил Лжедмитрия выступить на Брянск. Для приобретения подобного влияния в лагере самозванца беглому рокошанину необходимо было две вещи: собственная внушительная военная сила и время. По сведениям польских историков, Лисовский двинулся на помощь Лжедмитрию во главе от-

ряда из 200 всадников. Согласно сведениям Н. Мархоцкого, Лжедмитрий передал под командование Лисовского «пару сотен донских казаков». Постепенно численность отряда действительно могла возрасти до 700 «конных копейщиков», о которых упоминает Буссов. Во главе этих наездников, как пишет Мархоцкий, «Лисовский много раз тайно нападал на москвитян, а со временем сподобился и до кое-чего худшего». К сожалению, мемуарист не объясняет ни того, отчего именуется вылазки Лисовского «тайными нападениями», ни того, что имеет в виду под ещё более «худшими» деяниями Александра Юзефа. В целом же следует отметить, что общая численность наёмных войск самозванца в тот момент составляла около 2500 человек. Таким образом, силы Лисовского были довольно значительны, что и позволяло ему претендовать на видное место среди командования «царской» армии²⁶.

Выступив в поход 3 (13) ноября 1607 г., войска Лжедмитрия достигли Брянска 9 (19) ноября. Находившиеся в Брянске воеводы князь М.Ф. Кашин и А.Н. Ржевский имели в своём распоряжении около 3000 человек. Поэтому они решительно выступили навстречу противнику. Юзеф Будило пишет: «Брянский воевода, узнав о прибытии царя, вышел против него с войском за милю от крепости. Наше войско сейчас задержало его и гнало до самой крепости, ворвалось в город и зажгло его, а русские с воеводой заперлись в крепости, где их наши сейчас же осадили, и устроили укрепленный лагерь на городском пожарище»²⁷.

Мятежники приступили к осаде крепости, постоянно пополняя свои ряды. Помимо наёмников (Велегловского, Рудницкого, Хруслинского, Казимерского), сюда явился известный сподвижник И.И. Болотникова путивлянин Юрий Беззубцев, под началом которого находилось до 4000 человек. Прибыл и неизвестный доселе «родственник» Лжедмитрия — «царевич Фёдор Фёдорович» во главе 3000 казаков.

Положение осаждённых день ото дня становилось всё хуже: «яко за всё бьющееся: за воду и за дрова; и глад бысть великой, яко начаша и лошади поедати». Однако брянчане не сдавались, упорно сопротивляясь неприятелю. Помимо ратников в ходе осады отличился и протопоп Покровской соборной церк-

ви Алексей. В разгар голода, он выкопал из тайника и раздал «безденежно» 175 четвертей ржи (а четверть в осаждённом городе стоила немислимо дорого — более 60 рублей). Помимо этого, он «у крестного целованья всяких людей наказывал и крепил, и по сторожем по городу по ночам сторож дозировал, и про изменников и про лазутчиков боярину и воеводам сказывал, и гонцов к Москве промеж воровских полков из города за Десну реку проваживал»²⁸.

Видя, что силы мятежников прибывают, Василий Шуйский направил на Северщину войска под командованием боярина князя Ивана Семёновича Куракина и стольника князя Василия Фёдоровича Литвинова-Масальского, жаждавшего отомстить за своё поражение под Козельском. Авангард царской армии появился под Брянском «за десять дней до Рождества Христова». Их появление застало мятежников врасплох и князь Масальский не дал им опомниться. Он сам и его люди с ходу бросились форсировать ещё не замёрзшую Десну «аки дивие звери лёд розгребаху и плывущее за реку». Брянчане, видя это, организовали вылазку и кольцо осады было прорвано. Ночью ударили морозы, Десна стала и князь Куракин смог беспрепятственно войти в город и ввести туда обоз с продовольствием. Продолжать осаду далее было бессмысленно и мятежная армия отступила от Брянска, уйдя на зимние квартиры в Орёл. Именно этот город стал для второго Лжедмитрия тем, чем был для первого Путивль.

В марте 1608 г. к лагерю Лжедмитрия II приблизился со своими силами князь Роман Ружинский. Опираясь на прибывшее с ним «рыцарство», он низложил «гетмана» Меховецкого, а когда самозванец пытался этому воспротивиться, то его самого попросту взяли под стражу. Тогда «от отчаяния он решил себя уморить и выпил немислимо сколько водки, хотя всегда был трезвым»²⁹. Пока Лжедмитрий пил горькую, Ружинский провёл переговоры с казачьими атаманами, предводителем которых был Иван Заруцкий. В итоге им удалось договориться и поделить между собой власть в лагере мятежников, окончательно превратив «царика» в свою марионетку.

По мнению И.О. Тюменцева, успеху переворота немало способствовало отсутствие в Орле Лисовского и его войск. Ружинский и Заруцкий предусмотр-

рительно отправили чересчур влиятельного «полковника» в Рязанские земли на помощь тамошним мятежникам. При этом «в состав этого отряда, по всей видимости, удалось включить радикально настроенных болотниковцев и таким образом удалить их из Орла»³⁰. Следует отметить, что и в дальнейшем под началом Лисовского будут находиться не столько поляки или даже казаки, а преимущественно именно «русские воры». В его полк они попадали самыми различными путями, вплоть до протекции самого Лжедмитрия. Например, в начале апреля 1609 г. самозванец направил к нему некоего Федосея Плешкова. В рекомендательном письме говорилось: «По нашему указу посланъ къ тебѣ въ полки съ нашими грамотами арзамасецъ, сынъ боярской Ѳедосей Плешковъ; а велѣно ему тѣ наши грамоты отдать тебѣ воеводѣ нашему пану Олександрѣ Есипу Ивановичю Лисовскому, а отдавъ тѣ грамоты велѣно ему, Ѳедосею, быти на нашей службѣ у тебя в полку»³¹. Появление подобной грамоты связано, вероятно, с тем, что к тому времени боевая репутация Лисовского упрочилась и уже было немало желающих попасть в ряды его лисовчиков, что удавалось, похоже, далеко не каждому. Однако годом ранее положение Лисовского было далеко не столь блестяще и сам он выступал не как предводитель отборного воинского формирования, а, скорее, в качестве вожака многочисленных, но слабо организованных толп мятежников, что наглядно проявилось в ходе похода его на Рязанские земли.

Рязанская экспедиция и летний рейд

На Рязанщине, как и в Северной земле, в это время шла ожесточённая борьба между правительственными войсками царя Василия Шуйского и мятежниками, сторонниками «истинного царя Дмитрия Ивановича». Всего в 20 верстах от Переяславля-Рязанского действовали отряды пронских и михайловских повстанцев. Царские воеводы предпринимали против мятежников один поход за другим. Осенью 1607 г. Захарий Ляпунов «промышлял над ворами» у Ряжска, а весной 1608 г. Прокопий Ляпунов и князь И.А. Хованский выступили

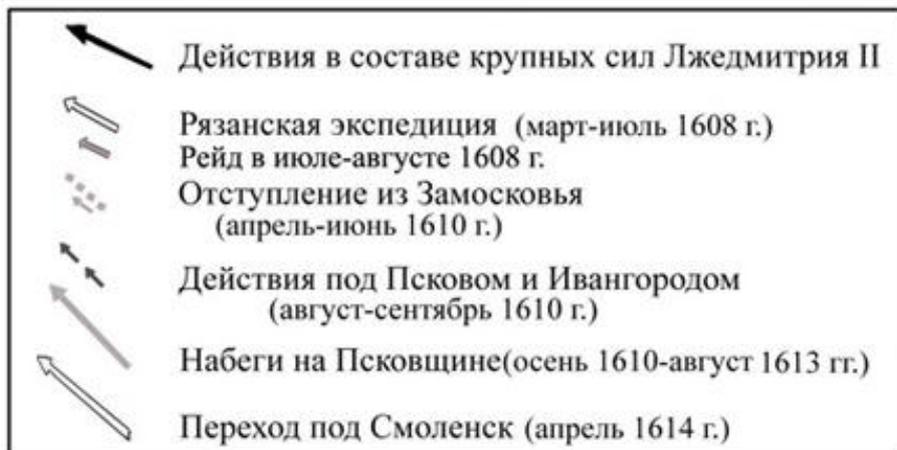
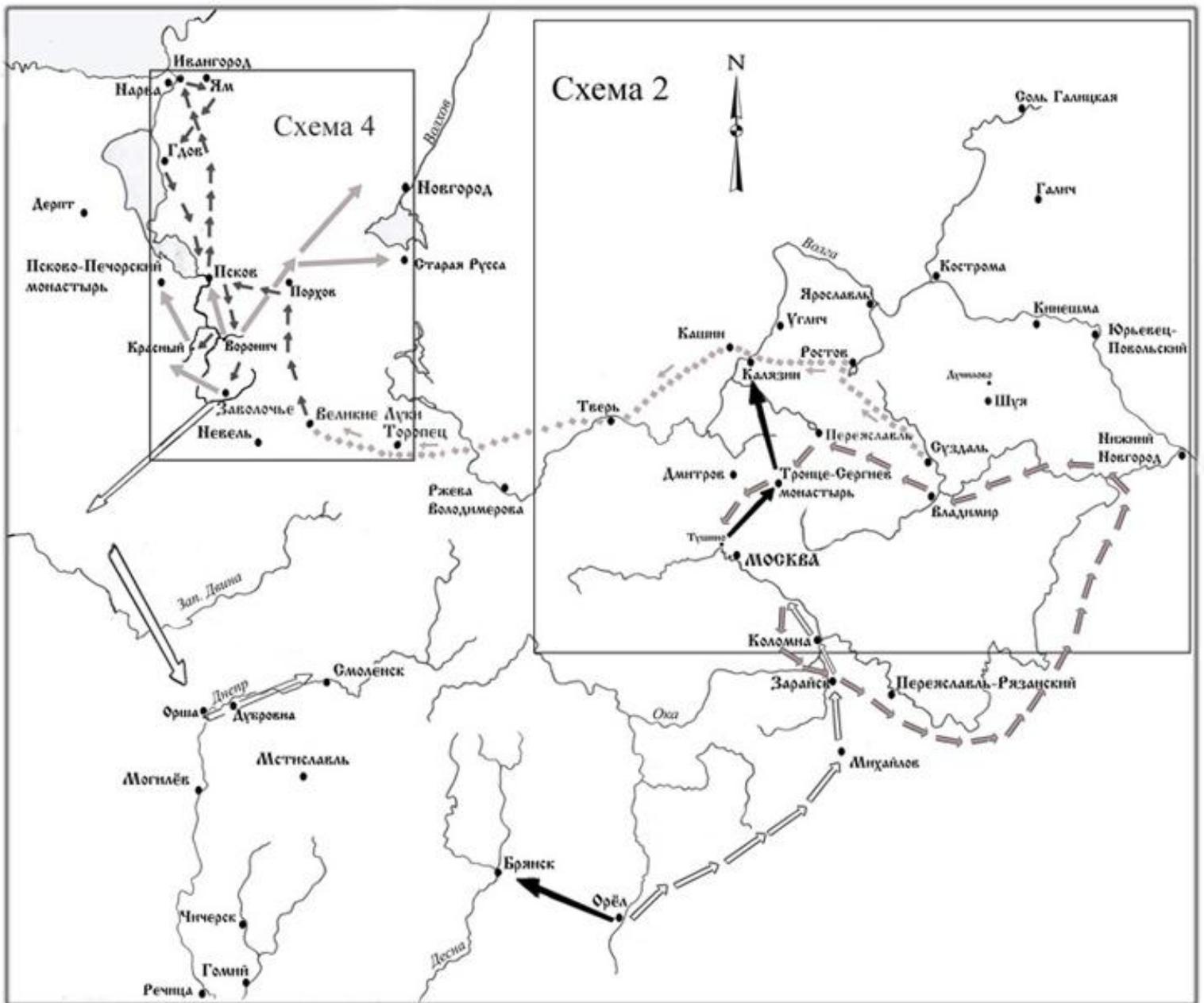

Схема 1. Походы и набеги Александра Лисовского, 1607-1614 гг.

против Пронска, где «едва верхнего города не взяли». В бою Прокопий Ляпунов был ранен в ногу выстрелом из пищали и воеводам пришлось отступить.

Едва они вернулись из похода, как пришла весть о том, что невесть откуда явившийся никому неведомый пан Лисовский обосновался в мятежном Михайлове. Гонец доставил из Москвы царскую грамоту в которой воеводам приказывалось беречь от возможного нападения сам Переяславль-Рязанский. А вскоре стало известно о взятии Лисовским Зарайска.

Зарайск был сильнейшей пограничной крепостью. Его цитаделью являлся каменный кремль, выстроенный ещё по приказу Василия III. Зарайский кремль в плане представляет собой прямоугольник с размерами 185 на 125 метров, в стенах которого имелось семь боевых башен — Никольская, Егорьевская, Казённая, Наугольная, Караульная, Спасская, Троицкая, — высотой до 14 м, при диаметре каждой башни до 10 м. Вряд ли Лисовский взял приступом столь мощную крепость. Скорее всего, её ворота открыли ему местные сторонника Лжедмитрия.

Вместо раненого Прокопия Ляпунова, признанного главы рязанских служилых людей, вторым воеводой в поход с князем Хованским отправился его брат Захарий. Уверенные в успехе, он не соблюдал никаких мер предосторожности и «придоша подь Зарайской городь не промысломъ со пьяна». В итоге 30 марта рязанская рать была наголову разгромлена внезапным ударом Лисовского. В битве пали практически все 250—300 арзамасцев, являвшихся лучшими воинами в царской рати. «Трупъ же ихъ Лисовской повелѣ похранити въ одномъ сто въ яму и здѣла ту надъ ними для своей славы курганъ велій; и той курганъ стоять и до нынѣ»³².

Позднее, в 1614 г., рядом с захоронением, по челобитью чернослободского тяглового человека Сеньки Казанца со товарищи, была воздвигнута деревянная церковь Благовещения, а подле неё «колокольница на столбе, покрыта шатром». Затем, уже в 1777 г., на этом месте появилась каменная Благовещенская

церковь. Ныне у кургана находятся памятные знаки павшим арзамасцам и рязанцам, установленные 23 мая 1998 г.

Успешное сражение сразу переменяло положение в Рязанских землях. Хованский сел в осаду в Переяславле-Рязанском, а Лисовский, пользуясь полным контролем над всеми дорогами, начал активно наращивать силы, собирая под свои знамёна запорожцев, донцов, а также служилых людей рязанских и украинских городов. Разрядные книги сообщают, что из Рязанских мест к Москве Лисовский выступил «с Черкасы и собрався с Литовскими людми и с воруы Украинных городов со многими людми»³³. Данная запись указывает на то, что ядро его сил составляли казаки, изначально находившиеся под его командованием; затем к ним, вероятно в Орле, примкнули «литовские люди» из армии самозванца, а уже на Рязанщине силы полковника многократно возросли за счёт здешних «воров». В итоге к лету 1608 г. под началом Александра Лисовского скопилось до 30 000 человек. «Так блестяще исполнил он свою задачу, как бы возродив к новой деятельности только что уничтоженное Шуйским войско Болотникова и царевича Петра», — пишет С.Ф. Платонов, считавший приводимую численность воинства Лисовского вполне достоверной³⁴. По мнению же И.О. Тюменцева, цифра эта является сильно преувеличенной и причиной тому он считает огромный обоз Лисовского, в котором он вёз «денежную казну и запас вин фрянчюжских»³⁵. Однако, несомненно, что во время рязанского похода под началом Лисовского служило больше людей, чем когда-либо в будущем.

Пока Лисовский хозяйничал на Рязанщине, основные силы Лжедмитрия II выступили в поход на Москву и 1 (11) мая 1608 г. разгромили правительственные войска князя Д.И. Шуйского в битве под Болховым. 25 июня (5 июля) произошло ожесточённое сражение на Ходынском поле под самой столицей. Исход битвы остался неясным, но угроза для Москвы сохранялась. Для участия в осаде из Рязанских земель был призван и Лисовский.

Усилив войск и накопив огромное количество различных припасов и снаряжения, Лисовский двинулся на Коломну. Город был хорошо укреплён, имел

сильный гарнизон. Но слабым местом этой крепости было её командованием. Между воеводами, которыми были князь А.Г. Долгорукий-Чёрт и каширский дворянин И.А. Момонт-Колтовский, шли бесконечные местнические споры. В итоге, видя приближение неприятеля, они попросту сбежали: «и князь Алексей и Иван испужались, и Коломну покинули, а сами побежали к Москве». После короткого боя «Лисовской пан с рускими казаки» овладел Коломной и разграбил её дочиста. В руки к нему попали важные пленники — епископ Коломенский Иосиф и боярин князь В. Долгорукий. Помимо того, Лисовский обзавёлся артиллерией и вообще основательно пополнил свои арсеналы за счёт коломенских запасов вооружения. «Захват Коломны отрезал столицу от подвоза столь необходимого ей рязанского хлеба, а прорыв А.Лисовского в Тушино грозил значительно усилить войска самозванца под Москвой»³⁶. Против Лисовского была направлена сильная рать. Большим полком командовали боярин князь И.С. Куракин и Г.Г. Сулемша-Пушкин, передовым — боярин князь Б.М. Лыков и князь Г.К. Волконский, сторожевым — В.И. Бутурлин и князь Ф.И. Мерин-Волконский. Большинство воевод, включая И.С. Куракина, были участниками Болховской битвы и теперь горели желанием расквитаться с мятежниками за своё поражение.

Местом сбора армии было назначено село Дорогомилово на Калужской дороге. После обычных местнических споров³⁷, 27 июня (7 июля) войска выступили в поход по Коломенской дороге. Столкновение с неприятелем произошло уже на следующий день. Отягощённое обозами воинство Лисовского переправлялось через Москву-реку на Медвежьем броду, когда оказалось атаковано царскими ратниками. Завязалось упорное сражение. «Бой бысть с ними через весь день», сообщает автор «Нового летописца». Лисовский был разгромлен наголову, потерпев, наверное, самое тяжёлое поражение за всю свою жизнь, и бежал с поля боя «с невеликими людьми». Весь его обоз, вся артиллерия были захвачены победителями, а пленники освобождены. Однако победа не была столь полной, как хотелось бы московским воеводам: «А болшой полк князь Иван Куракин да сторожевой полк Василей Бутурлин стояли у кре-

пости, блюдяся чаели тово, что Лисовской побежал для аманки, а ведет Лыкова на люди» (то есть заманивает в засаду). Это дало беглецам возможность скрыться³⁸.

Итоги рязанской экспедиции и битвы на Медвежьем броде 28 июня (8 июля) 1608 г. были противоречивы. С одной стороны поддержанный Лисовским мятеж охватил всю Рязанщину, но с другой сам он не смог доставить в Тушинский лагерь столь необходимые для активной осады Москвы припасы, да к тому же лишился практически всей своей армии. Похоже, что именно с этого времени Лисовский начал делать ставку не столько на численность своих войск, сколько на их качество, предпочитая партизанские методы ведения войны и опираясь на сравнительно небольшие, но мобильные и боеспособные силы.

Сумев вырваться из ловушки на Медвежьем Броде, Лисовский впервые продемонстрировал свои блестящие способности неуловимого наездника. Повернув с остатками разбитого воинства обратно на Рязанщину, он двинулся вдоль степного пограничья, «плѣнующу тогда землю Рязанскую, и Володимерскую, и Нижегородскую, и инья мѣста, по Росии живущая». Точный маршрут движения Лисовского и детали его действий неизвестны. Согласно предположению И.О. Тюменцева, этот манѣвр, возможно, «был вызван стремлением соединиться с отрядом «лжецаревичей» Ивана-Августа и Лавра, пробивавшихся из Нижнего Поволжья в центральные уезды России». В конечном итоге, усилившись за счёт местных мятежников, «всегоркий Александръ Лисовский с во-ры рускими» вышел к Переяславлю-Залесскому и оттуда направился к Троице-Сергиеву монастырю: «кровь пийаи челоуѣческую и грядый со огнемъ по пути от Владимира и от Переславля ударяется стѣнамъ дому чудотворца». Его воинство насчитывало в своих рядах до 6000 человек, в основном бывших болотниковцев и мятежников из порубежных городов. Встревоженный известием о появлении их в Замосковье, Василий Шуйский успел усилить гарнизон обители и 18 (28) августа 1608 г. «послал за паном Лисовским к Сергееву монастырю

князей и бояр ... в большом полку боярин и воевода князь Андрей Васильевич Голицын да воевода князь Яков Петрович Борятинской; в передовом полку: боярин и воевода Крук Федорович Колычев да воевода князь Михайло Петрович Борятинской». Однако Лисовский не стал рисковать и постарался избежать прямого столкновения с царской ратью. Простояв под монастырём всего один день, он «начальный посад Клемянтѣево и во округъ ту жилища человѣческа в воздух дымом разлия» и ушёл к Тушино. Царские воеводы вынуждены были вернуться в Москву уже на другой день после выступления в поход — сражаться им было не с кем. Нежданное прибытие войск Лисовского в Тушинский стан усилило армию Лжедмитрия II и значительно упрочило позиции русских повстанцев³⁹.

Русские источники говорят о первом рейде Лисовского довольно скупо. Это не позволяет ни восстановить ход событий, ни уточнить маршрут его движения. В польских источниках рязанская экспедиция и последовавший за нею летний рейд Лисовского обросли туманными легендами, придававшими им поистине эпический характер. Утверждалось, что в своих набегах он «как громом поразил провинции Рязанские, Тамбовские, Воронежские над Доном и Волгой и сама Астрахань узрела его в степях своих, дивясь звуку польской речи»⁴⁰. Это, однако, маловероятно, хотя, несомненно, что в состав его нового войска входили казаки, бывавшие в низовьях Волги и видевшие Каспийское море. Авраамий Палицын, описывая состав отрядов Лисовского под стенами Троице-Сергиева монастыря, говорит, что там находились «дворяне и дѣти боярские многих разных городов, татарове многие, и черкасы запорозские, казаки донские, волоские [волжские], сѣверьские, астороханские»⁴¹. Столь пёстрым составом своих войск Лисовский, несомненно, был обязан пополнениям, полученным в ходе летнего рейда. Подобная пестрота была обычной для воинства Самозванца — в рядах сторонников Лжедмитрия можно было встретить не только русских и поляков, но даже шведов, испанцев и турок!

Рязанский поход сделал имя Лисовского известным в Московском государстве. То, как быстро воспрял он после поражения, его стремительные и опустошительные передвижения по непредсказуемым направлениям — всё это говорило о нём, как об умелом военачальнике и опасном враге. Неудивительно, что в Москве желали поскорее избавиться от него. В июне—июле 1608 г., во время переговоров с польскими послами, царь Василий Шуйский и его бояре требовали, помимо прочего, чтобы король вывел Лисовского из пределов России. На встрече с послами 5 июля «бояре послом говорили: хотите писати в своей перемирной грамоте против того списка, каковъ мы вам дали, и вам бы против того списка приписать и Лисовского имянно с Ружинским и с Вишневецким, потому что он много зла в государя нашего землѣ починил; а вывести б государю вашему тѣх всѣх людей Ружинского и Вишневецкого и Алисовского с товарищи из в.г. нашего земли. А без того нам никак перемирной грамоты вашей не имывать». Польские послы отвечали, что не могут внести имени Лисовского в грамоту, потому что он «из земли государя нашего выволанецъ, и чести он своей отсужень, и в котормъ городе в нашем его поймають, и его тамъ казнят; и имянно нам его писати непригоже». Кроме того, по мнению послов, имя Лисовского вполне укладывается в общий термин «и иные польские и литовские люди», который уже вписан в текст грамоты. Такой подход вызвал резкие возражения русской стороны. Бояре явно не считали Лисовского просто одним из обыкновенных польско-литовских авантюристов. Они отвечали: «Говорите вы, панове, что Алисовской вор и выволанецъ из земли, и писать его имянно не хотите. И восе только много таких ваших выволанцов и учнут воровати, и вы также молыте, что воры, выволанцы, и то добро ль будет? И вы б и Алисовского имянно написали. Да и то, что государю вашему тѣх всѣх Польских и Литовских людей — Ружинского, и Вишневецкого и Алисовского с товарищи, которые ныне с воров, из в.г. нашего земли вывести вон; а без того никакъ намъ с вами не дѣлывать». Но польские послы упрямо не желали ставить в одной строке имя князя Вишневецкого и объявленного вне закона мелко-

го шляхтича. Напутствуя уходящих поляков, бояре всё же настоятельно советовали им подумать об этом деле: «Вы, панове, о том себѣ помыслите, а надобно и Алисовского тутъ написати имянно»⁴².

Повысился и престиж Лисовского при дворе Лжедмитрия. Это проявилось уже вскоре после его прибытия в Тушино. Осада Москвы привлекала в Тушинский лагерь всё новые и новые толпы авантюристов. В середине июля 1608 г. в Россию вторгся отряд в 1700 человек под командованием бывшего сослуживца Лисовского — старосты усвятского Яна Петра Сапеги. Под его началом находились наёмники из польской Инфлянтской армии, которые взбунтовались во время рокоша Зебржидовского из-за неуплаты жалованья. Требуя денег, они объединились в Брестскую конфедерацию и нашли оригинальный способ добиться удовлетворения своих требований — захватили королевские поместья. После подавления рокоша инфлянтцы были серьёзно обеспокоены своей дальнейшей участью и, подобно рокошанам, нашли выход из затруднительного положения, выступив на поддержку «царя Димитрия». Появление отряда Сапеги резко поколебало сложившийся при дворе самозванца баланс сил, тем более, что Сапега сумел заполучить в свои руки «царицу московскую» Марину Мнишек и её отца, только что освобождённых по условиям мирного соглашения между Речью Посполитой и правительством Василия Шуйского. Появление новой силы внесло разлад в Тушинский лагерь, чем попытался воспользоваться царь Василий, решивший вступить в переговоры с «рыцарством».

Утром 7 (17) сентября 1608 г. был произведён предварительный размен заложниками. Из Москвы в Тушино явились боярин князь Андрей Васильевич Голицын, окольник Иван Фёдорович Колычев, думный дворянин Василий Сукин и думный дьяк Василий Григорьевич Телепнев. В свою очередь в столицу отправилось четверо видных тушинцев, «между которыми знатнейшие двое» — Иван Мартынович Заруцкий и Александр Юзеф Лисовский. Затем начались переговоры, которые, впрочем, ни к чему не привели⁴³.

Безотносительно исхода переговоров, сам факт появления Лисовского среди заложников на подобной встрече свидетельствует о выдвижении его в первые ряды военного командования Тушинского лагеря.

Рахманцевская битва и осада Троицы

После долгих и трудных споров «рыцарство» смогло, наконец, договориться между собой, поделив власть и сферы влияния. Продолжать осаду столицы остался Роман Ружинский, а Сапега и Лисовский были направлены на завоевание северо-восточных уездов страны. Первым шагом на этом пути являлось овладение Троице-Сергиевым монастырём, который тушинцы намеревались превратить в свой главный опорный пункт в землях Замосковья. Кроме того, всем были известны легенды о баснословных ценностях, хранившихся в казне обители. Таким образом, при помощи приманки в виде монастырских сокровищ, инфлянтские солдаты Сапеги и «русские воры» Лисовского были устранены от непосредственного влияния на самозванца.

Сознавая стратегическую и политическую важность монастыря, Василий Шуйский принял меры по укреплению Троицы. Сюда были направлены воеводы — окольный князь Григорий Борисович Роща-Долгорукий и дворянин московский Алексей Голохвастов, — а также служилые люди, казаки и стрельцы. Архимандрит Иоасаф призвал к оружию монахов, монастырских слуг, окрестных крестьян, ремесленников и богомольцев. В итоге численность защитников обители достигла примерно 2500 человек. Помимо них за стенами укрывалось не менее тысячи стариков, женщин и детей⁴⁴.

Численность тушинских войск была неизмеримо большей. Впереди армии в походном порядке двигался полк Александра Лисовского — «москва с пушками, орудий 6 добрых, полкартаунов». Численность полка достигала 6000 человек. Затем двигались полки Яроша Стравинского (500 чел.), Марка Вилямовского (900 чел., в том числе 200 казаков), полк самого Сапеги (1720 чел. с артиллерией), а замыкал движение полк Яна Микулинского (900 чел., в том числе 300 казаков). Таким образом, Лисовский имел под своим началом боль-

шие силы, нежели все остальные тушинские полковники вместе взятые. Уже одно это придавало ему особенное значение. Большая часть мятежного воинства представляло собой конницу (ок. 6770 чел.), из артиллерии имелось всего 14—17 полевых пушек, непригодных для пробивания брешей в мощных каменных стенах обители⁴⁵.

Вдогонку за тушинцами Василий Шуйский выслал 15-тысячную армию под командованием своего брата И.И. Шуйского-Пуговки. Сражение произошло 22 сентября (2 октября) 1608 г. у деревни Рахманцево. Как и Д.И. Шуйский, второй брат царя также оказался бездарным военачальником, хотя находившиеся под его началом воины сражались превосходно.

Правительственные войска изначально не выпускали противника из поля зрения. Уже в первый же день похода, 19 (29) сентября, всего в полутора милях от Тушина шедший в арьергарде полк Яна Микулинского был атакован татарской конницей. При этом едва не угодил в плен пан Руцкий, выехавший проводить сотоварищей. Одного татарина удалось захватить и Сапега, допросив пленника, приказал его казнить.

Вечером армия Сапеги остановилась в селе Тайнинском. Следующие три дня она двигалась по Ярославской дороге через сёла Братошино и Воздвиженское. В Воздвиженском 21 сентября (1 октября) конная разведка сообщила Сапеге, что войска Шуйского заняли Братошино. До Троице-Сергиева монастыря оставалось ещё две мили. Решившись продолжить движение, гетман подвергал свою армию немалому риску — противник мог внезапно атаковать её на походе, а вылазка монастырского гарнизона довершила бы разгром. Поэтому Сапега попытался сам устроить преследователям ловушку и 22 сентября (2 октября) развернул войска в боевой порядок, чтобы встретить Шуйского на марше. Но московские воеводы вовремя заметили неприятеля и успели занять выгодные позиции у деревни Рахманцево.

«Сторожевой отряд войска г. Сапеги, как только заметил русских, сейчас дал ему знать, — вспоминает Юзеф Будило, — Г. Сапега вывел своё войско в поле; русские тоже приготовились к битве и, видя, что у поляков мало войска,

смело вступили в бой с великим криком». Первой в атаку была послана многочисленная русская конница Лисовского, однако она повернула вспять, так и не столкнувшись с неприятелем. Видя бегство врага, царские ратники бросились в преследование и нанесли серьёзный урон полку Лисовского. На помощь лисовчикам был брошен полк Микулинского. Совместными усилиями им удалось отразить натиск московских ратников, однако, повторная контратака вновь вынудила их податься назад. Для поддержки Лисовского и Микулинского в бой ввели пятигорцев, и они не смогли сдержать очередной, третий по счёту, натиск царской армии. Удача, казалось, полностью покинула сторонников самозванца. «Они встретились, — пишет Конрад Буссов, — ... и задали друг другу жару, причем Сапега дважды был отбит, и от этого у поляков затряслись длинные шпоры и душа ушла в пятки». Царские воеводы не только опрокинули полки Микулинского и Лисовского, но также потеснили полк Вилямовского на правом фланге и полк Стравинского на левом, овладели всей артиллерией тушинцев. Над войском Сапеги нависла реальная угроза окружения и разгрома.

Едва не попав в руки неприятеля, Ян Пётр Сапега с трудом пробился к обозу и призвал на помощь последние свои резервы — две гусарские и две пятигорские роты. По словам Буссова, он воодушевил их пылкой речью: «Милостивые государи, если мы обратимся в бегство, всё будет потеряно и ни один из нас не спасётся. Отечество наше очень далеко отсюда. Почётнее умереть, как рыцарь, чем дать убить себя, как трусливую девку. Пусть каждый сделает во имя божие всё, что в его силах, я пойду первым, кому честь дорога, тот пойдёт за мной. При третьем натиске бог даст нам счастье и удачу, и враг будет в наших руках».

Неудержимая атака панцирной кавалерии решила исход битвы. «Этот отряд мужественно сразился, придал бодрости нашим, смутил русских, — вспоминает Будило, — русские подались, обратились в бегство и наши гнали их четыре мили — до Братовши». Отчаянный натиск со стороны уже, как казалось, побеждённого врага, застал воевод врасплох. Сам И.И. Шуйский и Ф.В. Головин в панике бежали с поля боя. Вместе с ними обратились в бегство стороже-

вой и часть большого полка. Лишь воевода передового полка, князь Григорий Петрович Ромодановский, устоял под ударом неприятеля и попытался отразить его натиск. Это ему, однако, не удалось. В жестоком бою погиб его сын Алексей, а сам храбрый воевода был тяжело ранен. Согласно преувеличенным польским сведениям на поле боя осталось 14 000 «москвитов», в то время, как тушинские войска потеряли убитыми всего 300 человек. Надо полагать, что потери правительственных войск действительно были тяжелы, причём большая часть их, несомненно, приходится на долю убитых во время преследования. Кроме того, было захвачено немало пленников, среди которых Сапега особо отмечает иностранных наёмников: «венгров, немцев и поляков, кои имели хоругвь свою и ротмистра от Шуйского»⁴⁶.

Вновь, как и на Медвежьем Броде, полковник потерпел поражение от правильно устроенного войска. Описание Рахманцевской битвы в «Дневнике Сапеги» отмечает нестойкость людей Лисовского, показавших тыл, так и не столкнувшись с противником. Однако, вполне возможно, что здесь нашли отражение как общая тенденциозность польских источников, так и обычное непонимание чуждой для Речи Посполитой тактики русской конницы, которая не практиковала обычного для поляков натиска с последующим сабельным боем (*szarża*). Согласно Ст. Немоевскому, современнику и участнику событий Смуты, «приём на войне у этого народа ... один — все на конях, по обычаю татар ... Сражение у них идёт также татарским приёмом: или гонятся, если кто перед ними уходит, или уходят, стреляя из луков ... себя же хвалят, что бьются и нападая, и убегая»⁴⁷. Поэтому и результат предпринятой полчанами Лисовского первой атаки «татарским приёмом» мог показаться польским кавалеристам просто бегством без соприкосновения с противником.

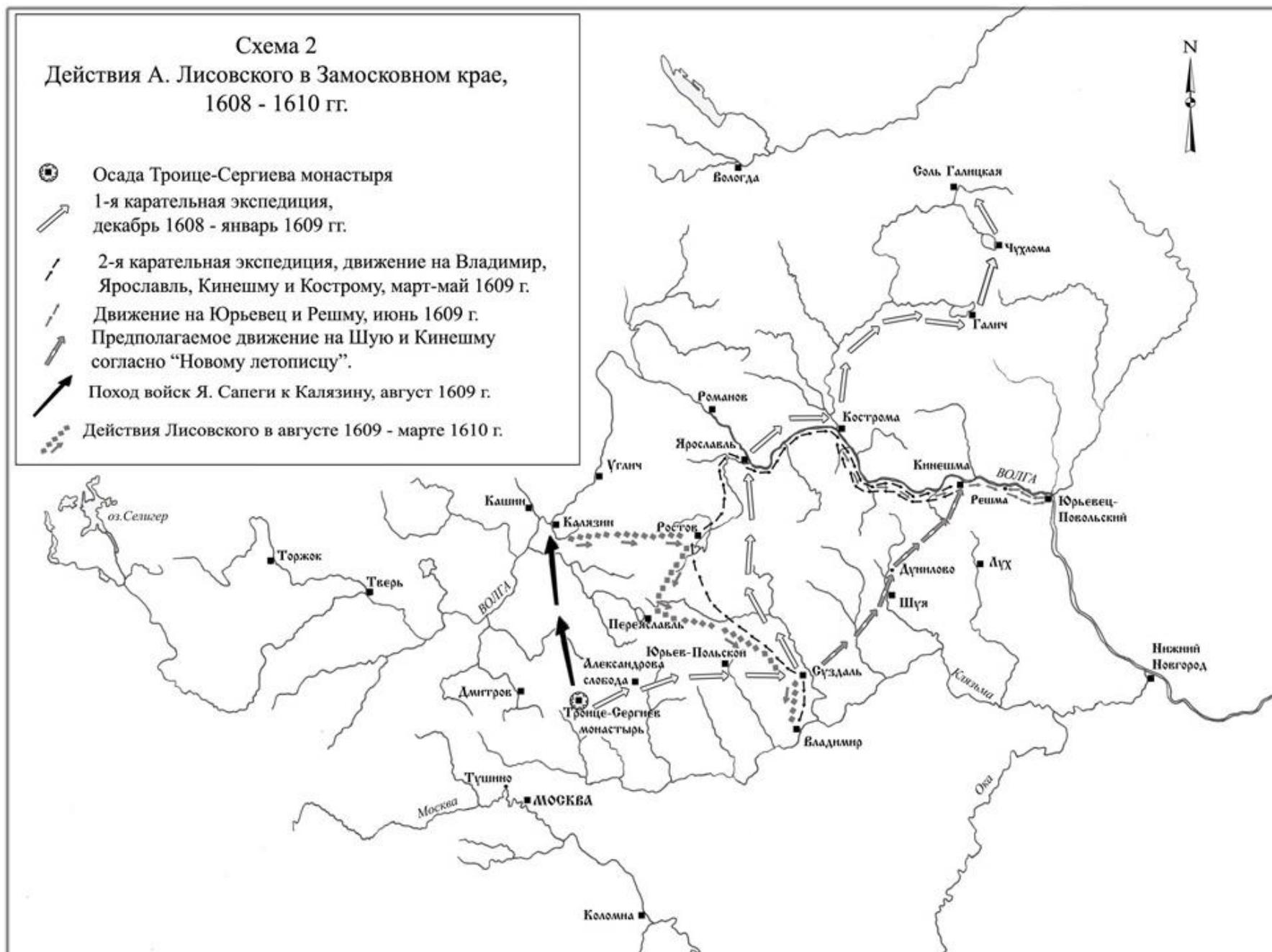
Однако, несомненно и то, что полк Лисовского, собранный в ходе грабительского рейда из случайных и чуждых друг другу элементов, не успел ещё спаяться в единый боевой организм, а потому был не в состоянии противостоять правильно устроенному войску. Для сплочения и превращения в боеспособное воинское подразделение полку ещё только предстояло закалить себя во

время осады, длительность и тяжесть которой никто пока не мог себе и представить.

23 сентября (3 октября) 1608 г. тушинская армия подошла к Троице-Сергиеву монастырю. Ворота его были заперты. Объехав обитель, Сапега и Лисовский выбрали места для осадных лагерей. Воинство Лисовского расположилось к юго-востоку от монастыря, на другом берегу речки Кончуры, в Терентьевской роще. На прибрежных кручах было установлено четыре укрепленные батареи — не столько для обстрела обители, сколько для отражения возможных вылазок.

Троице-Сергиев монастырь, помимо своего духовного значения, представлял собой ещё и первоклассную крепость. Удачно расположенный на местности, изрезанной оврагами и защищённой крутыми склонами, монастырь был в середине XVI в. обнесён мощной каменной стеной, образовывавшей неправильный четырёхугольник общей протяжённостью 1284 м. Высота её колебалась от 8 до 14 м, а толщина — от 6 до 10 м. Стену, имевшую амбразуры для «среднего» и «подошвенного» боя, увенчивали зубцы, под которыми располагались косые навесные бойницы. Над стенами высилось 12 боевых башен. Они служили как для ведения фланкирующего огня, так и площадками для размещения орудий. В башнях и на стенах было установлено более ста пушек. Передовой линией укреплений служили деревянные надолбы. В ожидании осады за стенами обители укрылось не менее тысячи стариков, женщин и детей, а гарнизон монастыря насчитывал в своих рядах около 2500 стрельцов, пушкарей, детей боярских, казаков, боевых холопов, затинщиков, монастырских слуг, вооружённых монахов, паломников и крестьян⁴⁸.

Сдаваться монастырь отказался и Сапега стал готовиться к штурму. Он начал вести подкоп под Пятницкую башню и послал в Тушино за осадной артиллерией. В итоге 6 (16) октября в лагерь осаждающих прибыли князь Данила Долгоруков, 300 казаков и осадная пушка «Тещера». Орудие установили подле лагеря Лисовского у Терентьевской рощи, на горе Волокуше. Вскоре начались и открытые вооружённые столкновения с защитниками. Первый бой произошёл

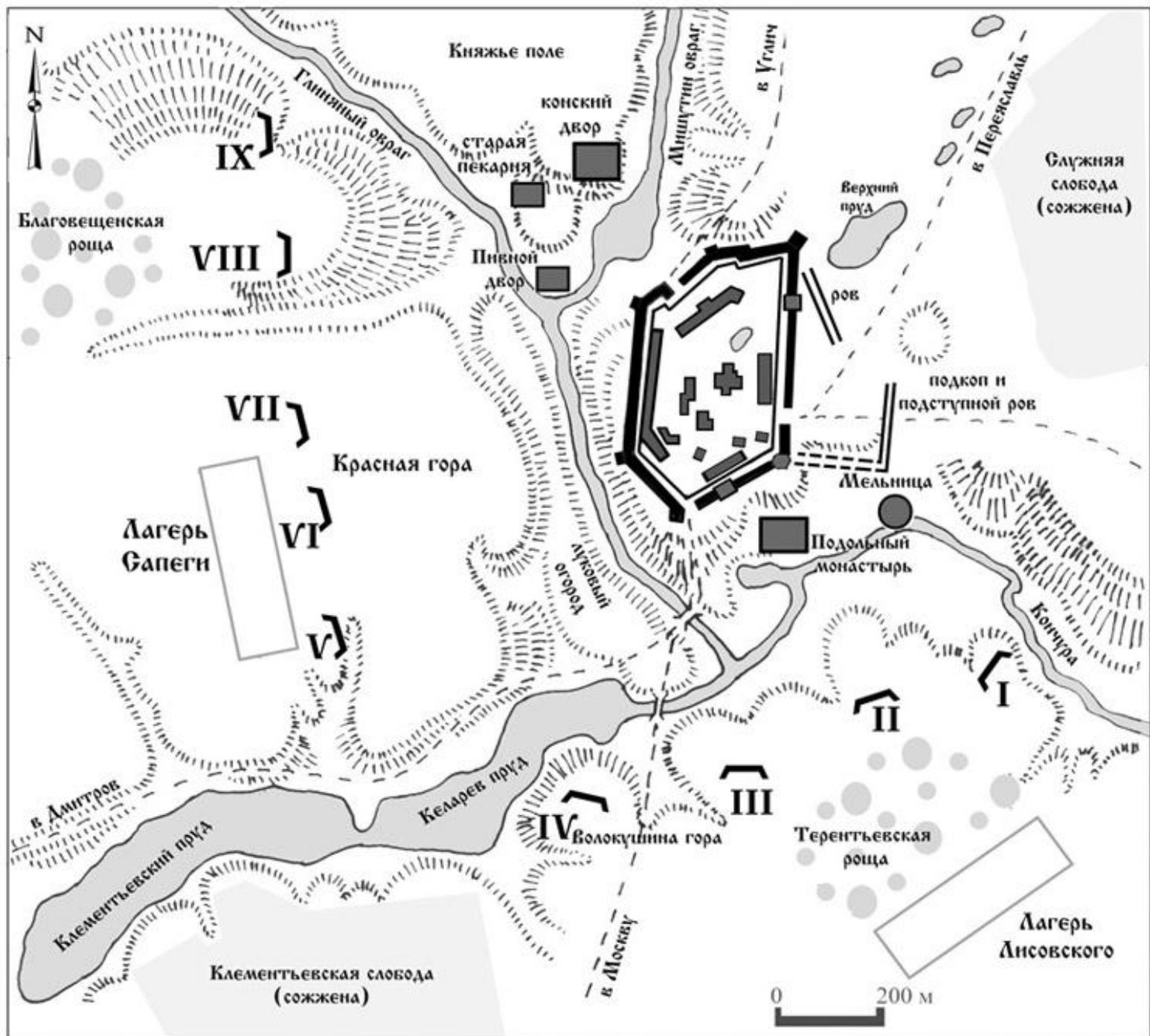

Схема 3. Осада Троице-Сергиева монастыря

8 (18) октября у водяной мельницы на Кончуре. Накануне Лисовскому стало известно, что из монастыря к мельнице идёт подземный ход. Он устроил там засаду, но в лунном свете она была замечена монастырскими дозорными. Осаждённые вышли через потайные ворота и в пять часов ночи сами внезапно напали на людей Лисовского. Вылазка увенчалась успехом и засада была полностью разгромлена. Самому Лисовскому в схватке прострелили «руку правую сквозь ладонь»⁴⁹.

Спустя два дня, 10 (20) октября, осаждённые предприняли крупную вылазку против лагеря Сапеги на Красной горе. Извещённый о том через перебежчика, Сапега успешно отразил нападение и нанес защитникам монастыря большие потери.

Тем временем тушинские отряды под командованием дона Хуана Крузатти, Петра Головича, Тимофея Бьюгова и Яна Кернозицкого успешно действовали в северо-восточных уездах царства, нанося поражения правительственным войскам. Многие города стали переходить на сторону самозванца. 24 октября (3 ноября) по переяславской и угличской дорогам к монастырю приблизились многолюдные посольства ярославцев, костромичей, вологжан, устюжан и представителей других уездов, которые направлялись в Тушино ко двору Лжедмитрия II. Воеводы направили большой отряд к Ярославской дороге на разведку, но лисовчики, которые вели подкоп, перехватили его. Они атаковали из своих рвов и ям «яко демоны», перебили многих защитников, среди которых погиб их командир Борис Рогачёв.

26 октября (5 ноября) осаждённые предприняли новую, более удачную вылазку, опрокинув заставы ротмистров Сумы и Брушевского, отогнав их к самой Красной горе. Ян Брушевский был захвачен в плен и на допросе дал ценные показания о готовящемся подкопе.

В ночь на 1 (11) ноября тушинцы внезапно пошли на приступ. Штурм был неожиданен не только для осаждённых, но и для командования осаждающих. Воинство решило атаковать стены обители, будучи разгорячено обильными возлияниями на шумном пиру. В приступе участвовали солдаты Сапеги из

лагеря на Красной горе. Лисовский не повёл своих людей в неподготовленную атаку и ограничился артиллерийской поддержкой, открыв огонь со своих батарей и с вершины Волокуши. Как и следовало ожидать, штурм окончился полным провалом. Единственным успехом штурмующих было сожжение деревянного острожка у Пивного двора.

Через три дня защитники монастыря организовали новую вылазку. Её целью было точно установить направление вражеского подкопа. Голова Борис Зубов и слуга монастырский Ананий Селевин атаковали противника у Подольного монастыря и погнали в сторону лагеря Лисовского. Был захвачен пленник, от которого, наконец, удалось получить необходимые сведения. Защитники стали рыть вдоль стен защитный ров. 6 (16) ноября на землекопов напали сапежинцы, но были отражены с большими потерями огнём со стен монастыря. В течение 9 (19)—11 (21) ноября схватки около устья подкопа не прекращались. Осаждающим стало ясно, что их замысел раскрыт. Они открыли огонь по монастырю из «Тещеры», однако монастырские пушки 8 (18) ноября удачно накрыли выстрелами осадную батарею и «Тещера» была разбита. 9 (19) ноября вылазка Ивана Ходырева против шанцев на Красной горе вылилась в кровопролитное сражение у монастырских стен. Осаждающие едва не ворвались в монастырь, но зато осаждённые сумели захватить 8—11 пушек и полностью разгромили часть укреплений Сапеги. «Гетман же Сапѣга, видѣвъ занимающася огнём твѣрдейшая станица своя, побѣже в табары своя, такоже и злый еретикъ лютор Лисовской»⁵⁰. Вслед за этим 10 (20) ноября, в бою около подкопа, погибло 190 защитников обители, но вечером в ходе успешной вылазки осаждённые захватили у сапежинцев обоз с сеном.

Утром 11 (21) ноября из монастыря была организована крупная вылазка, чтобы окончательно уничтожить вражеский подкоп. Удар был нацелен и на позиции Лисовского. Отряд Ивана Есипова, Силы Марина и Юрия Редрикова должен был атаковать третий и четвёртый шанцы лисовчиков; отряд Ивана Ходырева, князя Ивана Болховского и Бориса Зубова имел целью первую и вто-

рую батареи Лисовского. Эти атаки должны были сковать лисовчиков и не дать им возможности помешать группе Ивана Внукова уничтожить подкоп. После взрыва подкопа атакующим следовало поспешно отступить к монастырю, чтобы войска Сапеги с Красной горы не успели отрезать им пути отхода.

«И егда начаша из града выходити за три часа до свѣта, и абие наидоша облацы тѣмныя, и омрачися небо нелѣпо, и бысть тма, что ни человѣка видѣти ... Людие же вышедшее из града и ополчишася. И абие буря велика воста и прогна мрак и тѣмныя облаки и очисти воздух, и бысть свѣтло. И егда удариша в осадные колокола потрижды, так обо повелѣно имъ вѣсть подати, Иван же Ходырев с товарищи ... вкупѣ нападоша на литовских людей нагло и мужественно ... В то же время от Святых ворот голова Иван Внуков с товарищи и со всѣми людми прииде противъ подкоповъ на литовских людей ... збивше литву и казаковъ под гору на Нижней монастырь и за мельницу. А Иван Есипов с товарищи своимъ полком бьющееся с литвою по Московской дорогѣ по плотинѣ Краснаго пруда до Волокуши горы»⁵¹.

Атака развивалась успешно, но лисовчики быстро пришли в себя. Бывший болотниковец, казачий атаман Иван Чика отразил натиск на Волокушу и стал теснить нападавших обратно к Подольному монастырю. Появилась угроза того, что ему вновь удастся овладеть подкопом. Но в тот миг, когда враги уже ворвались в него, два кlementьевских крестьянина, Никона Шилов и Солота, пожертвовали собой и взорвали заряд. Понеся потери, отряд Чики был отеснен обратно к Терентьевской роще, хотя в ходе схватки атаман успел застрелить из самопала голову Ивана Внукова.

Следующее крупное сражение с участием Лисовского произошло 28 ноября (8 декабря). Осажденные решили отбить у тушинцев захваченный ими скот. Для этого была устроена вылазка, которая разогнала заставы осаждающих в Мишустинном и Большом Глиняном оврагах и у Благовещенской рощи. Однако, увлекшись преследованием неприятеля, ратники слишком отделились от монастыря. На поддержку им был выслан дополнительный вылазной отряд.

Между тем Лисовский повёл своих людей, стремясь отрезать защитникам обители путь к отступлению.

«Александръ же Лисовской, яко змий возсвиставъ со своими аспиды, хотя поглотити православных воинство; и вскорѣ прииде с конными и пѣшими людми и с рускими измѣнники с Терентѣевской роци противъ Красных ворот на вылазных троецких людей ... и, яко левъ ревий, хотя всѣх поглотити»⁵².

Лисовчики стали теснить защитников в крепостные рвы. Тогда в ход был пущен последний резерв осаждённых. Старцы Ферапонт Стогов и Малафий Ржевитин во главе 20 монахов выехали верхом из Святых ворот монастыря, внезапно обрушившись на врага. «И видѣся Лисовскому, яко из монастыря тмочислено многое воинство изошедших; и абие устрашися злый враг кровопийца и побѣже, гоним силой божию, со всѣм своим воинством под гору за мельницу на лугъ и на Тѣрентеевскую рощу»⁵³.

На выручку Лисовскому, однако, успели подойти конные роты Сапеги. Совместными ударами с тыла и флангов осаждающие сбили вылазных людей в низину у Пивного двора и попытались их там окружить и уничтожить. Сдержатъ натиск противника помог подвиг крестьянина Суеты. Он был «велик возрастом и силенъ велми, подсмѣваем же всегда неумѣнна ради в боех». В этот момент, вскричав «Се умру днесь или славу получю от всѣх!», он ринулся на врагов с бердышом в руках. «И сѣчаше бердышем своимъ на обѣ страны врагов и удержавая полкъ Лисовского Александра и никто же против его стати не возможе». Тогда Лисовский повёл своих людей вдоль Красной горы к Косому Глиняному оврагу, на появившийся там отряд троецких людей.

«Видѣвъ же мало троецкаго воинства, злонравный люторъ Лисовской устремися жестоко на них, и смѣсившеся вси людие вмѣсто, литовские и троецкие, и бысть бой великъ близ оврага Глинянова ... Александръ же Лисовской хотя в отводѣ жива взятии слугу Пимина Тененева, Пимин же обратився на Александра и устрѣли его из лука в лице по лѣвой скрании. Свирѣпый же

Александръ свалися с коня своего. Полчане же его ухватившее и отвезоша в Сопѣгин полкъ».

Ранением Лисовского битва не завершилась, ибо у многих его людей «сердца же кровию ... закипѣша по Лисовскому и на мечь паки мнози воздвигнушася зань, яко лютыя волцы». Однако перелом в сражении уже произошёл. Тушинцы были отражены и защитники монастыря благополучно сумели укрыться за его стенами⁵⁴.

Надо отметить, что жизнь Лисовского не раз повергалась опасности в схватках под Троицей. Он всегда был в гуще боя и на него всегда были направлены удары храбрѣйших из осаждѣнных. Одним из наиболее прославленных воинов среди защитников обители являлся монастырский слуга Анания Селевин. Он собственноручно захватил 16 пленников и «никто же от силных поляков и русских измѣтников смѣюще наступати нань но издалече ловяще из оружия убити ... И по конѣ его мнози знающе, толик бо скорь конь той». Ближайшим товарищем Селевина во всех вылазках был глухонемой перебежчик из тушинского стана пан Мартыаш. По уверению Авраамия Палицына, «роту копейных поляковъ они же два с луки вспять возвращаху». И вот, во время одной из вылазок, Лисовский заметил Селевина и ринулся на него. Однако русский поединщик оказался более ловок: «Анания же борзо ударив конь свой и пострели Лисовского из лука в високъ лѣвой, с ухом прострелив, и опроверже его долу, сам же утече из среды полков казачихъ»⁵⁵.

Столь же неудачна для Лисовского оказалась схватка с московским стрельцом Нехорошко и клементьевским крестьянином Никифором Шиловым (братом погибшего при взрыве подкопа Никона). Когда во время вылазки Лисовский во главе своего полка атаковал защитников монастыря и «пожирал их устами меча, яко волк агнцев», эти двое «видѣвше Лисовского вооружена зѣло броньми, копие же в руку своя имѣя». Верхом на меринах, они ринулись на внушающего страх наездника, «призывающее на помощь великаго Сергия чудотворца». В схватке Никифор Шилов убил под Лисовским бахмата, а Нехо-

рошко поразил его копьём в бедро. При этом им обоим удалось вырваться из толпы лисовчиков и невредимыми вернуться в монастырь⁵⁶.

Удачные для Лисовского схватки и поединки, разумеется, не нашли отражения в повествовании Авраамия Палицына.

Одновременно с осадой Троицы, Сапега и Лисовский приводили в подданство Лжедмитрию окрестные уезды Замосковского края. Вначале присягу самозванцу принесли жители восточных волостей Московского уезда и окрестностей Александровой слободы. Чтобы привлечь их на свою сторону, Ян Пётр Сапега публично карал виновных в грабежах и насилиях. Между тем загоны тушинских фуражиров в поисках продовольствия опустошали территорию, формально находившуюся ещё под контролем правительства Шуйского. Не имея сил противодействовать этим набегам, местные жители стали высылать посольства в стан под Троицей и просить Сапегу принять их присягу и прислать к ним воинские силы для обуздания грабителей. Первыми 7 (17) октября 1608 г. прибыли посланцы Переяславля-Залесского. Они сообщили также, что против тушинцев готовится выступить владимирский воевода князь Третьяк Сеитов. После Болховской битвы он на время примкнул к Лжедмитрию, но затем снова переметнулся в стан Шуйского. Теперь же, сославшись с суздальцами, муромцами, ярославцами, ростовцами и переяславцами, князь собирал войска для похода против Тушинского Вора.

Сапега немедленно удовлетворил прошение переяславцев и направил к ним отряд под командованием Петра Головича и Тимофея Бьюгова — обрусевшего шведского торговца Лауренса Буйка из Ярославля. Под их началом находилось 300 запорожцев, три гусарские роты и отряд татар, а в Переяславле к ним присоединилось 200 местных дворян.

Между тем 8 (18) октября воевода Т.Ф. Сеитов выступил в поход и сделал своей базой Ростов. Здесь к нему присоединились ярославцы. Тем временем к Сапеге продолжали являться посольства замосковных уездов — Юрьевского и Суздальского.

Согласно сведениям «Нового летописца», первоначально суздальцы собрали ополчение и намеревались «стояти противъ Литовскихъ людей». Это их намерение поддерживал и благословлял архиепископ Галактион. Однако планы повстанцев были сорваны сторонниками Лжедмитрия во главе с неким Меншиком Шиловым, который, «научень дїаволомъ», убедил горожан целовать крест Тушинскому Вору и направить посольство к Сапеге под Троицу. Очень скоро суздальцы горько разочаровались в своём решении, ибо к ним явился Лисовский, который «въ Суздалѣ и инымъ городомъ многую пакость дѣяше». Вместе с ним Сапега прислал в Суздаль на воеводство Фёдора Кирилловича Плещеева-Смердова⁵⁷. Однако, согласно И.О. Тюменцеву, опирающемуся на данные разрядов, инициатором присяги Лжедмитрию был в Суздале не Меншик Шилов, а сам Ф.К. Плещеев, которого полностью поддерживал архиепископ Галактион. Что же касается Лисовского, то он появился в Суздале только в марте следующего года⁵⁸.

Тем временем, усилившись переяславскими дворянами, отряд Бьюгова и Головича выступил на Ростов, жители которого отказались приносить присягу Лжедмитрию. Ополчение князя Сеитова двинулось навстречу неприятелю. Князь имел численное превосходство над противником — под его началом находилось около 2 000 человек против 800 тушинцев. Однако, опытные наёмники Бьюгова и Головича быстро разгромили ополченцев. Преследуя бегущих, они ворвались в Ростов, зажгли город и устроили там кровавую резню. Запорожцы, а вслед за ними и переяславцы, «выбиша двери церковныя и начаша людей сѣщи и побиша множество народа». Город подвергся грабежу, в церквях и монастырях была захвачена огромная добыча, среди которой выделялась драгоценная рака Святого Леонтия. Митрополит Филарет и Третьяк Сеитов были схвачены. Их препроводили в лагерь Сапеги под Троицей, а оттуда выслали в Тушино⁵⁹.

Разгром Ростова произвёл решающее впечатление на замосковные уезды. Присягу Лжедмитрию принесли жители Романова, Ярославля, Углича, Галича,

Вологды, Владимира, Муром, Арзамаса, Гороховца и Балахны. Оказавшиеся под контролем тушинцев территории были разделены на приставства, которые должны были обеспечивать продовольствием и фуражом войска Сапеги. Жители уездов — и дворяне, и крестьяне, и посадские люди, — быстро поняли, что ошибались, ожидая, что войска Лжедмитрия станут их защитниками от бесконечных поборов и разбоев. Тушинские отряды сами оказались хуже всяких разбойников.

Отряды Лисовского также кормились за счёт замосковных приставств. Он разместил девять рот «оберегать города Ярославля посаду и уѣзду», а также высылал своих людей в окрестности Переяславля-Залесского. Уже 29 ноября (8 декабря) 1608 г. монахи здешних монастырей — «Горицкого монастыря архимонреть Алимпей съ братьею, да Донилова монастыря архимонреть Иона съ братьею, да Никитцкого монастыря игумень Леонтей съ братьею, да Ѳедоровского монастыря игумень Тихонъ съ братьею, да Борисагльбского монастыря игумень Давыдъ съ братьею» — били челом Лжедмитрию II. Они жаловались на то, что «пан Олександр» и его «загонные люди» фактически завладели монастырскими вотчинами, взыскали монахов 360 рублей, а также взяли с них в пользу ротмистров Синского и Юшинского «всякие столовые и конские кормы и въ тѣхъ де кормѣх стало имъ убытка девяносто четыре рубли». Получив жалобу, Лжедмитрий сделал выговор Сапеге, приказав ему отозвать из Переяславля Синского и Юшинского. Насчёт же Лисовского было указано: «буде тотъ панъ Олександръ тѣ денги имали безъ твоего велѣния, и ты бѣ тѣ денги сыскавъ, потомужъ себѣ зачель въ заслуженоя»⁶⁰. Суздальский воевода Ф.К. Плещеев жаловался Яну Сапеге: «Литва и казаки твоих таборов и Лисовского загонные люди разорили людишок наших и крестьян, и жонок и девок и робят емлют и отвозят в таборы, и достальной хлеб сами молотят, и сено отвозят в таборы ж». Подобные действия были обычной практикой для всех тушинских отрядов.

Очень скоро топтание тушинцев под стенами Троице-Сергиева монастыря и слухи о приближении русско-шведского войска князя М.В. Скопина-Шуйского воодушевили жителей северо-восточных уездов, успевших настрадаться под властью грабительских шаек самозванца. Повсюду в городах и уездах начали вспыхивать восстания. На их подавление стали высылаться карательные отряды. Одним из них, несмотря на своё ранение, командовал и Александр Лисовский.

Каратель

«Во всех углах толпами собирались тысячи крестьян. С теми немцами и поляками, которых они заставляли в загоне (auf der Sagon), т.е. в поисках провианта или в разведке, они поступали во много раз грубее и беспощаднее, чем поступали с ними прежде поляки. Если крестьяне приходят в ярость, они обычно ведут себя, как обезумевшие, помешанные, и, как дикие свиньи, не щадят ничего, разрывают и раздирают, что только могут, и, ударив раз, продолжают бить по тому же месту. Сохрани бог попасть в их руки какому-нибудь честному воину», — в таких выражениях сетовал Конрад Буссов, говоря о восстании против тушинцев в Замосковных городах и селениях. Однако, как человек наблюдательных и проницательный, он не мог не указать причин жестокости «обезумевших» русских крестьян:

«Единственной причиной их отпадения от Дмитрия были несправедливости и большие бесчинства поляков, которые не могли отказаться от грабежей и насилия, пока их не стали спускать под лед, перерезать им горло или даже вздергивать на виселицу. Они отнимали силою у бедняков, невзирая на то, что те присягнули Дмитрию, все, что у них было, как если бы это были злейшие враги, а ведь эти бедные люди много отдавали в лагерь на содержание войска. Из-за этого им приходилось все прятать и закапывать в землю от грабителей поляков, что слишком тяжело было постоянно терпеть этим людям и дало им повод ... взбунтоваться против грабителей-солдат Дмитрия и отпасть от него. Некоторых поляков они убили, некоторых спустили живыми под лед, пригова-

ривая: «Вы, глаголи, вконец разорили нашу местность и сожрали почти всех коров и телят, отправляйтесь теперь к рыбам в Волгу и нажирайтесь там до смерти». Для того чтобы обуздать отпавших крестьян, из лагеря были посланы в Романов Самуил Тышкевич, а в Суздаль и потом в Ярославль — пан Лисовский»⁶¹.

Восстания вспыхивали повсеместно: «Богъ же вложи мысль добрую во всѣхъ черныхъ людей и начаша збиратися по городомъ и по волостемъ». В Юрьевце-Повольском восставших возглавил костромитин Фёдор Красный-Боборыкин, на Решме — крестьянин Гришка Лапша, в Балахне — Иван Кувшинников, в Городце — Федор (Беляй) Ноговицын. Они изгоняли тушинских начальных людей, уничтожали отдельные мелкие подразделения противника⁶². Однако плохо вооружённые, наспех сколоченные отряды земского ополчения не могли противостоять опытным профессиональным военным.

Для похода на Ярославль у Лисовского были и личные причины — здесь повстанцы перебили его собственных людей. Призывая к общему восстанию, нижегородские земцы сообщали об этом в своём послании: «декабря въ 21 день (31 декабря 1608 г.) писали къ намъ изъ Шуи чарочникъ Ѳедоръ Красной и выходцы въ роспросѣ сказывали: пришель деи въ Ярославль изъ воровскихъ полковъ панъ Лисовской, а съ нимъ Литвы девять ротъ, оберегать города Ярославля посаду и уѣзду, и Ярославцы деи посадскіе люди тоѣ Литву поставили в Ярославлѣ на посадѣ въ розныхъ дворѣх и дали имъ кормъ ѣсти и пити много, да подали вѣсть Государѣвымъ людемъ Костромичомъ и Галиченамъ и иныхъ городовъ, и Государѣвы деи ратные люди пришедъ в Ярославль съ Ярославцы посадскими людами Литву всѣхъ на голову врознь по дворомъ пьяныхъ спячихъ побили»⁶³. С точки зрения Лисовского и его товарищей, это было, несомненно, предательское нападение за которое следовало покарать жесточайшим образом.

Одним из предводителей ярославского восстания был перешедший в православие голландец-солевар Даниэль Эйлов. Он собрал на своей солеварне 200 человек, вооружённых луками, стрелами, топорами и пиками, но 11 (21) декаб-

ря сюда прибыли каратели — «Александр-Иосиф Лисовский с 5000 казаков и Иван Шуйский с 900 конных копейщиков; они проехали ко двору и к солеварне перекрещенца, все дотла сожгли и поубивали всех, кого там застали»⁶⁴. Сам Эйлов вместе с тремя дочерьми спрятался в погребе и лисовчики, захватив их в плен, потребовали выкуп в 600 талеров. Он заплатил эти деньги при помощи Иоахима Шмидта, немца, поставленного от Лжедмитрия вторым воеводой в Ярославле. Вслед за этим, 13 (23) декабря, были выжжены деревни в окрестностях солеварни и перебито при этом около 1000 человек.

Но не везде карателям удавалось одерживать столь же лёгкие победы. По свидетельству Буссова, «крестьяне в своих лагерях так окопались и укрепились частоколами или тынами, что поляки ничего не смогли с ними поделать и должны были оставить их в покое». Чтобы «разгромить и разогнать тех изменников», Ян Пётр Сапега выслал 5 (15) декабря в карательный поход полк Эразма Стравинского, а 10 (20) декабря отправил вслед ему и Александра Лисовского «с парой тысяч донцов»⁶⁵.

Против карателей выступило ополчение Галицкого и Костромского уездов. «Соли Галицкіе посадцкіе людишка, и Усолскіе осады крестьяне съ Галича и съ Галицкихъ пригородовъ, по сту человекъ съ сохи» собрались 23 ноября (3 декабря) 1608 г. и выступили походом на Кострому и Ярославль. Однако, не дойдя двух вёрст до Ярославля, их войско развалилось и большинство служилых людей перешло на сторону тушинцев: «дѣти боярскіе, Галичане и Костромичи, измѣнили, почали межъ себя ясакомъ кликати, и нарядъ Галицкой вогняной у ... ратныхъ людей почали отымати»⁶⁶. Посошные люди галицкие и солигалицкие, не желая сдавать оружие, бежали к Костроме. Лисовский и Эразм Стравинский преследовали их и 23 декабря (2 января) у села Данилово произошёл бой. Костромские служилые люди, влившиеся к этому времени в ополчение, перешли к Лисовскому и крестьянское ополчение было разбито. Весть об этом гонец доставил в ставку Сапеги 23 декабря (2 января). Из донесения следовало, что в битве было разгромлено 25 000 «изменников» и выжжен Дани-

ловский посад. Вслед за этим, 28 декабря (7 января), Лисовский вошёл в Кострому, а 3 (13) января 1609 г. был взят Галич, при взятии которого лисовчики выжгли посад: «литовскіе люди и казаки и дѣти боярскіе пришли в Галичъ, панъ Лисовской съ ротами и съ казаки, и съ дѣтми боярскими, со многими людми, и Галичанъ, посадцкихъ людей многихъ воры побили, и городъ сожгли, и посадъ и ряды пожгли, и нарядъ ... и зелье и свинець ... взяли»⁶⁷. Разгромленные и разорённые галичане «животишка свои пометали» и бежали в леса, укрывшись в Тотемском уезде.

С жителями восставших уездов чинилась жестокая расправа. Повествуя о ней, Н.И. Костомаров особо подчёркивает: «Свирепствовали зверски воины Лисовского: непокорным всякого возраста, всякого звания привязывали на шею камни и бросали в воду, расстреливали их из самопалов, иным перебивали ноги; совершали самые невообразимые неистовства и над старыми, и над малыми»⁶⁸. Однако, вряд ли стоит делать вывод о некоей патологической жестокости Лисовского и его людей — их деяния мало чем выделялись на общем фоне ужасов Смутного времени. Достаточно вспомнить, как правительственные войска воеводы князя Ф.И. Мстиславского в январе 1605 г., расправляясь с мятежниками, «так разорили Комарицкую волость, что в ней не осталось ни кола, ни двора; и они вешали мужчин за ноги на деревья, а потом жгли, женщин, обесчестив, сажали на раскаленные сковороды, также насаживали их на раскаленные гвозди и деревянные колья, детей бросали в огонь и воду, а молодых девушек продавали за 12 стейверов»⁶⁹. А мятежные казаки «царевича Петра» в Путивле в начале ноября 1606 г. «многих воевод и дворян различными муками мучили: иныхъ зъ башни кидаху, иныхъ съ мосту въ ровъ, иныхъ вверхъ ногами вешаху, иныхъ по стенамъ распинаху, руки и ноги гвоздми прибивше ись пищалей ростреляху»⁷⁰. В обоих случаях шла расправа с «изменниками», взбунтовавшимися против «истинного государя» и потому заслуживающими самой жестокой кары. Той же логики придерживались и полчане Лисовского, огнём и

мечом выжигавшие измену «царю Дмитрию Ивановичу» и мстившие за своих погибших сотоварищей.

Защитники Троицы, собрав сведения о передвижениях Лисовского, писали в январе 1609 г. царю Василию Шуйскому: «А пошел де Лисовской и Травицкой [Стравинский] подь Кострому и подь Костромою де у нихъ было дѣло; и какъ Кострому оступили и Кострому выжгли, а люди изъ Костромы ночью ушли в Галичъ, и Лисовской пошелъ к Галичию ... А Сопѣга де къ Лисовскому писалъ, чтобъ шель из подь Галича назадъ»⁷¹.

Прежде, чем получить письмо Сапеги, Лисовский выслал из Галича в Соль Галицкую отряд под началом Миколая Пудковского и Фёдора Фёдоровича Мичурина. Ему следовало привести жителей к присяге Лжедмитрию. Город не был готов к сопротивлению. «У насъ, в Соли, около посаду острогу нѣтъ, и городъ сгниль и розвалился, и ... зелья нѣтъ, крѣпитися не чѣмъ» — жаловались горожане в грамоте на имя Василия Шуйского. Посланцы Лисовского «привели заневолю» посадских людей к присяге Лжедмитрию и вернулись в Галич. Однако вскоре они вновь вернулись в сопровождении Фёдора Фёдорова и Василия Френёва: «а велѣно было им, пану Микулаю съ товарищи, судити и управу чинити», а также взять с солигаличан 2030 рублей, по 20 рублей от сохи. «Чтобы изъ Галича воры къ намъ войною не приходили и домовъ нашихъ не разоряли и не пожгли, и жон и дѣтей не поругали», посадские и уездные люди поднатужились и всё же собрали требуемый выкуп⁷².

Лазутчики рассылались Лисовским и дальше — к Вологде и Тотьме. Один из них, Тимоха Ленков, был пойман тотемцами и на допросе рассказал, что исполнял поручение командира одного из отрядов Лисовского, Фёдора Ванина, под началом которого «всякихъ людѣй дѣтей боярскихъ человѣкъ со сто». В целом же силы Лисовского насчитывают «четыре роты болшихъ пановъ, а в ротѣ по сту по двадцать человѣк, да двѣ тысячи Запоросскихъ казаковъ, да съ нимъ же Ярославскихъ да Галецкихъ дѣтей боярскихъ тысяча семь

соть»⁷³. Таким образом, в северной экспедиции Лисовского участвовало не менее 4280 человек, из которых поляков («болших панов») было не более 480.

Ленков сообщил также, что 22 января «воровские люди» намерены выступить на Вологду, что туда был послан лазутчик Треня Крылов и что их сторонники обещали сдать город: «съ Вологды Микита Пушкинъ пишетъ въ полки въ вору, а я де вамъ Вологду сдамъ ... как придете и мы де Вологду сдадимъ»⁷⁴.

Droga równa i wszędy goscinięc mu prosty,
Przez jeziora, przez rzeki i wszystkie zatopy,
Aż gdzie dotąd nie było polskiej stopy⁷⁵ —

восторженно описывает эту карательную экспедицию Самуэль Твардовский в своей стихотворной биографии короля Владислава IV. Впадая в ещё более эпические преувеличения, поэт далее уверяет, что Лисовский в своих набеггах достиг берегов Ледовитого океана и Оби, где захватил легендарную «золотую бабу» — идола местных языческих племён⁷⁶. Однако, как и в случае со столь же мифическим рейдом к Астрахани, у Лисовского просто не было времени, чтобы совершить подобный дальний поход — уже в середине февраля 1609 г. он вновь участвует в боях под осаждённой Троицей. Согласно показаниям Ленкова, это произошло по прямому приказу из Тушина: «пришла де грамота къ пану Лисовскому отъ вора изъ Тушина, была де Государева рука высока, а другая грамота о денгахъ; а что де у тебя денегъ въ сборъ и возмешь Вологду, а не возмешь и ты бь спѣшилъ съ тѣми денгами въ полки»⁷⁷. Тушинскому правительству отчаянно требовались деньги и ради скорейшего их получения Лжедмитрий готов был даже отложить взятие Вологды.

Вернувшись с добычей в лагерь под Троицей, Лисовский вновь деятельно включился в продолжение осады. Отсутствие значительной части вражеского войска дало защитникам монастыря-крепости передышку. Они смогли пополнить свои запасы дров и фуража, стали совершать многочисленные успешные вылазки. Иногда к осаждённым удавалось пробиться свежим подкреплениям. Одна из серьёзных вылазок, предпринятая 26 декабря (5 января), была направ-

лена именно на лагерь полка Лисовского. Монастырские ратники подобрались под прикрытием зарослей Терентьевской роши к самому обозу и яростно атаковали врага. Хотя самого полковника в лагере не было, удар, тем не менее, был успешно отражён. Согласно «Дневнику Сапеги», около 70 «сынов боярских и слуг монастырских» было убито, а 8 человек взято в плен. У самих лисовчиков «несколько было подстрелено, двух пахолков живыми взяли и донцов трёх». Повторная вылазка против стана Лисовского была предпринята 10 (20) января. Она также была успешно отражена⁷⁸.

В ночь на 16 (26) февраля 1609 г. в монастырь попытались прорваться 70 казаков атамана Сухого Останкова и 20 монастырских слуг Никифора Есипова. Они должны были доставить с собой большой запас пороха, который везли на 60 лошадях — каждая из них несла мешок весом в полпуда. Однако осаждающим стало известно об этом замысле от трёх стрельцов, пытавшихся пробраться с этой вестью в монастырь. Сапега выслал наперехват Останкову и Есипову «несколько хоругвий казацких» и усилил стражу на подступах к стенам обители на случай возможной вылазки. В итоге обоз был перехвачен и 20 человек попало в плен. Осаждённые предприняли отчаянную вылазку, пытаясь отбить порох и пленных, однако она закончилась неудачей⁷⁹.

Ожесточённый потерями Лисовский приказал немедленно казнить пленников на виду монастыря — «выведя их за обоз, так что это хорошо было видно со стен». Осаждённые немедленно ответили тем же в ещё большем масштабе: «воеводы же ... повелѣвшие вывести литовских полоняников и казнити на горѣ старой токарни надо (о)врагом 42 человекъ, а казаков противъ Лисовского табарь у Верхнево пруда на взгорке 19 человекъ». Ночью осаждающие выслали несколько саней и подобрали изрубленные тела казнённых поляков и донцов. Разъярённые товарищи погибших пленников бросились в стан Лисовского и едва не растерзали полковника. Жизнь ему спасло только заступничество Сапеги⁸⁰.

Генрик Виснер ошибочно относит данные события к 24 февраля, говоря, что полковник совершил поступок «столь же жестокий, как и немудрый», казнив пленников без ведома Сапеги. Историк предполагает, что причиной тому могла послужить гибель брата Лисовского под стенами монастыря⁸¹. Под началом Александра Юзефа действительно находился один из его братьев, Станислав. Это был опытный военный, служивший прежде ротмистром пехотным в Инфлянтах, участвовавший в боях против венгров и турок. Дата и обстоятельства гибели его неизвестны, упоминается лишь, что он был застрелен во время одной из вылазок осаждённых⁸². Однако, из письма троицких воевод на имя царя Василия следует, что Лисовский-младший погиб не ранее июня 1609 г.⁸³ Таким образом, казнив пленников, полковник просто дал выход своему гневу и накопившемуся за время боёв и набегов ожесточению.

В конце февраля полк Лисовского активно готовился к новому приступу. Для этого были подготовлены оригинальные осадные приспособления: «въ Лисовского полку подѣланы щиты на четверых санехъ рублены, бревна вдвое, и окошка подѣланы, по окнам стрѣляти ... а везти щиты къ городу на лошадехъ»⁸⁴. Неизвестно, насколько эффективно проявили себя эти подвижные острожки во время приступов к монастырским стенам, но сама по себе идея их сооружения показывает полковника с новой стороны. Судя по всему, в данном случае он творчески использовал российский опыт сооружения передвижных полевых укреплений — «гуляй-городов». Подобное укрепление, как известно, было похоже «на деревянный город, сделанный из тончайших досок и для защиты ... имел устроенное подобно городским стенам ограждение, наподобие щитов. Каждая часть этих ограждений имела в длину меру в три локтя или несколько более (около 1,5 м), а в высоту — протяжение в одну сажень (более 2 м); эти части были сомкнуты друг с другом ... а между собою связаны были скреплением железных цепей ... А двигался он на колёсах; внутри по всей его окружности впрягались ослы и силою их, везущих обоз двигался ... а все животные в нём были совсем невидимы для глаз вне находящихся»⁸⁵. Используя

«гуляй-город» для осады, Лисовский заменил «тончайшие доски» на мощные плахи и, учитывая зимнее время, установил щиты на сани, запряжённые лошадьми.

Под Троицей располагался не весь полк Лисовского — часть его несла гарнизонную службу в Суздале, часть была размещена для кормления на территории отведённого ему приставства. Именно с помощью лисовчиков суздальский воевода Фёдор Плещеев отразил очередной натиск земского ополчения. Правда, первое столкновение оказалось для них неудачным. Попавший в начале марта в плен под Троицей Иван Маковский сообщил, что «за Суздалем, за тридцать верст, появились тысяч шесть съ большими луками, на лыжахъ, и противъ тѣхъ людей изъ Суздаля ходили охочіе люди, которые оставались у Лисовского, и лыжники ихъ побили человѣк съ пятьдесятъ, а иныхъ живыхъ помали»⁸⁶. Однако 17 (27) февраля 1609 г. наступление повстанцев на город было успешно отражено: «приходили воры, понизовныхъ городовъ мужики, подъ городъ подъ Суздаль подъ посадъ, и ... воровъ побили; и на третей день послалъ язъ отъ собя за воры пана Мартына Собелскаго съ казаки да съ нимъ же съ Мартыномъ пошелъ Лисовского полку панъ Чижевски съ казаки». Развивая успех, тушинцы сами перешли в наступление, захватили приволжский город Плѣс и с добычей вернулись обратно «въ Суздальской уѣздъ в старые таборы, въ село Иваново в Кохму». Однако отдыхать им пришлось недолго — пришли вести о сборе повстанцев в Холуе. Уже 6 (16) марта, отряд под командованием Мартина Шабельского (Мартына Собельского), пана Жичевского и Петра Апухтина «въ Холую на посадъ и на городкѣ на Кляземскомъ воровъ побили, а иныхъ въ осадѣ пожгли». Об этих и других подобных подвигах в стане Сапеги стало известно 29 мая (8 июня), когда «приехали гонцы к его милости из Суздаля и дали знать, что пан Шабельский, коего его милость посылал с несколькими сотнями донцов, имел в двух местах стычки с изменниками, в коих по милости божьей изменники успеха не имели и он сколько-то сот изменников

убил, а несколько десятков живьём поймал»⁸⁷. Пройдёт год, и пан Шабельский сыграет важную, хотя и неожиданную, роль в жизни Лисовского.

Но присутствие лисовчиков, как и других тушинских войск, не вызывало восторга у жителей городов и сёл, обязанных обеспечивать им кров и продовольствие. От незваных гостей всячески пытались избавиться. Когда в Юрьеве-Польском стало известно, что по приказу Сапеги туда велено идти «пану Олександру Лисовскому со всѣмъ своимъ полкомъ», горожане дружно просили избавиться их от подобного бремени. «У нас, господине, в Юрьевѣ, отнюдь никакихъ коромовъ нетъ, — писали они Яну Петру Сапеге 17 (27) февраля 1609 г., — мѣсто разореное, и ты бѣ велелъ имъ итти на государевы на дворцовые сѣла, на Никамарну да на Симу, а то мѣсто цѣло и жило, и кормовъ у нихъ много»⁸⁸.

Между тем в феврале—марте 1609 г. земское ополчение северо-восточных уездов, не сломленное зимними расправами, начало решительное наступление. На сторону Василия Шуйского открыто перешли жители Мурома, Владимира, Юрьева-Польского, Романова, Углича, то же самое готовились сделать и суздальцы. Кровавое восстание против тушинцев произошло в Костроме. Жертвой его в первую очередь стали местные служилые люди, изменившие земскому делу во время экспедиции Лисовского. Восставшие костромичи жестоко расправились со своими дворянами, не пощадив членов их семей: «обрезывали у младенцев руки и ноги и вкладывали матерям в рот, разрезали беременных жён изменников, сдирали с живых кожу». Так было замучено около 200 человек⁸⁹.

Суздальцы, некогда добровольно признавшие власть Лжедмитрия, находились теперь на грани восстания. Сам тушинский воевода Ф.К. Плещеев не скрывал своего недовольства поведением «царских людей». Он писал Яну Петру Сапеге под Троицу 12 (22) апреля 1609 г.:

«А пахолики, господине, литовские и казаки, стоячи в Суздале, воруют, дворяном и детем боярским, и монастырем, и посацким людем из Суздальского уезда разоренье и насилство великое, жонок и девок емлют, и сѣла государевы,

и дворянские и детей боярских, и монастырские вотчины выграбили и пожгли и нам, господине, от пахолков литовских и от казаков позор великой: что станем о правде говорить, о государевом деле, чтоб они государевы земли не пустошили и сёл не жгли, и насилства ни смуты в земле не чинили, и оне нас, холопей государевых, позорят, лают и бити хотят»⁹⁰.

В отличие от воеводы, жители суздальского уезда не ограничивались жалобами в письменном виде. В начале февраля 1609 г. многочисленные повстанцы собрались к северу от Шуи, у села Дунилово, и выстроили тут острог. Воевода Ф.К. Плещеев сообщал, что против него «воры многихъ городовъ Понизовныхъ, собрався, многими людми пришли ... со всѣхъ сторонъ, лыжники и конные». Во главе ополчения находился костромитин Фёдор Боборыкин. Чтобы ликвидировать опасную базу земского восстания туда выступил сам Ф.К. Плещеев. Бой в Дунилово продолжался 11 (21) февраля «съ перваго часу до обѣда и ... на бою ... казаки дрогнули и дворянъ, суздалцовъ и лушанъ и иныхъ побили, а иныхъ ранили». Суздальский воевода потерпел сокрушительное поражение и едва «утече въ Суздаль съ невеликими людьми»⁹¹.

Повстанцы находились всего в 20 верстах от Суздаля и готовы были двинуться на город, воевода которого спешно слал гонцов за подкреплениями. Тушинцы стали срочно стягивать сюда свежие силы — роты Яна Соболевского, Василия Жичевского, Леонтия Мирского, Дзевалтовского, суздальских и лушских дворян. 17 (27) февраля «Литовскіе же люди и Рускіе воры, собрався многіе люди, и придоша къ Даниловскому, и бои быша многіе. Грехъ же ради нашихъ тотъ острогъ взяша и многихъ черныхъ людей побиша», — сообщает «Новый летописец»⁹². Однако уничтожить отряд не удалось — конница карателей не могла преследовать по глубоким снегам уходящих от них на лыжах ополченцев.

Среди тех, кто был отправлен против повстанцев Боборыкина, был и Александр Лисовский. Особой грамотой от 14 (24) февраля 1609 г. Лжедмитрий извещал Яна Петра Сапегу о создавшейся угрозе и приказывал: «какъ къ тебѣ

наша грамота придетъ, и ты бѣ тотчасъ послалъ пана Олександра Лисовского въ Суздаль, съ Полскими и Литовскими людьми и съ Донскими казаки, и велѣлъ имъ итти наспѣхъ и промышлять нашимъ дѣломъ, смотря по тамошному дѣлу»⁹³.

Исполняя приказ самозванца, Ян Пётр Сапега бросил против ополченцев полки Александра Лисовского, Марка Вилямовского и Яроша Стравинского. Лисовский во главе 3000 своих казаков при трёх пушках выступил в поход 29 марта (8 апреля) 1609 г., а на следующий день вдогонку ему Сапега направил несколько хоругвей пятигорцев. Объединившись в Юрьеве-Польском, каратели выступили на Суздаль, где к ним присоединились отряды Ф.К. Плещеева и А.З. Просовецкого⁹⁴.

Ярославский воевода князь Фёдор Петрович Барятинский также взывал о помощи. «Живу, государь, въ великихъ бедахъ, — писал он Лжедмитрию 15 (25) февраля, — ... и поляки, и литва, и казаки въ Ярославлѣ и въ Ярославском уѣзде насилство чинять великое, людей грабятъ и побиваютъ, а меня ни въ чемъ не слушаютъ ... мужики опять заворовали многіе». В ответной грамоте Лжедмитрий извещал своего ставленника, что выслал ему на помощь «Лисовского съ людьми». Однако 3 (13) марта Ф.П. Барятинский повторно жаловался на угрозу со стороны повстанцев и сообщал, что «Лисовской до насъ съ людьми не бывалъ». Лжедмитрий вновь обратился к Сапеге и потребовал: «какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ, поговоря съ воеводою нашимъ, съ паномъ Олександромъ Есипомъ Ивановичемъ Лисовскимъ, отпустилъ его на нашу службу тотчасъ, а съ нимъ послалъ роты Полскихъ и Литовскихъ людей, и на воровъ велѣлъ имъ ходить, и поискъ надъ ними и тѣсноту чинили ... а велѣлъ бы еси ему итти наспѣхъ, днемъ и ночью, чтобъ измѣнники наши къ Ярославлю не подошли и дурна бѣ некоторого не учинили и Ярославского уѣзду не завоевали». А 4 (14) марта Лжедмитрий шлёт Сапеге новую грамоту, где в тех же выражениях требует срочной посылки Лисовского под Кострому. Там же он из-

вещает об отправке выборного дворянина костромитина Ивана Фёдоровича Зубатого и казачьего головы Ненаша Мокринского с грузом боеприпасов для этого похода⁹⁵. Создаётся впечатление, что в Лисовском видели некое незаменимое орудие для подавления любого выступления, где бы оно не происходило.

Опасения тушинских воевод были не напрасны. Восстание ширилось. Усилия по его подавлению приводили лишь к частным успехам. Так, 3 (13) марта 1609 г. ротмистр Сума и ростовский воевода И.Ф. Наумов отбили повстанцев от Костромы. Когда каратели явились в Кострому, то увидели, что там, около посада были порублены «тарасы», а улицам перегорожены частоколами. Однако костромской острог был взят приступом, костромичей побили, а тех, которые заперлись, пожгли. Бежавших преследовали и побивали по дорогам. Однако, стоило войскам Наумова уйти, как земское ополчение вернулось и 12 (22) марта 1609 г. костромской воевода Н.Д. Вельяминов известил Яна Петра Сапегу, что к городу приближается отряд «вологодских и поморских мужиков» численностью в 4000 человек и просил срочной помощи против них. Сапега спешно выслал в туда отряд Самуила Тышкевича и 20 (30) марта 1609 г. получил донесение об очередной победе над костромскими повстанцами.

Тем временем Лисовский, прежде, чем отправиться в Ярославль или под Кострому, выступил в Суздаль. Оттуда, вместе со Стравинским, Просовецким и Плещеевым, пополнив свои силы местными служилыми людьми, он выступил против Владимира, где концентрировались отряды владимирского, казанского и нижегородского ополчений. Нижегородский воевода Андрей Семёнович Алябьев, захватив Муром, выслал к Владимиру около 700 дворян, московских и астраханских стрельцов и казаков во главе с А.А. Микулиным, Б.А. Износковым и Я.С. Прокудиным, Ф.В. Левашёвым и князем И.Д. Волховским. Они подошли к Владимиру 27 марта. В городе вспыхнуло восстание, тушинский воевода М.И. Вельяминов был убит, и владимирцы присягнули Василию Шуйскому. Из Владимира стали рассылаться грамоты в Мещеру, Арзамас и Шацк с призывом свергнуть власть самозванца. Отряд Семёна Голенкина, высланные

на подавление восстания из Суздаля, был разгромлен, а сам Голенкин с небольшим числом своих полчан попал в плен.

«Пань Александръ Лисовски съ полкомъ, а съ ним многіе роты» прибыл в Суздаль 31 марта (10 апреля) 1609 г. Почти тотчас после этого, 2 (12) апреля, объединённые силы карателей выступили к Владимиру и, приблизившись к нему на другой день, столкнулись с земскими войсками, которые начали собственное наступление на Суздаль. Появление тушинцев стало для повстанцев полной неожиданностью. Каратели с ходу атаковали противника и одним решительным ударом рассеяли его. Многие были перебиты, иные разбежались, а наиболее удачливые укрылись за стенами Владимира. Захватить город Лисовскому не удалось. Сдаваться горожане отказывались. Им было прекрасно известно, что за этим последует. Сведения, полученные от пленников, захваченных 10 (20) апреля во время рейда к стенам города, оказались неутешительны. В письме на имя Сапеги воевода Плещеев писал: «А в Володимере, господине, сидят государевы изменники, многие люди; и с теми людми нам Володимеря осадить не с кем, а изменники сели насмерть и наряду у них много, а сидят казаки и стрелцы, в Володимере, астороханские и московские, которые были под Астороханью, на Балчике, с Фёдором Шереметевым, сидят их семьсот человек вогневого бою; а головы, господине, у них в Володимере, Ондрюшка Микулин да Якушка Прокудин, да у астороханских казаков голова Богдашко Износков, да с Кинешмы пришёл Беляк Конаговицын [Ноговицын], да Шуйского холоп Семейка Свистов, а с ними Поволжских городов многие мужики ... А город Володимерь крепкой и осыпь высока, пушек надобе много, а без верховного наряду города никоими мерами взятии не мочно»⁹⁶.

Оценив силы противника и свои возможности, тушинцы предпочли отступить и 6 (16) апреля вернулись в Суздаль. Здесь их ждали тревожные вести. Стало известно о заговоре среди горожан и подозрение в «измене» пало на одного из предводителей тушинской партии, дворянина Григория Аргамакова. Атаман А.З. Просовецкий настоятельно советовал схватить Аргамакова и расправиться с ним, чтобы тем самым обезглавить заговорщиков. Прислушавшись

к этому совету, Лисовский, вернувшись из владимирского похода, призвал к себе Ф.К. Плещеева и Григория Аргамакова. Дворянин был обвинён в убийстве пахолка поручика Мирского — «будто он, Григорей, у Мирского порутчика пахолка неведомо где учинил». Аргамаков оправдывался, уверяя, что этого пахолка он отпустил от себя в табор «литовских людей» живого-здорового. Однако никакие оправдания не помогли: подозрительного дворянина взяли под стражу и передали в руки ротмистра Александра Колецкого. Имущество Аргамакова, а заодно и его братьев опечатали. Воевода Плещеев организовал сыск среди суздальцев, но не нашёл никаких подтверждений вины арестованного. Сам пан Колецкий признавал, что «на него мы ничего верного не имеем, только послушавши пана Просовецкого, который сказал, что ему нельзя верить». Впрочем, тот же ротмистр признавал и другое: «в этих краях никому верить нельзя». Что же касается обвиняемого, то он направил челобитную на имя Сапеги, где утверждал, что «пришедчи из Володимеря, пан Александро Лисовский, и меня, холопа государева, отдал за пристава без вины и без сыску для своей корысти»⁹⁷.

Не исключено, конечно, что Аргамаков был прав и его арест объясняется исключительно корыстолюбием Лисовского и наговорами Просовецкого. В пользу этого говорит и то, что «он же, Александр Лисовский, взятии велел у Григорья Аргамакова с двора аргамак сер Фёдора Савиновича Плещеева, да мерин соловой, его, Григорьев»⁹⁸. Однако, Аргамаков был не единственным пострадавшим — в те же дни был взят под стражу и отослан в Тушино архиепископ Суздальский Галактион, умерший в пути неподалёку от Троицы. Если заговор действительно существовал, то жёсткие меры Лисовского позволили его обезглавить и возможное восстание было предотвращено. Суздаль надолго остался надёжной опорной базой тушинцев.

Между тем 9 (19) апреля пришла весть о восстании в Ярославле. Ярославцы целовали крест царю Василию Шуйскому и перебили весь тушинский гарнизон. Спасти удалось лишь полковнику С.Тышкевичу, князю Ф.П. Барятинскому, ротмистру Стреле с десятком человек и боярину И.И. Волынскому.

Прибывший из Тушина в город с запасом пороха и свинца отряд из 220 донских казаков и стрельцов был захвачен врасплох, 70 казаков попали в руки повстанцев. Прочие вместе с Тышкевичем бежали в Ростов. Для расправы с восставшими был срочно направлен полк Яна Микулинского, а из-под Владимира переброшены Лисовский и Стравинский с 3000 донцов. Отрядам Плещеева и Просовецкого было приказано оборонять Суздаль⁹⁹.

Лисовский покинул Суздаль 12 (22) апреля, оставив в городе лишь одну из своих пушек. Это не слишком усилило гарнизон. Ротмистр Колецкий писал: «ещё известие о пушке пана Лисовского, которую он здесь оставил. Нам от неё нет пользы. Не очень мы в атаке этой пушке доверяем»¹⁰⁰.

Под Ярославлем между тем развернулись упорные и ожесточённые бои. Об этой борьбе оставили довольно подробные сообщения как один из предводителей осаждающих, хорунжий мозырский полковник Юзеф Будила, так и руководители защитников города — Сила Гагарин, Никита Вышеславцов, Овсей Резанов и Иван Озерецкой.

Согласно рассказу ярославцев, «апреля в 1-й день пришли под Ярославль воры Литовские люди и казаки и Черкасы и Татаровя и государевы изменники русских городов многие люди и государевых людей голов с сотнями с заставы столкнули, и мы с дворяны и с детьми боярскими и со всякими ратными людьми вышли за острог и с воры бились во весь день до самыя ночи, и приступы у воров к большому острогу были многие и крепкие и того дни острог большой от воров Бог помиловал»¹⁰¹.

Будила о боях 1 (10) апреля не упоминает. Судя по всему, первая попытка подавления ярославского восстания была предпринята ещё до его прибытия и полностью провалилась. Полки же самого Будилы и Микулинского, выступив из Курбы, подступили к городу 26 апреля (6 мая). Им пришлось переправляться через реку Пахну, «на расстоянии мили от Ярославля у имения монастыря Спасского, где весной был большой разлив реки». Земское ополчение три дня сдерживало карателей на переправе и тогда 29 апреля (9 мая) тушинцы, «оставив там Азана турка с ярославскими и романовскими татарами и с донскими ка-

заками, которым поручили развлекать русских на этом месте ... сделали на этой реке мост повыше». На следующий день, 30 апреля (10 мая) Будило и Микулинский зашли в тыл ярославской заставе и обратили повстанцев в бегство: «охотники из поляков и казаки гнали их на расстоянии мили к Ярославлю». На ближних подступах к городу ополченцы дали преследователям открытый бой:

«Надеясь на свою силу, они дали битву целым своим отрядом; поляки, ободренные первую свою победой, тоже мужественно сразились, прежде всего с астраханскими стрельцами, которых было 600 и с сибирскими стрельцами числом 1 200, которые стояли на челе и на которых русские полагали всю надежду, наголову их разбили, потому что, как пешим, трудно было им уходить. Русская конница, видя их поражение, принуждена была уходить в слободу Спасского монастыря, лежавшую тут же ниже моста; за ней наши сейчас же въехали тоже в слободу. Азан с отрядом, оставленным у реки, не замедлил прибыть и прибыл в то самое время, когда наши ворвались в слободу; его отряд, спешившись, тоже побил немало русских и сжёг слободу; затем русские, не удержавшись на открытом месте, затворились в городе, а наши расположились под городом лагерем»¹⁰².

В ночь на 1 (11) мая, каратели, «не давая русским спорить с ними о победе ... кинулись на штурм города. Закричав позади, как будто намеревались идти на штурм из своего лагеря, потихоньку с другой стороны города разобрали тын и вошли в город. Русские в городе долго бились, стараясь выбить нас из города, но наконец, были пересилены и побиты; иные, захватив с собою, что было можно, бежали к судам, но, не успев попасть на них, тонули, а остальные, заперлись в крепости, на которых наши ходили несколько раз штурмом, но не могли взять, потому что место было сильно укреплено и удобно для защиты; с двух сторон его были две большие реки — Волга и Которость, большой ров, мост на быках от одной реки к другой»¹⁰³. Русские источники относят успех противника за счёт измены: «въ пятомъ часу ночи воры пришли к большому острогу всеми людьми приступомъ по великимъ по многимъ мѣстамъ, въ по-

следнемъ часу ночи промѣжъ Власьевскихъ воротъ воры острогъ зажгли и государевыхъ людей съ острогу збили, а въ те поры свороваль, измѣнилъ Спасско-го монастыря служка Гришка Каловской: Семеновскія ворота отворилъ и воровъ въ острогъ пустилъ; и воры вшедчи въ острогъ, посадъ зажгли, и посадъ ... въ большемъ остроге выгорель и государевыхъ людей и многихъ побили, а иные съ розгрому розбрелися розно, а мы ... с достальными людьми сели въ меньшемъ остроге въ рубленомъ городе и въ Спасскомъ монастыре и изъ острогу съ воры билися весь день»¹⁰⁴.

Следующий приступ к малому острогу осаждающие предприняли 3 (13) мая. Сражение длилось «во весь день и до вечера», но захватить крепость тушинцам так и не удалось. В ночь на 4 (14) мая Будило и Микулинский повторили попытку: «въ шестомъ часу ночи воры пришли къ острогу со всѣми людьми великими приступы съ щиты и съ огнем, смолеными бочками, съ примѣтом и съ вогненными стрелами, и мы съ воры у приступовъ бились до полудни и на вылазку выходили и ... воровъ съ острогу и на вылазкахъ многихъ побили и живых поимали и щиты и примѣты всѣ и знамена и прапоры многіе у нихъ взяли и отъ острогу всѣхъ отбили»¹⁰⁵.

Признав своё поражение, осаждающие 5 (15) мая «отъ Ярославля пошли прочь по Углецкой дороге». Однако радость осаждѣнных была преждевременна: уже 8 (18) мая «воры Литовские люди казаки и черкасы и русские измѣнники воротились подъ Ярославль». Оказалось, что отступающих карателей на пути повстречал «панъ Лисовской съ прибылыми людьми». Он убедил Будилу и Микулинского вернуться и продолжить осаду. Как писали защитники города, «воромъ всѣмъ Ярославль сталъ боленъ добре»¹⁰⁶.

Лисовский был полон решимости захватить город и осаждающие ходили на приступ по два-три раза в день. Осаждѣнные упорно сопротивлялись и нанесли врагу тяжѣлые потери. Помимо этого лисовчики совершали опустошительные рейды по округе восставшего города. По словам Петра Петрея, Лисов-

ский «сжѣг городские предместья, также другие местечки и деревни, изрубил всех мужчин и женщин, старых и молодых», захватив при этом большую добычу¹⁰⁷. Однако ярославцы держались упорно, не переставая призывать помощь из северных городов.

Пытаясь взять Ярославль, каратели прибегли к помощи бывшего воеводы Иоахима Шмидта. Его послали к горожанам «чтобы убедить жителей одуматься и не давать больше повода к кровопролитию, а всяким притеснениям будет положен конец, и царь Димитрий посадит в город воеводой знатного вельможу, которого польские солдаты будут бояться». Но ярославцы были сыты по горло тушинским правлением. Они заманили Шмидта «хитрыми речами» поближе к городским воротам и схватили. Пленник был подвергнут страшной казни: «вскипятив большой котел меду, они сняли со Шмидта одежды, бросили его в мед и варили до тех пор, пока не осталось совсем мяса на костях ... Когда Шмидт достаточно долго поварился, они вынули скелет из котла и выбросили его на городской вал — так, чтобы свиньи и собаки порастаскали его, и даже не разрешили его вдове и друзьям собрать и похоронить кости». Инициатором расправы со Шмидтом выступил некогда спасённый им Даниэль Эйлов — он «не только насмеялся над своим верным другом в его несчастье, но даже стал побуждать русских поживее прикончить его»¹⁰⁸.

Земские восстания тем временем вспыхивали повсеместно. Тушинцам отчаянно не хватало войск. С севера на помощь земцам Замосковья двигались сибирские и поморские ратники воеводы Давыда Жеребцова, которые 1 (10) мая 1609 г. вновь осадили Ипатьевский монастырь в Костроме, где тушинский воевода Н.Д. Вельяминов отбивался от повстанцев. Вслед за этим повторно восстали Галич и Соль Галицкая, отправив призыв о помощи в северные города. Крупное ополчение начало собираться в Вологде. В начале июня осаду Ярославля пришлось снять.

Избавившись от непосредственной угрозы, ярославцы писали в середине июня пермичам, чердынцам и кайгородцам, что тушинцы «от Ярославля отошли и пошли к Ростову. А Лисовской со многими воровскими людьми пошёл

подъ Кострому и мы къ Давыду Жеребцову на помочь послали изъ Ярославля головъ со многими ратными людьми съ вогненнымъ боемъ ... А на Костромѣ ... в Ипатскомъ монастырѣ, государевы изменники сѣдятъ въ осадѣ а воевода у нихъ Микита Вельяминовъ»¹⁰⁹.

О событиях в Костроме тушинцы узнали от пленников и ярославского перебежчика сына боярского Василия Бутримова. После этого, оставив осаду Ярославля, Лисовский двинулся на помощь Н.Д. Вельяминову. В послании Яну Петру Сапеге И.Ф. Наумов писал: «мы, господине, надъ государевыми измѣнники промышляемъ и тѣсноты имъ всякіе чинимъ: и под Ярославлемъ стояли маія съ перваго числа маія жъ по 22 день и приступали къ городу и къ монастырю многожды, и на вылазкахъ многихъ измѣнников побивали ... по тѣмъ, господине, вѣстямъ панъ Олександръ Лисовскій со всѣмъ своимъ полкомъ и съ Донскими казаки, кои были со мною, пошолъ на Кострому въ Ипатцкой монастырь на государевых измѣнников мая въ 23 день». Сам Наумов отступил к Великому селу в пяти милях от Ярославля, а затем в Ростов. Оставшиеся с ним силы не позволяли вести активных боевых действий. После ухода донцов в распоряжении тушинского воеводы оставалось всего 47 человек (23 пошехонских, романских и вологодских детей боярских, 20 ростовцев, 4 дмитровцев и ярославцев)¹¹⁰.

Для снятия осады с Ипатьевского монастыря выступили отряды под общим командованием Александра Лисовского и И.Ф. Зубатого. В ставке Сапеги об этом стало известно 27 мая (6 июня) из послания Будилы. Гонец сообщил, что «пан Лисовский с донцами вышел, чтобы Кострому выручить от изменников, которая уж была вынуждена ... вступить в переговоры с изменниками и, не ведая, что пан Лисовский ей на выручку идѣт, готова была изменникам сдаться»¹¹¹.

Численность сил Лисовского и Зубатого точно не известна. Исходя из того, что после тяжѣлых боѣв под Кострому прибыло около полутора тысяч тушинцев, можно предположить, что в поход выступило не менее 2000 человек.

Маршрут движения Лисовского также не вполне ясен. По неудачному выражению Н.И. Костомарова, «не доходя до Костромы, Лисовский повернул к Кинешме»¹¹². Осуществить подобный манёвр довольно затруднительно, учитывая, что Кинешма лежит ниже по течению Волги, нежели Кострома, а Кострома находится между Ярославлем и Кинешмой, причём ближе к Ярославлю. Говоря об этом, Н.И. Костомаров опирался на челобитную донцов Наумова, просивших у Лжедмитрия жалованья за участие в поволжских карательных экспедициях¹¹³. Описывая свои действия, казаки сообщали, что от Ярославля «государевъ воевода Олександро Ивановичъ пошелъ подь Кинешму», не называя при этом никаких промежуточных пунктов. Между тем, «Новый летописец» совершенно определённо сообщает, что «полковникъ же Лисовской съ Литовскими людьми и воеводы Московские поидоша изъ Суждаля ко граду Шуѣ и градъ Шую взяша взятъемъ и многихъ людей побиха. И отъ Шуи приде подь Кинешму и градъ Кинешму взяша взятъемъ же и воеводу Фёдора Бабарыкина и ратныхъ людей множество народа побиха и повоеваху многие грады и уѣзды и приде опять въ Суздаль»¹¹⁴. Исходя из этого можно предположить, что по каким-то причинам Лисовский оказался вынужден вначале вернуться в Суздаль и уже после этого вновь двинулся к берегам Волги. Возможно, он поступил так из-за необходимости получить свежие подкрепления и обновить походные припасы и снаряжение. Однако, челобитная донцов не упоминает захват Шуи, хотя в интересах челобитчиков было как можно полнее представить свои заслуги. Вероятно, летописное известие даёт обобщённое изложение походов Лисовского, перечисляя все города, захваченные полковником, вне зависимости от точной хронологии его действий. В таком случае остаются неясными обстоятельства и дата взятия Лисовским Шуи, если таковое вообще имело место.

Как бы то ни было, но, судя по известным датам боёв, двигался полковник необыкновенно быстро. В конце мая лисовчики подступили к Кинешме, где намеревались захватить речные суда и переправиться через Волгу. Однако кинешемцы оказали упорное сопротивление. В своей челобитной донцы сообщали

ют, что они «подъ Кинишьмою съ ... измѣнники дрались явственно и бились насмерть». В конце концов, сопротивление ополченцев было подавлено, а город взят и выжжен. Лисовский расположился лагерем на разорѣнном Кинешемском городище. Здесь он простоял десять дней¹¹⁵.

Согласно местному преданию, ополчение Кинешмы сразилось с Лисовским на другой день после праздника Вознесения Господня — 26 мая (5 июня) 1609 г. «За две версты от Кинешмы по Луховскому тракту ополчение встретило врага и решительно заградило ему дальнейшее движение к посаду и городу, — сообщает кинешемский краевед отец Иоанн Альтовский, — Стороны вступили в жестокий бой. Несколько раз они схватывались в рукопашную. Нападение было жестоко, сопротивление упорно и отчаянно ... Ополчение ... не могло противостоять многочисленному и уже закаленному в боях неприятелю. Оно расстроилось и вразброд спустилось к речке Кинешемке. Неприятель преследовал его. И здесь ополчение, несколько собравшееся и оправившееся, снова вступило в бой с неприятелем и снова потерпело поражение. (В настоящее время на этом месте одиноко в стороне стоит деревянный памятник-крест. Из-под него чуть заметно бьет чистый источник. Под крестом-памятником виднеется ямка, из которой народ достает себе песочек, очевидно веря в его целительную силу. В народе и до сего времени сохраняется живое предание, что этот памятник-крест поставлен на братской могиле избитых защитников города).

Оставшиеся силы ополченцев левым берегом реки Кинешемки пробрались на посад и здесь, на посадской площади, снова собрались для последней защиты главной части своего поселения — города с его собором, святынями и достоянием общественным и частным ... Главным сообщением города с окружающим посадом было через ворота восточной стены. Эти ворота были главными, выходящими из города на торговую посадскую площадь. С остальных сторон город был мало приступен. Здесь-то, на торговой посадской площади, произошла последняя ожесточенная битва последних сил собравшегося ополчения с неприятелем.

Несмотря на всю отчаянную храбрость ополчения, бой был неравен; неприятель был сильнее, и ополчение здесь было истреблено окончательно. Неприятель ворвался в город. Здесь, в соборном храме, как месте последней защиты и убежища, заперлись многие из граждан, решившись скорее принять венец мученический, чем сдаться рассвирепевшему и беспощадному врагу. Не имея, очевидно, возможности проникнуть внутрь храма, «поганые» сожгли его со всем, что находилось в нем»¹¹⁶.

Вслед за Кинешмой, Лисовский разорил расположенную поблизости богатую слободу Солдогу. Предводители местного ополчения Куломзин и Шушерин пали в бою.

Падение Кинешмы заставило окрестных земских ополченцев перейти к более активным действиям. Из Юрьевца-Повольского против Лисовского двинулся отряд повстанцев во главе с Фёдором Боборыкиным — «измѣнники, многіе люди ... конные и пѣшіе, восьмь тысячъ». Земцы осадили лисовчиков на городище и попытались отбить Кинешму, однако Лисовский стремительно контратаковал и наголову разгромил повстанцев. Сам Фёдор Боборыкин был взят в плен и казнён, что нанесло земскому делу тяжёлый удар. Но переправиться и помочь осаждённой Костроме тушинцы так и не смогли. В ставке гетмана Сапеги о действиях Лисовского стало известно 11 (21) июня: «приехали гонцы к его милости из Суздаля и дали знать, что пан Лисовский под Кинешмой погромил изменников тысячи, Кинешму высек и Бабарыкина, который там был воеводой, живьём взял»¹¹⁷.

В Кинешме было захвачено несколько речных судов, однако отряд Лисовского понёс слишком тяжёлые потери в боях и полковник не решился переносить военные действия на левый берег Волги. Вместо этого он повернул обратно, двигаясь «въ верхъ по Волгѣ, берегомъ и судами». Местные повстанцы преследовали отступающих. Донцы вспоминали, как «пришли ... измѣнники, многіе люди, стругами и мы ... дрались на судахъ три дни». Кроме речных боёв, лисовчики несли потери от огня земских пушкарей: «а какъ ... шли во-

ровскіе полки къ Костромѣ и государѣвыи деи люди из-за Волги, из болшого наряду побили много ... А людѣи деи съ собою раненыхъ изъ подѣ Кинешмы подѣ Кострому привезли добрѣ много, а у многихъ деи литовскихъ людѣи и сабель нетѣ, а у казаковъ многихъ пищалей нетѣ»¹¹⁸.

Приблизившись к Костроме, Лисовский и Иван Зубатый расположились напротив города в селе Селище и стояли там две недели. Судя по всему, захваченные в Кинешме струги были потеряны или выведены из строя в ходе трёхдневных боёв при отходе вверх по Волге, а потому переправиться через реку им по-прежнему было не на чем. Воевода Д.В. Жеребцов проявил себя весьма деятельным и опасным противником. Не ограничиваясь осадой Ипатьевского монастыря и отражением вылазок осаждённых, он 11 (21) июня переправился через реку Кострому и, заняв выгодные позиции, «велѣл по воровскимъ табарамъ стрѣляти изъ наряду и изъ становъ ихъ выбиль, и людей и лошадей побиль многихъ»¹¹⁹.

В стане Лисовского, где и без того было множество раненых, ощущался недостаток оружия и боеприпасов. Обо всём этом воеводе Д.В. Жеребцову стало известно 12 (22) июня, когда к нему явился «изъ воровскихъ полковъ от Лисовского с товарищи» костромской посадский человек Алексей Иевлев, находившийся прежде в плену у «воровскихъ людей». Он сообщил, что «отпустилъ его Лисовской да Иванъ Зубатой в Ипатской монастырь к государевымъ измѣнником, съ грамотою, къ Микитѣ Вельяминову съ товарищи, чтобъ въ Ипатскомъ монастырѣ сидѣли крѣпко, а мы деи васъ выручимъ; а всехъ деи воровскихъ людей тысячи с потолторы, а стоятъ противъ Костромы за Волгою, на Нагорной сторонѣ в селѣ Селищѣ, и посылаютъ казаковъ вверхъ по Волгѣ, по Нагорной сторонѣ, судовъ добывати; а говорятъ деи воры: хотя бѣ деи намъ добыться малыхъ судковъ с десятокъ, и мы бѣ деи зашедчи сверху перевезлись бы в нихъ черезъ Волгу пѣхотою челоуѣка по два и по три»¹²⁰.

Тем временем пришла весть о приближении сильного земского ополчения, посланного воеводой Ф.И. Шереметевым, который был обеспокоен вестью о гибели Боборыкина. Сам боярин Фёдор Иванович Шереметев всю минувшую зиму успешно контролировал Казанскую и Вятскую земли, подавил восстание черемисов, чуваш и мордвы, привёл к повиновению Касимов. Чтобы ликвидировать угрозу со стороны приближающегося Лисовского, Шереметев 1 (11) июня направил из Нижнего Новгорода под Юрьевец сотню под командованием письменного головы Мисюря Ивановича Соловцова.

Между тем И.Ф. Наумов и полковники Будило и Подгородецкий получили в Ростове послания из-под Костромы от Ивана Зубатого и Александра Лисовского, которые призывали их на помощь, говоря, что «стала отъ измѣнников Ипацкому монастырю тѣснота великая, и имъ отогти отъ Костромы немочно»¹²¹. После прибытия ростовского пополнения, осаждающие, оставив часть сил под Костромой, двинулись вниз по Волге, миновали разорѣнную Кинешму и в 30 верстах от Юрьевца захватили местного крестьянина. Пленник на допросе рассказал И.Ф. Наумову, что в селе Решма расположилось около 4000 повстанцев под командованием Григория Лапши. Узнав об этом, каратели разделились. Лисовский продолжил поход на Юрьевец, а Наумов с донцами двинулся к Решме. Крестьянское ополчение было разгромлено и победители три дня оставались в Решме, ожидая возвращения Лисовского¹²².

Между тем, «Олександръ Лисовски пошелъ на Юрьевецъ и Божією милостію, царскимъ счастьемъ, городъ Юрьевецъ взялъ и многихъ измѣнниковъ побилъ». Отряд М.И. Соловцова, даже объединившись с юрьевецкими и балахонскими даточными людьми, не смог выстоять против лисовчиков. «И на весну боярин Федор Иванович [Шереметев] пошел в Нижней. Из Нижнева послал на Юрьевец Поволской с писменым головою с Мисюрем Соловцовым против Лисовскава. И Лисовской Юрьевец Поволской взял и многих у нас ратных людей побил. И я ранен ушел с Мисюрем в Нижней к боярину к Федору Ивановичю, а с нами ушли немногие люди» — вспоминал служилый человек Афанасий Пет-

рович Суворцев¹²³. Теперь нависла угроза над Городцом и Балахной, однако у Лисовского были иные планы.

При взятии Юрьевца удалось, наконец, захватить несколько речных судов — 4 струга и 6 малых лодок. Их лисовчики «переволокли съ Юрьевца берегомъ въ ночи». Теперь у них появилась реальная возможность переправиться на левый берег Волги и снять осаду Ипатьевского монастыря. Однако в этом им помешали активные и энергичные действия Ф.И. Шереметева. Встревоженный поражением, он без малейшего промедления выслал против Лисовского более мощные силы под началом М.И. Соловцова, Б.А. Износкова и С. Остренева. Низовская «наплавная рать» выступила в стругах вниз по реке, причём часть войск, как пехота, так и конница, двигалась берегом по левой, «луговой» стороне Волги. Рать прибыла к Решме в самый момент переправы тушинцев.

В 30 верстах выше Юрьевца и в пяти верстах ниже Решмы 28 июня (8 июля) тушинские войска начали переправляться за Волгу. Место было избрано удачно — здесь посреди реки находился остров, что значительно облегчало переправу. Первым на левый берег перешёл сам Лисовский, а с ним «съ полчетвертаста человѣкъ конныхъ и пешихъ». Вслед за ним И.Ф. Наумов «почаль возитись съ полскими и съ литовскими и съ рускими людьми на островъ и съ острова на Волгу жъ къ Олександрю». В этот момент его и застигла «наплавная рать». Осознав опасность своего положения, И.Ф. Наумов спешно послал Ивана Зубатого и пана Черновского к полковникам Будиле и Подгородецкому, прося срочно выслать подкрепления. Вместо этого ему передали приказ «итти въ отходъ съ острова». Для отряда Наумова это распоряжение обернулось настоящей катастрофой. В письме к Яну Петру Сапеге воевода сообщает: «я, господине, перепустя съ острова напередъ себя на сю сторону Волги многихъ людей, и съ послѣдними людьми пошель; и пришли, господине, на меня на перелазѣ многие государевы измѣнники в стругахъ, а иные вышли на островъ изъ струговъ пѣши, съ пищальми, и многих, господине, людей поранили, а иных побили и всякую служивую рухлядь отгромили»¹²⁴. Именно отряд Наумова вынес на себе

всю тяжесть боя и понёс наиболее тяжёлые потери. Как писал позднее сам воевода, «которые ... были со мною казаки, и тѣ всѣ погромлены, а иные побиты, а дѣти боярскіе также погромлены и побиты». Из первоначального отряда донцов в Ростов вернулось всего 90 человек — «на дѣлѣхъ и на приступѣхъ» казаки потеряли 34 человека убитыми и 24 ранеными. Не меньшие потери понесли и другие отряды тушинского войска. Участник похода нижегородцев А.П. Суворцов вспоминал, что «из Нижнева боярин Федор Иванович послал голову Мисюря опять на Лисовскова, а с ним послал голов стрелецких с приказы Богдана Износкова да Тимофея Остр(е)нева. И выше Юрьевца на острову Лисовского побили и языки многие поймали и привели мы в Нижней к боярину к Федору Ивановичи»¹²⁵.

Однако было бы не совсем точно говорить о разгроме на острове именно Лисовского: ведь в этот момент сам полковник и 200 его людей находились на левом берегу Волги. Оказавшись там, он, похоже, решил на всякий случай осмотреть окрестности и двинулся вниз по реке. В семи верстах от места переправы лисовчики столкнулись с авангардом береговой части низовской рати: «пришли на Олександра Лисовского полкъ государевы измѣнники Бѣляйко Ногавицын и государевы люди Бѣляйка Ногавицына взяли». Отряд губного старосты Беляя Ноговицына, одного из видных предводителей земского ополчения, который уже сталкивался с Лисовским при обороне Владимира, оказался разбит. Сам Ноговицын попал в плен и на допросе дал ценные сведения о дальнейших замыслах Ф.И. Шереметева. По словам пленника, в Нижнем Новгороде находится в сборе три тысячи человек и с ними Шереметев хочет «итти в стругахъ Волгою къ Ярославлю, а подъ Костромою ... измѣнники и в Ярославлѣ ждут его къ себѣ, а хотятъ итти на государевы города въ Ростовъ и въ Переславль»¹²⁶.

Разгромив передовой отряд земского войска, Лисовский сумел благополучно вернуться на правый берег Волги, где присоединился к Будиле и Подгоредецкому. Здесь же нашли укрытие и потрепанные силы Наумова. Поняв, что

пересечь Волгу им так и не удастся, каратели повернули назад и 5 (15) июля прибыли в Ростов. Здесь Лисовский оставался, по крайней мере, до конца месяца. Иван Наумов в своём письме Сапеге от 28 июля (8 августа) сообщает, что Будило, «создався съ послѣдними людми, хочеть итти изъ Ростова къ государю в таборы, а Олександр Лисовски хочеть итти подь Троицу въ таборы жь къ тебѣ»¹²⁷.

Оставшись без поддержки извне, Н.Д. Вельяминов в Костроме продержался недолго и вскоре защитники Ипатьевского монастыря сдались Давыду Жеребцову. Левый берег Волги оказался полностью очищен от войск самозванца.

В то время, как Лисовский опустошал берега Волги, 14 (24) июня 1609 г. владимирцы попытались опять захватить Суздаль. Однако, они вновь потерпели поражение. На следующий день ротмистр Сума и воевода Ф.К. Плещеев, преследуя противника, сами напали на Владимир и зажгли посад. Большая часть города выгорела дотла, погибло множество жителей. Однако, на требование врагов сдаться, его защитники, засевшие в кремле, ответили категорическим отказом и карателям пришлось в очередной раз отступить.

Подводя итог действиям Лисовского, Конрад Буссов говорит, что он «превратил в пепел весь Ярославский посад, потом пошел дальше в глубь страны, убивая и истребляя все, что попадалось на пути: мужчин, женщин, детей, дворян, горожан и крестьян. Он сжег дотла большие селения, Кинешму и Юрьевец По(во)льский и возвратился в лагерь под Троицу с большой добычей. Какой значительный вред был нанесен в этом году убийствами, грабежом и пожарами этим отпавшим городам как внутри их стен, так и снаружи, — выразить невозможно. Я часто удивлялся, как эта земля так долго могла выдерживать все это»¹²⁸.

Грабежи и опустошения, сопровождавшие карательные рейды, не были для Лисовского самоцелью. Его задачей являлось подавление земского движения. В этом полковнику удалось добиться известных успехов. Он разгромил

земские повстанческие силы в Кинешме, Решме и Юрьевце, уничтожил двух видных предводителей сопротивления — Боборыкина и Ноговицына (при погроме Решмы, возможно, погиб и Григорий Лапша). Однако, крупные очаги сопротивления — Владимир, Ярославль и Кострома, — устояли, а войска Шереметева ответили на поражение Соловцова в Юрьевце разгромом тушинцев при Решме. Угроза со стороны Нижнего Новгорода летом 1609 г. только усилилась. Стремительные и жёсткие действия лисовчиков не смогли переломить ситуации, повернуть ход событий в пользу тушинцев.

Таким образом, несмотря на частные успехи, невзирая на опустошения и расправы, ни Лисовскому, ни его товарищам по оружию, так и не удалось добиться достижения своей главной цели — подавления земского восстания в Замосковье.

Среди проигравших

Пока Лисовский метался по восставшим уездам, бесконечная осада Троице-Сергиева монастыря шла своим чередом, а отсутствие полковника привело к слухам о его гибели. В первых числах июля троицкие воеводы князь Григорий Роща-Долгорукий и Алексей Голохвастов писали царю Василию Шуйскому: «А Лисовской пань Александръ убить; а нынѣ въ его мѣсто братъ его, молодой Лисовской, стоитъ подѣ Костромою»¹²⁹. Защитники монастыря ошиблись: похоже, что в этом послании говорится о гибели именно «молодого» Станислава Лисовского, в то время, как сам Александр Юзеф всё ещё находился на берегах Волги.

Полчане Лисовского, остававшиеся в таборах под Троицей, также не сидели сложа руки. То и дело приходилось им отражать опасные вылазки осаждённых, полных решимости выжечь вражеское гнездо в Терентьевской роще. В лагере Сапеги 26 мая (5 июня) был схвачен подозрительный монах, уверявший, что «вышел из Москвы на имя царя Димитрия». Под пытками чернец признался, что на самом деле он лазутчик, посланный из Москвы в осаждённый монастырь с вестью о готовящемся снятии осады. В момент приближения

войск Шуйского он намеревался поджечь в нескольких местах табор Лисовского, а когда все бросятся его тушить, то запались и лагерь Сапеги. Для осуществления тайного замысла у монаха имелись помощники, проникшие заранее в стан осаждающих. Стремление защитников обители покончить в первую очередь с лисовчиками было не случайно. Как сообщил 30 мая (9 июня) перебежчик, именно на «шанцы пана Лисовского» была направлена почти вся монастырская артиллерия, ибо именно оттуда ожидалось начало решительного штурма¹³⁰.

Между тем общая ситуация начал меняться самым решительным образом. Помимо земского восстания для дела Лжедмитрия появилась ещё одна угроза — русско-шведское войско под командованием М.В. Скопина-Шуйского и Якоба Делагарди, которое в мае 1609 г. выступило из Новгорода в поход на Москву. Попытки отрядов Кернозицкого и Зборовского остановить его продвижение были безуспешны. Лжедмитрий II слал к Сапеге гонцов, требуя бросить безнадежную осаду Троицы и срочно выступить против новых врагов. Сапега медлил, а когда всё же решился двинуться с частью своей армии на помощь к Зборовскому, то было уже поздно — 11—13 (21—23) июля Зборовский был разбит под Тверью войсками Скопина-Шуйского и сам теперь искал спасения в лагере Сапеги. Теперь объединённые силы тушинцев готовились к последнему решительному штурму обители.

Несмотря на понесённое поражение, полковник Александр Зборовский, прибыв под Троицу, повёл себя крайне самоуверенно: «Пан же Зборовской, ругаяся и понося Соѣпге и Лисовьскому и всѣм паномъ, глаголя: «Что бездѣльное ваше стояние под лукошком? Что то лукошко взяти да ворон передавити? Се убо вы нерадѣниемъ творите хотите чернью збитою взяти». И уготовавшее же ся сами къ приступу, а чернь отослаша от себе, развѣ казаковъ Лисовских»¹³¹.

Для участия в приступе ночью 28 июля (7 августа) осаждающие собрали огромные силы — до 12 000 человек. Перед атакой решено было обстрелять монастырь калёными ядрами и вызвать в нём пожар. Однако в ночной темноте

началась неразбериха, штурмовые колонны выступили в разное время, столкнулись и местами даже вступили друг с другом в бой. Приступ сорвался, хотя со стен Троицы было дано всего два-три выстрела. После этого некоторые казачьи атаманы предпочли увести своих людей из осадного стана и не пытаться более воевать против святой обители. Неудача была усугублена успешной вылазкой осаждённых 31 июля (10 августа). На Зборовского это произвело удручающее впечатление.

«Зборовской же избранное воинство, оружных людей многих изгуби. Его же слезна зрящее, Сопѣга и Лисовской со своими воинствы подсмѣваху: «Что ради не одолѣль еси лукошку? Исправися еще, толикъ еси храбръ, не посрами нас — разори, шед, лукошко сие, учини славу вѣчную королевѣству полскому. Нам не за обычей приступы; ты премудръ, промышляй собой и нами»¹³².

После срыва штурма, Ян Пётр Сапега, Александр Зборовский и Александр Юзеф Лисовский решили сменить цель и сообща выступили против приближающейся армии М.В. Скопина-Шуйского, атаковав её под Калязином. Но и здесь их ждала неудача. Справиться с новым русским войском Скопина-Шуйского оказалось непросто. При этом численность его была невелика — не более 3000 человек, включая 300 иностранных наёмников Христиерна Зомме.

14 (24) августа 1609 г. тушинские войска — полки Сапеги, Зборовского, Лисовского, Вилямовского, Ланцкоронского, Костенецкого, — расположились лагерем у Рябова монастыря недалеко от Калязина. Несколько дней Сапега пытался собрать сведения о численности и намерениях противника, но, не преуспев в этом, повёл 18 (28) августа свои войска в бой. Оказалось, что на правом берегу Волги находятся только русские передовые отряды под командованием С. Головина, Я. Барятинского, Г. Валуева, Д. Жеребцова и наёмники Х. Зомме. Для прикрытия переправы они успели построить небольшое полевое укрепление. «Наше конное войско нападало на них и долго выманивало их в поле, но они не хотели выйти из острога, только под самым острогом стояла их конница, которая целый день сражалась с четырьмя нашими ротами — Будилы, Чаплин-

ского, Тышкевича, Калиновского. Наши часто вгоняли его за палисадник, некоторых вгоняли в Волгу и топили, секли, но так как немцы были непоколебимы в своем хитром решении, не выходили в поле, то трудно было сделать им что либо с одной конницей, без пехоты. Наши, чтобы не выпустить их оттуда, расположились подле них лагерем», — вспоминает Юзеф Будило¹³³.

Неизвестно, как разворачивались бы события дальше, но в тушинский стан вдруг пришло неожиданное известие. 21 (31) августа сюда прибыли депутаты, посланные ранее для переговоров с Лжедмитрием о выплате жалованья. Они сообщили, что жалованья пока нет, зато точно известно о намерении короля Сигизмунда III вторгнуться в Россию. Это произвело среди войска настоящий взрыв. «Что же, теперь, идти на службу к кому-либо другому? Каким духом принесло короля на наше кровавое дело? Разве мы трудимся для короля? Король отнимет у нас нашу корысть!» — кричали солдаты. Армия начала разваливаться на глазах. Сапега отступил к Переяславлю, где полки Зборовского, Ланцкоронского и Костенецкого окончательно вышли из повиновения и в беспорядке двинулись к Тушину. Чтобы сдержать наступление Скопина-Шуйского, Сапега спешно вызвал из Ростова полк Микулинского, а взамен направил туда 31 августа (10 сентября) Лисовского во главе 2000 донских казаков и 300 черкасов. Лисовскому при этом поручалось «бдительно надзирать за Скопиным, если бы он с войском выступил»¹³⁴. Наконец, 3 (13) сентября поредевшие войска Сапеги вернулись в привычный лагерь под стенами Троицы.

Войска Скопина-Шуйского, не теряя времени даром, перешли Волгу и начали преследование противника. Вслед за отходящими тушинцами двинулись небольшие летучие отряды. Один из них под командованием князя С. Гагарина и шведа Е. Анамунды появился 8 (18) сентября у Переяславля. Местные жители немедленно восстали и перебили тушинский гарнизон. Лисовский, выйдя из Ростова, попытался было подавить восстание, однако не преуспел в этом и ограничился, как обычно, сожжением и разорением окрестных сёл и деревень¹³⁵.

Вскоре в наступление перешла основная армия Скопина-Шуйского, усиленная шведскими отрядами. Похоже, что Лисовский почувствовал себя весьма неуютно в Ростове. Он имел весьма основательное представление о тех муках, что ждут тушинцев, попавших в руки обозлённых местных жителей. Исходя из данных разведки, Сапега предполагал, что Скопин двинется на Дмитров, чтобы отрезать тушинцам дорогу к Москве. Поэтому гарнизон Дмитрова был срочно усилен отрядом Э. Стравинского. Из этих же соображений, видимо, исходил и Лисовский. Он двинулся к Переяславлю и по утверждению Буссова намеревался «выдать себя за Скопина и Понтуса и попытаться таким образом захватить город врасплох». Но когда он находился уже в трёх милях от города ему стало известно, что главные силы Скопина-Шуйского и Я. Делагарди уже вошли в Переяславль и движутся к Александровой слободе.

«Это не только помешало его намерению относительно города, но когда он в ту же ночь собрался снова вернуться в свой лагерь, то обнаружил, что люди Понтуса после взятия крепости выступили уже против него в поле. Таким образом, дорога назад к Троице была отрезана для него, и если бы он не получил в плен одного боярина, от которого он узнал, что большинство немцев Понтуса еще позади и только через несколько часов подойдет с Давыдом Жеребцовым, ему пришлось бы очень плохо. Он не захотел дожидаться их прибытия, свернул в сторону к Суздалию и укрепился там частоколами как только мог лучше. Там он действовал всю зиму, временами выезжал, нападал на соседние города и монастыри и привозил хорошую добычу»¹³⁶.

«Христиерн Сомме, взяв с собой бывшие налицо отряды шведов и присоединив к ним некоторых из русских, вдруг подступил к Переславлю и 11 сентября взял его, причем перебил 500 человек из полка Сапеги, а потом стал там лагерем в удобном месте», — сообщает о взятии Переяславля Ю. Видекинд¹³⁷.

Между тем, воспользовавшись неразберихой среди тушинцев, Скопин-Шуйский направил на усиление гарнизона Троицы 300 человек под командованием Д. Жеребцова, которые успешно вошли в монастырь 16 (26) октября. Дальнейшая осада обители становилась всё более и более безнадежной затеей.

Лисовский же, имея в своём распоряжении около 4000 казаков, тем временем прочно засел в Суздале. Здесь он занял место Я. Стравинского, который также был застигнут врасплох на марше взятием Переяславля, однако всё же успел прорваться к Троице. Пребывание в тылу столь опасного и деятельного противника беспокоило М.В. Скопина-Шуйского. Это мешало точному исполнению его планов. Находясь в Суздале, Лисовский оказался на пути понизовой рати Ф.И. Шереметева, двигавшейся к Скопину «на сход к Троице Сергиеву монастырю». 7 (17) сентября 1609 г. Шереметев подступил к Суздалю, но «тово не вѣдаша, что къ Суждалю крѣпкого мѣста нѣтъ, гдѣ пѣшим людемъ укрѣпитися: все пришли поля. Лисовской же съ Литовскими людьми изъ Суждаля пойде противу ихъ. И бысть бой велій, и Московскихъ людей и Понизовыхъ многихъ побиша: едва утекоша въ Володимеръ»¹³⁸. Таким образом, Лисовский сполна расквитался с понизовцами Шереметева за погром у Решмы.

После этого, оставив Лисовского и Просовецкого в Суздале, в ноябре 1609 г. боярин Ф.И. Шереметев отправился из Владимира прямо в Александрову слободу на соединение с М.В. Скопиным-Шуйским. Уход войска не остался незамеченным и «тою же зимы приходил под Володимер ис Суздаля пан Лисовской да Ондрей Просовецкой со многими литовскими людьми и с черкасы, и с казаки и многую шкоту в Володимере починили: посады пожгли и людей многих побили». Однако, захватить город нападавшим не удалось и они вынуждены были вернуться в Суздаль¹³⁹.

Чтобы отомстить за поражение Шереметева и ликвидировать потенциальную угрозу своим тылам, М.В. Скопин-Шуйский в ту же зиму посылает против Лисовского князя Б.М. Лыкова и князя Я.П. Бярятинского «со многими людьми с Рускими и с Нѣметцкими». Отрядом иностранцев командовал Иоганн Мюр — «ротмистр немецкий Анцмир». Поход, как всегда, не обошёлся без местнических споров: «князь Яков со князь Борисом не пошел, а бил челом о местех; и от государя писана ко князю Михаилу Васильевичю, что князь Яков дурует, и преже сево бывал и не однова, а нынеча ему мочно быть со князь Бо-

рисом»¹⁴⁰. Таким образом, Лыкова во главе рати утвердил лично царь Василий, вспомнивший, возможно, об участии князя Бориса Михайловича в разгроме Лисовского на Медвежьем броде. Однако вера в полководческие таланты боярина не оправдалась и поход окончился полным провалом: «Они же придоша к Суздалю ночью, а приведоша ихъ вожи, не узнаючи, и быша в посадѣ. Лисовскій же, слыша, со всѣми людьми выде на бой. Московскіе же люди ничево граду не здѣлаша, едва и сами ночью отойдоша прочь»¹⁴¹.

О том же сообщает и «Дневник Сапеги» в записи от 13 (23) февраля 1610 г.: «Лисовский стоит в Суздале, куда Скопин посылал рати лучшей больше шести тысяч, чтобы его выгнать из Суздаля, которых он всех перебил. Немного их ушло к Скопину, о чём Скопин вельми кручинится и того воеводу, который был голова над ними, в тюрьму посадил»¹⁴².

После этого разгрома опасного полковника оставили, наконец, в покое, но не спускали с него глаз. Когда в январе 1610 г. к Скопину и Делагарди прибыло свежее шведское пополнение, то один из отрядов, которым командовал Генрих Тённессон, был специально отряжён, чтобы «наблюдать за планами Лисовского под Суздалем»¹⁴³.

Зимой 1609—1610 гг. Лисовский был далёк от основных событий Смуты. Где-то вдалеке, за тёмными лесами и глухими снегами, Сигизмунд III осаждает Смоленск, Лжедмитрий II бежит из Тушино в Калугу, Сапега окончательно снимает осаду Троицы, а победоносный Скопин-Шуйский внезапно умирает в Москве. Нельзя сказать, что Лисовскому ничего из этого не было известно. Похоже, он внимательно следил за ситуацией. Известно, что в королевском лагере под Смоленском находились два его представителя, Ян Говарецкий и Ян Куниньский. Какова была цель их визита туда, правда, неизвестно. Кроме того, Лисовский поддерживал переписку с каштеляном троцким Адамом Талвошем, который убеждал полковника перейти на службу королю. В конечном итоге это ему удалось¹⁴⁴.

Отрезанный от внешнего мира зимними снегами и дозорами Тённессона, Лисовский понимал, что так вечно продолжаться не может. Близилась весна и вместе с нею приближалось время принимать решения. Однако сам ход событий избавил полковника от этого бремени. Против него была предпринята очередная экспедиция. Во главе войск, направленных к Суздалю, на сей раз стоял чашник князь Афанасий Васильевич Лобанов-Ростовский. Спустя четыре года он вспоминал о том, как во времена Смуты он «на Москвѣ въ осадѣ сидѣль и на многихъ бояхъ съ литовскими людьми и съ измѣнники съ русскими воры бивался явственно», но наиболее ярким событием в богатой боевой биографии князя выглядит именно поход против Лисовского. Точной даты похода воевода не сообщает, говоря лишь о том, что «какъ воръ побѣжалъ отъ Москвы въ Калугу, и въ тѣ ... поры царь Василей меня посылалъ за Лисовскимъ, как Лисовской приступалъ къ Володиміру». Учитывая, что Тушинский Вор бежал в Калугу в начале января 1610 г., а в первой половине февраля Лисовский успешно отражает от Суздаля войска Б.М. Лыкова, то поход А.В. Лобанова-Ростовского следует отнести примерно к марту 1610 г.

Утвердившись в Суздале и приступая к Владимиру, полковник, судя по всему, контролировал и Юрьев-Польской. По крайней мере, князь Лобанов-Ростовский, двигаясь против него, вначале «сшелся подъ Юрьевцемъ Польскимъ съ польскими и съ литовскими людьми и съ русскими измѣнники и былъ бой». Ратники Лобанова-Ростовского взяли город штурмом, а тушинцы, «осыпь покинув, побежали», понеся крупные потери убитыми и пленными. После этого князь «въ осыпи сѣлъ и острогъ и крѣпости подѣлалъ», после чего продолжил наступление на Суздаль. Предстоящая встреча с самим Лисовским, несомненно, вызывала у него опасения, однако в Гавриловской слободе А.В. Лобанов-Ростовский смог вздохнуть с облегчением и отписать на царское имя: «Лисовской не дожидаясь меня, холопа твоего, изъ Суздаля побѣжалъ и я, холопъ твой, пришелъ въ Суздаль»¹⁴⁵.

Судя по изложению событий А.В. Лобановым-Ростовским, он приписывал бегство Лисовского исключительно страху перед приближением своей рати. Отчасти он, конечно, был прав, однако оставление Суздаля имело и другие причины. Юхан Видекинд сообщает в этой связи целую авантюрную историю: «Лисовский, долго занимавший Суздаль, вышел оттуда однажды на фуражировку, а начальником там был Мартин Сабельский, родом из Пруссии, человек, преданный Шуйскому, но долгое время притворявшийся и скрывавший это. Зорко выследив уход Лисовского, он по возвращении запер перед ним ворота и впустил с другой стороны в замок сторонников Шуйского. Лисовский пошел бродить по области, разорял повсюду храмы и монастыри и, наконец, найдя в Калязине громадную казну на 60 000 золотом (в шесть бочек золота), постепенно стал отходить из пределов Московии в Польшу (как предполагалось, к польской границе)»¹⁴⁶.

Мартин Шабельский, известный в русских грамотах, как Мартын Собельский, который год назад во главе донцов расправлялся с земскими повстанцами в Плесе и на Клязьме, вряд ли питал глубокую и тайную преданность Шуйскому, но в целом рассказ Видекинды, несомненно, правдив. Дело самозванца откровенно терпело крах и неудивительно, что даже среди соратников полковника обнаружили люди, благоразумно решившие отмежеваться от проигравшей стороны и выслужиться перед победителями. Падение Юрьева-Польского стало к тому дополнительным толчком. Принимая решение, пан Шабельский, скорее всего, не действовал на свой страх и риск, а установил предварительно связь с земским движением, оказав тем самым ополченцам и ратникам Лобанова-Ростовского помощь в захвате Суздаля.

В итоге успешных действий суздальских заговорщиков и переметнувшегося к ним бывшего соратника, весной 1610 г. Лисовский остался без надёжной базы и, похоже, лишился большей части своих припасов, снаряжения и казны. Но ему было не привыкать начинать всё с нуля. Как и после поражения на Медвежьем Броде, он действовал энергично и непредсказуемо. Вместе с казачьим атаманом А.З. Просовецким он поневоле предпринял опустошительный

рейд по тылам армии Скопина-Шуйского. Русские летописи подробнее и точнее, нежели Видекинд, прослеживают путь лисовчиков.

Суздальские места, оставленные Лисовским за спиной, были опустошены почти дотла. Покидая их, он постарался как можно основательнее обеспечить себя продовольствием и фуражом. В челобитной 1611 г. о положении дел в уезде после двух лет непрерывной войны говорится: «воевали литва и черкасы и казаки, и многихъ людей посѣкли, и пожгли, и пограбили ... въ Суздалском уѣзде, отъ Суздаля версть по пяти, и по десяти, и по пятнадцати, и по двадцати, и по тридцати и болши, кормовъ людскихъ и конскихъ нѣтъ, ржи и овса нетъ ни снопа ... потому что вывезли всякіе свои и конскіе кормы литва и черкасы и казаки»¹⁴⁷.

Первым на пути лисовчиков оказался Ростов: «они Ростов взяли и дом пречистые Богородицы розорили, Леонтья, ростовского чюдотворца, мощем поругались, и все церкви божия розорили и многую шкоту и кровопролитие и убийства християном учинили, и дома их все пограбили»¹⁴⁸.

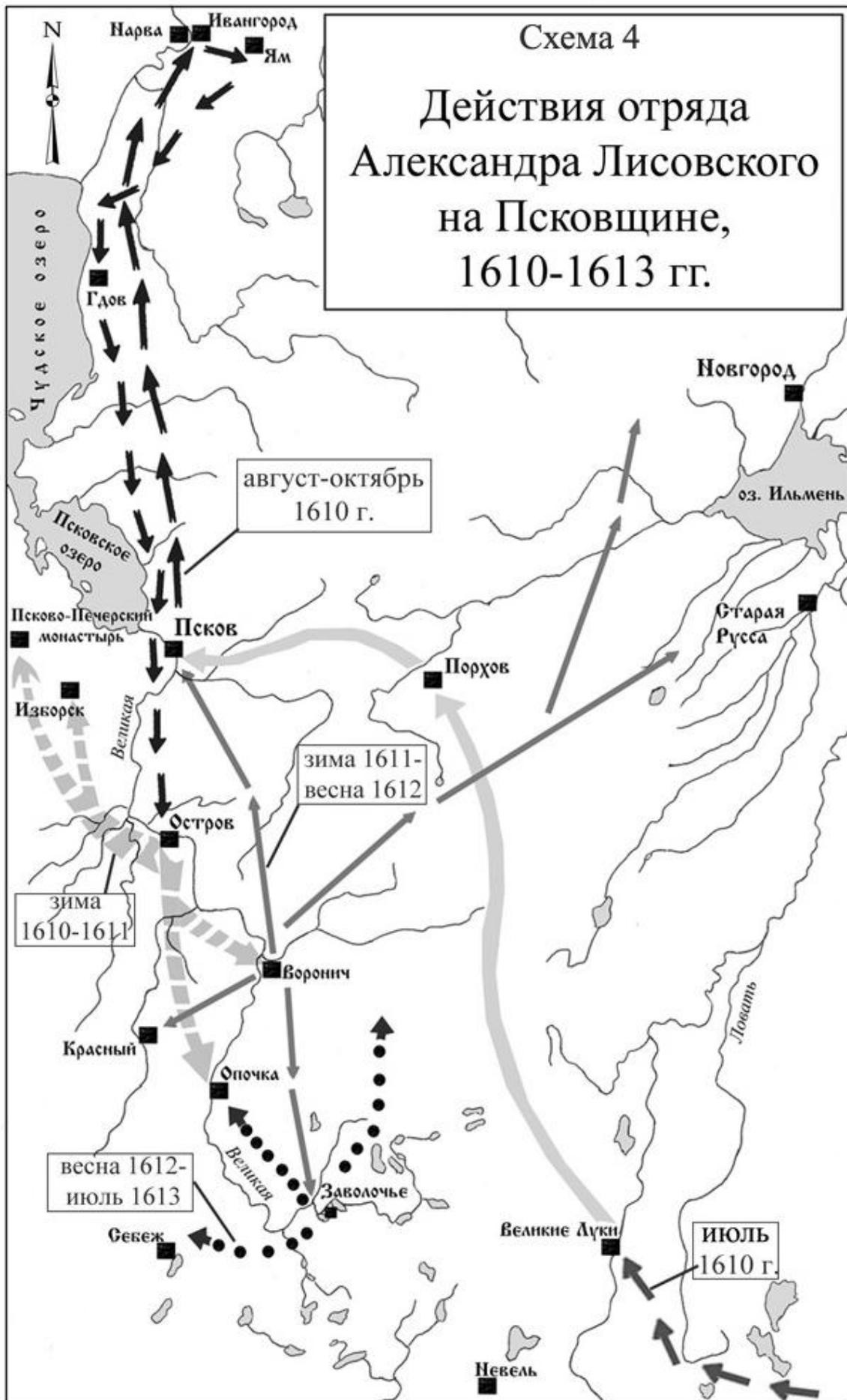
Затем, 2 (12) мая 1610 г., они подступили к Калязину монастырю. Гарнизон командовал здесь давний противник Лисовского — Д.В. Жеребцов. Польские источники утверждают, будто под его началом находилось 13 000 человек. Численность русских сил тут, как и в большинстве случаев, сильно завышена для придания большего блеска подвигам полковника. Когда лисовчики атаковали монастырь, храбрый воевода «бился съ ними крѣпко». Однако отразить нападение не удалось. Настоятель Левкий, монахи и все защитники монастыря были перебиты. Давыд Жеребцов был схвачен и, по приказу мстительного Лисовского, ему отрубили голову, «как изменнику и предателю». Лисовчики осквернили мощи преподобного Макария Калязинского и захватили в качестве трофея его серебряную раку — вклад Бориса Годунова. Попала к ним в руки и вся монастырская казна. Именно это и послужила основанием для легенды о шести бочках золота, якобы захваченных лисовчиками¹⁴⁹.

Спалив Калязин, Лисовский двинулся на Кашин, Тверь, Торопец. Защитники Торопца под руководством воеводы князя В.И. Туренина нанесли лисовчикам наиболее тяжкий урон: «польских и литовских людей и черкас, и русских воров и ызменников казаков побили, и языки у них на выласке поймали, и от острогу их от приступу отбили». За «Торопецкое осадное сидение» воевода в 1614 г. был пожалован прибавкой к поместному окладу на 300 четей и увеличением денежного жалования на 100 рублей¹⁵⁰. Ни одного города Лисовскому захватить не удалось, но зато вся их округа была опустошена и выжжена со знанием дела. Наконец, во второй половине июля лисовчики вышли к Великим Лукам и здесь перевели дух. Здешние территории всё ещё находились под властью сторонников самозванца, но никто здесь не мог отдавать Лисовскому приказов. Начиналась совершенно новая страница в его авантюрной биографии. Он превратился в независимую и весьма влиятельную фигуру.

Наездник

Изгнанный из Замосковья, Лисовский с удивлением обнаружил на Псковщине множество людей, которые были рады его приходу. Его закалённый в боях отряд представлял собой серьёзную военную силу, а сам полковник успел снискать громкую и довольно страшную славу. «Это был человек, который и сам с удивительной храбростью искал опасностей, и воинов вел с собой таких же: они, как и наши соратники из отряда Делашапелля, слыли на солдатском языке «пропашими» и обречёнными на смерть (были люди отчаянные и больше ценили добычу, чем жизнь)», — так оценивает появившихся из недр России Лисовского и лисовчиков шведский историк XVII века Юхан Видекинд¹⁵¹.

Ситуация в Псковской земле была довольно своеобразна. Ещё весной 1608 г. в город вернулись стрельцы, попавшие после Болховской битвы в плен к Самозванцу и отпущенные им по домам. С собой они принесли не только рассказы о царской милости, но и грамоту, писанную «мудрым слогом зело». Следом за тем, летом 1608 г., в окрестностях города появились тушинские отряды

под командованием Ф.К. Плещеева и псковичи стали склоняться на сторону Лжедмитрия II. Воевода Пётр Никитич Шереметев не относился к сторонникам Шуйского, но опасался ссориться с псковской купеческой верхушкой, поддерживавшей царя Василия. В итоге, он побуждал окрестных крестьян присягать Тушинскому вору, а затем сам же учинял над ними расправы, запрашивая одновременно подмоги из Новгорода. Когда 1 (11) сентября в Пскове прошёл слух, что отряд иностранных наёмников уже прибыл из Новгорода к самой реке Великой, горожане возмутились и на следующий день открыли ворота тушинцам Ф.К. Плещеева. Псков целовал крест Лжедмитрию, а П.Н. Шереметев был брошен в тюрьму и позднее там удушен. С того момента город неизменно оставался на стороне Самозванца, раз за разом отражая новгородцев, пытавшихся вернуть их под руку царя Василия¹⁵².

Наконец, «после Петрова дня» 1610 г., к Пскову подступило новгородское войско под командованием князя Владимира Тимофеевича Долгорукова. Его небольшие силы включали в свой состав около 300 новгородцев и отряд иностранных наёмников — «немцы Лобар с товарищи». Псковичи послали за помощью к гетману Ходкевичу, а сами храбро вышли ему навстречу, «яко на борьбу или на кулачной бой», однако в столкновении с опытными солдатами потерпели сокрушительное поражение: «псковичи же, тогда еще не знающе ратного дѣла, видѣвше нѣмецъ, побѣгоша ко граду, они же всѣми полки напустиша и гониша до града, биюще и секуще ... аще бы тогда мало постояли, и град бы им здали».

Псковичи, «преже сего видевше приходящих на них новгородцов, не имѣючи же помощи ниоткуда», уже направляли посольство с просьбой о помощи к гетману Ходкевичу, но он «не успѣ собратися с вои ити с ними». Но и новгородцы не смогли воспользоваться плодами неожиданной победы — до них дошла весть о том, что по соседству появился «лютый тать и разбойникъ пан Лисовской ... с рускими мучители и грабители». Опасаясь, как бы Лисов-

ский не напал внезапно на Новгород, войско В.Т. Долгорукова спешно отступило от Пскова¹⁵³.

Воодушевлённые псковичи тотчас направили посольство в стан лисовчиков. Лисовский и Просовецкий стояли в то время у Порхова в новгородской земле. «Псковичи не только очень хорошо приняли его, но даже просили и убеждали остаться у них на некоторое время и оказать им помощь против немцев, которые из Нарвы (она принадлежит Шведскому королевству и расположена на лифляндском рубеже) ежедневно нападали и налетали на них. Он охотно так и поступил», — сообщает Конрад Буссов¹⁵⁴.

Опустошив напоследок Порховскую землю, в августе 1610 г. Лисовский выступил к Пскову. Псковичи впустили полковника в город, но его отряд предусмотрительно разместили на посаде и в Стрелецкой слободе. Для лисовчиков наступили блаженные дни отдыха. Они стали «во град входитьи и начаша многую великую казну пропивати и платьемъ одѣватися, понеже бѣ множество имяху злата и сребра и жемчюгу ... Егда же та вся провороваша и проиграша зерню и пропиша, начаша буестию глаголати и грозити гражаномъ»¹⁵⁵. Устав от пьяных загулов лисовчиков, псковичи потребовали, наконец, от них ожидаемой службы. Воевод в Пскове в то время не было и всеми делами управлял дьяк Иван Леонтьевич Луговской с выборными посадскими людьми. Это был «добрый мужъ во разумѣ и въ сѣдинахъ», который сумел выйти из трудного положения и выдворить из города опасного и непредсказуемого «союзника». Многоопытный дьяк «начаша лстивыми словесы глаголати, чтобы шол на Иваньгород на испоручение». Дипломатические способности И.Л. Луговского сделали своё дело и полковник выступил в новый поход.

Тем временем общая ситуация в стране стремительно менялась. После внезапной смерти М.В. Скопина-Шуйского, командование русской армией оказалось в руках бездарного царского брата Д.И. Шуйского. В итоге 24 июня (4 июля) 1610 г. под Клушиным поляки под командованием Станислава Жолкевского разбили русские и шведские войска. Дмитрий Шуйский бежал в Мо-

жайск, а немалая часть иностранных наёмников из отряда Якоба Делагарди перешла на службу к Жолкевскому. Вслед за этим, 17 (27) июля 1610 г., Василий Шуйский был свергнут с престола и пострижен в монахи. Перемена власти в Москве аннулировала предшествующие русско-шведские договоры. Делагарди решил сам заплатить себе и, не дожидаясь инструкций короля, повёл войска против Кексгольма, Ивангорода и Ладоги.

В такой обстановке, по челобитью псковичей, Лисовский и Просовецкий двинулись, наконец, к Ивангороду. Однако дальнейшие события разворачивались не столь просто, как о том сообщают Буссов и псковская летопись. Именно на Ивангород был направлен главный удар войск Делагарди. «Эту крепость, расположенную против Нарвы, поляки-дмитриевцы давно уже обороняли за сильными укреплениями, а так как она защищена была и местоположением, то упорства врагов не удавалось сломить ни причиняемым уроном, ни доблестью осаждающих. Притом и Лисовский ... занял с 4 тысячами человек все ближайшие дороги (и встал на пути г. Якоба [Делагарди], чтобы на пространстве 4 миль отрезать доступ к Ивангороду) ... Так как он преградил доступ со всех сторон, то подойти к Ивангороду казалось небезопасным. Поэтому Якоб некоторое время простоял в устье реки Невы», — сообщает Видекинд, неточно именуя защитников крепости «поляками»¹⁵⁶.

Пока Делагарди готовился к походу, осаду Ивангорода вели шведские войска под командованием Андерса Ларссона, Петра Нильссона Кроока и Нильса Шерншельда. «Они старались ежедневными уговорами склонить осаждённых к покорности и сдаче. Так как слова оказывались напрасны, применена была сила, пущены огневые ядра, но и те не имели успеха»¹⁵⁷. С приближением в августе 1610 г. Лисовского в рядах осаждающих вспыхнул бунт и «более 2 тысяч иноземцев перебежали к неприятелю, среди них больше всего ирландцев. Командиры, не доверяя остальным, выставили против них караулы, как против врага». Сообщая об этом, Юхан Видекинд с недоумением пишет, что «для мятежа не было никаких причин, кроме распущенности, так как и жа-

лованье платилось и хлеб доставлялся регулярно: отдельные люди грешили единственно из-за порочности и своеволия»¹⁵⁸.

Конрад Буссов на причину дезертирства ирландцев и англичан смотрел проще. По его словам Лисовский «не только очистил псковский рубеж от нарвского войска, но тайными хитростями и переговорами добился того, что 500 англичан и 300 ирландцев откололись от них и примкнули к нему, после чего нарвское войско оставило псковичей в полном покое»¹⁵⁹. Судя по всему, полковник прекрасно сознавал слабость своих сил и их неспособность противостоять на равных шведской армии, а потому и пустился на «тайные хитрости», стараясь внести раскол в ряды неприятеля.

Ослабив силы противника, Лисовский дважды пытался штурмовать лагерь осаждающих, однако успеха не добился: «во второй раз потерял два знамени и много людей убитыми и пленными, гнали его вплоть до Яма». Укрепившись под Ямом, полковник узнал, что против него движется Эверт Горн во главе 1000 всадников. Лисовский выступил против Горна, «но как только приблизился к врагу и можно было начать битву, он, внезапно покинув удобную позицию, бросился в бегство, причем много народу у него было перебито и уведено в плен; всего же войска, по сообщению пленных, было 3 тысячи из казаков, поляков, русских и татар. Оно бродило везде по полям, гонясь только за добычей, и теперь часть награбленного оставило нам»¹⁶⁰. Согласно Петру Петрею, удар Горна был сокрушителен: «под городом Ямо он повстречался с польским вождем, Александром Лисовским, имел с ним сражение и истребил его войско, из которого уцелел только сам Лисовский с несколькими воинами, и убежал в Псков»¹⁶¹.

Однако неудачное дело с Горном не обескуражило лисовчиков и не облегчило положение шведов. Согласно оценке самого Видекинда, «Лисовский придал ивангородцам мужества, так что теперь их можно было только голодом заставить подчиниться». Не рискуя более вступать в правильное сражение с регулярными войсками противника, хитрый полковник, похоже, усилил разлагающую работу среди иностранных наёмников шведской армии. В начале сен-

тября 1610 г. начинаются волнения среди французских солдат из отряда Режи Делавилля. Они настойчиво требуют выплаты жалованья, угрожая, «что если деньги нескоро будут уплачены, то они разграбят все, что попадется». Командование пыталось погасить волнения, направив наёмников на захват Дерпта. Однако по пути французы подняли открытый мятеж, после чего к ним присоединились ирландцы. Шведам пришлось применить против них силу. Часть мятежников спаслась в Ревеле, а часть, во главе с заместителем полковника Николаем Шанцем «бежала к русским». В результате этих беспорядков войска, стоявшие под Ивангородом, «сняли осаду, увезли пушки, все снаряжение, и возвратились в Нарву, собираясь вести с ивангородцами переговоры о перемирии»¹⁶².

Лисовский же, согласно псковской летописной повести о Смутном времени, избавив Ивангород от осады, задумал прибрать его к собственным рукам. После бегства из Суздаля ему требовалась новая надёжная база. «Годе могу ис того града и прочая достати», — рассуждал он, согласно псковскому летописцу. Зная, что в пережившей осаду крепости плохо с продовольствием, полковник направил в Ивангород небольшой передовой отряд с хлебным запасом. Лисовчики вошли во внешний острог и «хотѣша внити во град и засѣсти по словеси его и никто же во граде помысли коварства сего быти, но вельми возрадовашася и похвалиша я». Однако один из старших дьяков, Афанасий Андроников, «уразумѣ злое его коварство» и приказал закрыть городские ворота, не выпустив посланцев полковника из острога. В это время к Ивангороду подоспел и сам «многоковарный» полковник, обратившийся с просьбой пропустить его за городские стены. Его впустили и «честь ему воздаша» — но только его одного. Лисовский «подивися великой крѣпости граду» и выразил удивление проницательностью «державцовъ градских» — они первыми раскрыли его хитрости, хотя прежде, по его словам, «ни в коем граде руском не могоша узнати моего многоразличнаго коварства и сѣтей»¹⁶³.

О дальнейших действиях Лисовского Буссов сообщает следующее: «Оказав псковичам эту услугу, Лисовский перешел на сторону польского короля и эту зиму провел в Воронежче. Но заметив, что казаки и русские, которые были под его началом, собираются ему изменить, он покинул их и отправился один с 800 иноземцев на Красное, взял его летом 1611 г., уволил иноземцев, набрал 300 поляков, с каковыми он остался в той же крепости и сохранял ее для его величества короля польского. Такое счастье выпало Лисовскому по той причине, что люди Понтуса преградили ему тогда путь и ему пришлось, как хитрой лисе, дальним обходом найти другую лазейку из России и тем избежать гнева русских»¹⁶⁴.

Видекинд сообщает об этом следующим образом: «Лисовский, который, как я упоминал, только что был прогнан из стен Яма, теперь, по слухам, стал лагерем близ Гдова, но из-за разногласий с горожанами сжёг дома и бежал неведомо куда»¹⁶⁵.

Уточнить местонахождение «неведомого места» помогает псковская повесть о Смутном времени. По её сведениям отряд Лисовского разделился: «и поидоша русь во Псков, а пан Лисовской с литвой да нѣмецъ, полонѣнных на Иванегороде ... поиде мимо Пскова»¹⁶⁶. Псковское сообщение отражает также раскол, произошедший между Лисовским и Просовецким в октябре 1610 г. Причина раздора не вполне ясна — переход Лисовского на сторону Сигизмунда по словам Буссова относится уже к зиме 1610—1611 гг., а столкновения между атаманами начались уже на обратном пути от Ивангорода к Пскову. Сведения об этом сохранились в донесениях боярина Ивана Салтыкова, прибывшего в октябре 1610 г. к Новгороду приводить народ к присяге призванному на царство в Москву королевичу Владиславу Сигизмундовичу.

Новгородцы не допустили Салтыкова в город и отказались целовать крест королевичу. Тогда боярин «по всѣмъ дорогамъ около великого Новагорода поставил заставы от воровских и от неметцких людей крепкие». Тут же ему стало известно о том, что Лисовский и Просовецкий «со многими воровскими людь-

ми» стоят в 20 верстах от Пскова. А 16 (26) октября в лагерь Салтыкова явились перебежчики из стана Лисовского — «татарове Яньгилдѣй Яньсупин с товарищи 30 человекъ». От них Салтыков узнал последние новости о взаимоотношения двух воровских атаманов: «Лисовской пришел был подо Псковъ ... и Ондрѣей де ... Просоветцкой со всѣми казаки от Лисовского отстал, і от самого Иванягорода по Псков у них меж себя с Лисовскимъ былъ бой; и убили де ... меж себя на обе стороны с тысячю человекъ; и подо Псковом де ... розорвались, Лисовской с нѣмцы и с литвою стал 50 версть ото Пскова в Острове, а с нимъ нѣмцы и черкасы, а Просоветцкой де ... сталъ с казаки 20 версть ото Пскова»¹⁶⁷.

Собравшись с силами, Лисовский неожиданно напал на стан Просоветцкого и разгромил его в битве. Но силы казацкого атамана не были уничтожены. Разойдясь с недавним союзником, А.З. Просоветцкий двинулся в сторону Великих Лук и по пути столкнулся с отрядом Григория Леонтьевича Валугева, сидевшего от имени королевича Владислава воеводой в Невеле. В итоге сражения, «Просоветцкой с казаки Волугева побил с Литвои не далее от Лукъ и шол под Москву»¹⁶⁸. Это поражение поколебало позиции сторонников Владислава в этих краях и чтобы укрепить своё влияние Г.Л. Валугеву пришлось прибегнуть к жёстким и решительным мерам — 25 декабря 1610 г. он разгромил и выжег Великие Луки.

Воодушевлённый известием о расколе среди «воров», Иван Салтыков выслал под Псков и «под ыные измѣнные города» крупный отряд под командованием Корнилы Никитича Чоглокова и полковника Лаврина Рудницкого из Старой Руссы. Против Лисовского боярин намеревался выступить лично. Однако, как уверял Салтыков в своём послании на имя короля Сигизмунда III, при вести о его намерении «литовские люди Олександръ Лисовской с товарищи пошли за рубеж в Литовскую землю»¹⁶⁹. Впрочем, весьма скоро выяснилось, что заверения Салтыкова, мягко говоря, несколько преувеличены. Если Лисовский и от-

ступил на какое-то время за литовский рубеж, то время это было весьма недолгим.

Теперь, когда псковичи, как сторонники Тушинского вора, перестали быть союзниками, Лисовский с полным правом открыл против них военные действия. Простояв некоторое время под Островом, полковник развил на Псковщине бурную деятельность и первой своей жертвой избрал Псково-Печорский монастырь: «После Рождества христова, Олисовской пришед изгонюмъ с Нѣмцами и с Литвой тайно под Печоры, и взя острог и торги всѣ и много множества всякого богатства, и людеи многих полонил и к городу приступал много, малым сохранил бог; а пришел врагами меж гор. И под Изборскомъ был и дрался со псковскими ратными, и под Островом, и под Опочкой, и стал на Вороноче, и воевал Псковщину, а Литвы и Немец 2000 с ним»¹⁷⁰.

Псково-Печорский монастырь не случайно стал целью нападения Лисовского, а затем и самого гетмана Ходкевича. Это была мощная крепость, окружённая каменной стеной с восемью башнями. «Этот монастырь, находящийся приблизительно в миле от Пскова, у дороги на Ливонию и Ригу, славен почитанием и изображением Богоматери, там чтится ее образ, появившийся с дерева, — сообщает Видекинд, — Поэтому русские отдали ему некоторые земли, отнятые у Новгорода. Псковичи ввели в монастырь довольно сильный гарнизон»¹⁷¹. Именно за стенами монастыря укрылись «лучшие люди» Пскова, бежавшие сюда во время смут и волнений, охвативших город. Стратегическое положение и сокровища, скопившиеся в обители, привлекали сюда и шведов, и поляков.

Обосновавшись в псковском пригороде Воронече, который стал его новым оплотом, полковник зажил там вольной жизнью, совершая «по вся дни и ноци» опустошительные набеги на окрестности — «и высѣче всю Псковскую землю». Зиму 1610—1611 гг. он провёл ещё более вольготно, нежели предыдущую в Суздале. Часть добычи и пленников полковник отправлял на родину, о чём свидетельствует судьба одного из попавших в его руки шведов. Оказавшись спустя много лет, в 1632 г., теперь уже в русском плену, «немчин свей-

ской земли Хан Петров» рассказал, что больше двадцати лет тому назад, «какъ стояли подо Псковомъ нѣмецкіе свейскіе нѣмцы, и въ тѣ де поры шель изъ Московского государства Лисовскій съ литовскими людьми и его де подо Псковомъ литовскіе люди взяли въ полонъ и отвели въ Литву, и жилъ въ Полоцку у Лисовскаго въ имѣньи»¹⁷². Надо полагать, что швед «Хан Петров» был не единственным пленником полковника, кого постигла подобная участь.

Тем временем бурные события Смуты неслись своим чередом. 11 (21) декабря 1610 г. в Калуге был убит Лжедмитрий II. Весной 1611 г. шведы возобновили военные действия и 2 марта взяли Кексгольм. А к Москве, за стенами которой бояре и польский гарнизон безуспешно ожидал явления призванного на царство польского королевича Владислава, стали стягиваться войска Первого Земского ополчения, в ряды которого влился и отряд Андрея Захаровича Прокопецкого.

Между тем на сцене появился новый самозванец. Согласно одним сведениям, это был некий «вор Сидорка», а по другим источникам — Матюшка, московский дьякон из церкви за Яузой. «Это был краснобай, продувной, хитрый и отчаянный малый, а оттого и собралось к нему несколько сот негодяев и мошенников, которые все помогали его словам и бредням находить сочувствие и прикрашивали их», — пишет лично знавший авантюриста Пётр Петрей¹⁷³. Самозванец вначале объявился в Новгороде, затем бежал в Ивангород и 23 марта (3 апреля) 1611 г. объявил там о своём царском происхождении. Тут ему удалось заручиться поддержкой казаков, после чего он завёл переговоры с Филиппом Шедингом, шведским комендантом Нарвы. Однако, после того, как посольство Петра Петрея установило «ложность и самодельность» нового претендента, шведы прекратили всякие сношения с очередным Лжедмитрием. Зато псковичей вполне устраивала личность нового «вора». По словам Петрея, «псковичи вообразили себе, что если будет у них какой-нибудь государь и великий князь, хоть и не настоящего княжеского происхождения, то все же никто

не осмелится тревожить и осадить город Псков они отправили послов в Иваньгород и звали самозванца в великие князья к себе»¹⁷⁴.

В этот момент псковичи оказались в том же положении, что и год назад, когда призывали на помощь Лисовского. Вечером 10 (20) марта 1611 г., «въ нощи, в самой звонъ всеношнаго», войска гетмана Ходкевича подступили к Печорскому монастырю. Нападавшим удалось выбить петардами деревянные ворота и железную решетку и проникнуть в монастырь. Там сражение продолжалось всю ночь, закончилось поражением отряда Ходкевича. Правда, его солдаты успели ободрать ризы с икон Никольской церкви, захватить серебряные сосуды и поджечь лестницы. В вербное воскресенье, 17 (27) марта Ходкевич повторил приступ, появившись у монастыря с большими осадными пушками, носившими имена «Самсон» и «Баба». Он стоял у обители больше шести недель, «и башни, и город розбилъ и 7 приступов было»¹⁷⁵.

Псковичи не желали признавать королевича Владислава, избранного русским царём. Признавать власть поляков или шведов хотелось им ещё меньше. В ставку Первого ополчения под Москву было направлено посольство, которое било челом «ко всеи земли князю Дмитрею Трубецкому и Ивану Зарутцкому ... что Лисовской с с нѣмцами, а Хотков под Печорами стоять, а новгородцы с нѣмцами мало отходят, а от Иванягорода вор наряжается подо Псков на осад; многие напасти отвсюду сходятся, а помощи ниоткуда нѣт». Однако, никакой помощи из подмосковных таборов псковичи не получили. В итоге выбор в пользу Самозванца был предрешён. Первым его сделали псковские казаки. Выступив 15 (25) апреля против Лисовского, они вместо этого направились напрямиком в Ивангород, где примкнули к Лжедмитрию. Переход Псковской земли под власть Самозванца стал теперь всего лишь делом времени¹⁷⁶.

26 июня (6 июля) псковские казаки вернулись под Псков и начали его осаду. А 8 (18) июля в стане осаждающих появился и сам Самозванец. Однако на сей раз город не открыл ему ворота и 23 августа (2 сентября) Лжедмитрий

отступил в Гдов. Причиной отхода стало известие о взятии Новгорода шведами и движении их на Псков¹⁷⁷.

Лето 1611 г. было богато крупными событиями: в начале июня Сигизмунд III захватил, наконец, Смоленск, а 16 (26) июля Делагарди взял Новгород и в конце августа осадил Псков. Однако развить успех шведы не смогли. Началась война с Данией, а войск катастрофически не хватало. Осенью 1611 г. через посредство ревельского коменданта Андерса Ларссона было заключено перемирие с польским главнокомандующим гетманом Яном Ходкевичем.

Перемирие, подписанное с Делагарди, ничуть не мешало Ходкевичу всячески препятствовать действиям шведов на русской территории. Для этого у него имелось теперь незаменимое орудие — Александр Юзеф Лисовский и его лисовчики. Гетман писал из Шклова жене 28 июля 1611 г., исчисляя свои силы для предстоящей кампании: «Полагаю, одних копейщиков помимо рейтаров буду иметь до трёх тысяч, да рейтаров шестьсот, пятигорцев тысячу, Лисовский тоже с двумя тысячами людей ко мне направляется, немецкой пехоты будет с тысячу доброй и это помимо казаков, коих я с собою не зову»¹⁷⁸.

Судя по всему, к этому времени полковник уже окончательно определился со своей позицией в новой политической обстановке. После того, как Лжедмитрий II сошёл со сцены, Лисовский вёл жизнь «вольного атамана», то служа Пскову, то действуя независимо и самостоятельно. Сторонники Владислава (а опосредованно и самого короля Сигизмунда) были настроены к нему враждебно, как то видно из действий Салтыкова. Но обосновавшись в Воронеже Лисовский уже «удерживает его для польского короля», а к лету 1611 г. уже несомненно находится в одном лагере с Салтыковым и Валуевым, поддерживая Ходкевича и ведя борьбу со сторонниками нового самозванца, шведами и противниками Владислава — «русскими ворами».

Лисовский и в 1611 г. по-прежнему сидел в Воронеже вместе со своими старыми вояками и новичками из числа иноземцев-дезертиров. Некоторые из них, правда, покинули нового командира: «Того же лѣта отошли Нѣмцы от Олисовского за рубеж в Литву»¹⁷⁹. Сохранились рекомендательные письма на

имя сэра Роберта Сесила, которые Лисовский выдал 10 августа 1611 г. двум англичанам, Джону Сэнфорду и Томасу Личфилду, решившим вернуться на родину. Полковник писал, что убедил их обоих перейти к нему со шведской службы и в рядах его войск они действовали достойно и мужественно¹⁸⁰.

Расставшись с иностранцами и пополнив свой отряд поляками, полковник не бездействовал и наиболее выдающимся его достижением в этот период стало взятие Красного. В августе 1611 г. «Олисовской Красной взял, а казаковъ побил многих». Здесь был пленён воевода Иван Ресницын, которого Лисовский отослал в лагерь Сигизмунда III в сопровождении своего брата Яна, «который во всех походах товарищем ему был».

Тем временем шведы продолжали осаду Пскова. Фельдмаршал Эверт Горн 8 (18) сентября «искрадом вышибе ворота пинардою Взвоские на Великую рѣку», однако горожанам удалось отразить неожиданный штурм. После этого, ослабив блокаду Пскова, Горн подступил к Гдову, где в тот момент находился Лжедмитрий. Однако казаки, окружив Самозванца, сумели пробиться сквозь ряды осаждающих и бежали в Ивангород. Сам Лжедмитрий был при этом ранен. Однако карьера его на этом не закончилась. Пережив шведскую осаду и налёты лисовчиков, псковичи, наконец, сделали свой выбор: «граждане же псковстии, недоумѣющесея, что сотворити, понеже Москва бѣ за литвою, а в Новѣграде нѣмцы, яко окружении отвсюду, и положиша на том, еже призвати к собѣ ложного царя ... послаша от всѣх чиновъ людей, бити челом ему, и повинную послаша». Получив приглашение из Пскова, Самозванец недолго медлил. Его не остановила даже шведская осада и 4 (14) декабря 1611 г. он проник в город, «проиде сквозѣ немец». Шведская блокада не уберегла Псков и от лисовчиков. В те же декабрьские дни 1611 г. «пришел Олисовской в ноци изгоньомъ на слободу стрелецкую возле Мирожу рѣки, и много зла учинил»¹⁸¹.

Осенью 1611 г. произошло и событие, весьма важное лично для Лисовского. На Сейме, работавшем 26 сентября – 9 ноября, было принято решение о снятии с него инфамии за заслуги в ходе московского похода:

«Взирая на заслуги Александра Юзефа Лисовского, полковника нашего, который нам с немалой отвагой и не щадя здоровья своего служил в час сей экспедиции нашей московской, инфамию, коя была на него инстигатором¹⁸² нашим возложена, *vigore hujus Conventus* [властью сего Собрания] с него снимаем и оную уничтожаем»¹⁸³.

Решение это не вызвало всеобщего восторга. Некоторые местные сеймики, в частности минский, протестовали против принятия такого документа. Тем не менее, он был утверждён и Лисовский получил от короля патент на сбор хоругви в 100 человек (*list przypowiedni*)¹⁸⁴. Дело тут явно не могло обойтись без могущественного покровителя и таким, вероятно, выступил гетман Ян Кароль Ходкевич, благодаря стараниям которого, похоже, инфамия и была в своё время объявлена. Такой человек, как Лисовский, был крайне необходим гетману и былые прегрешения не имели уже никакого значения. Вскоре Ходкевич прямо «велел Лисовскому начать широко по Новгородскому и Старорусскому краям военные действия для устрашения шведов». Повествуя об этом, возмущённый гетманским коварством Юхан Видекинд горестно восклицает: «Так тонка нить, на которой держится людская верность слову, когда мысль о выгоде советует иное!»¹⁸⁵

Якоб Делагарди, узнав об этом, направил 13 января 1612 г. Ходкевичу возмущённое письмо. Он желал «довести до сведения генерал-фельдмаршала в Польше Ходкевича о буйных нападениях, грабежах и разбоях, чинимых людьми Ходкевича, в особенности же находящимися под командой Лисовского в Новгородском и Старорусском уездах, вопреки заключенному и утвержденному договору»¹⁸⁶. Ходкевич ответил учтивым и ни к чему не обязывающим посланием. Соперничество между шведами и поляками за русские земли продолжалось.

Псковские земли подвергались одному вторжению за другим. Зимой 1611—1612 гг. на Псковщину «пришло под Себеж из Литвы 40 000, 7 полковниковъ, Ширяйко и Наливайко и иные и приступали к Себежу». А в апреле

1612 г. лисовчики овладели новой, ещё более удобной для них, базой — «Олисовской Заволочье взял, псковской пригород»¹⁸⁷.

Крепость Заволочье была возведена на «литовском рубеже» в 1536 г. Она стояла в верхнем течении реки Великой на острове посреди озера Подцо (ныне Быстрое)¹⁸⁸. Это была удачно расположенная и практически неприступная пограничная цитадель. Осенью 1579 г. она выдержала приступ со стороны войск короля Стефана Батория. «Крепость эта, будучи окружена со всех сторон большим озером, не представляла никакого доступа к ней, за исключением только одного через мост, — сообщает один из участников этого похода, — Крепость расположена ... на озере, которое, не смотря на исток реки Великой и на очень обширное изливание во все стороны, тем не менее, имеет очень широкие воды с востока и запада, так как вытекающая из другого выше расположенного озера река вливается в него с запада, где оно всего уже; оно распространяется не меньше, чем на 300 шагов в ширину»¹⁸⁹.

Засев в стенах Заволочья 200 ратников воеводы В.Ю. Сабурова двадцать дней успешно противостояли 4-тысячному войску гетмана Яна Замойского. Неизвестно, каким образом Лисовскому удалось овладеть этой крепостью, но обосновавшись в замке, который по словам ксендза Ст. Пиотровского, стоял «как утка на озере», полковник обрёл для себя идеальное убежище. Расположенный среди болот, лесов и озёр, замок был отлично укреплен и достаточно вместителен: площадка городища составляет около пяти гектаров, а окружающие его валы в настоящее время достигают высоты десяти метров. Отсюда Лисовский продолжал своими набегами разорять Псковские пригороды и волости: «многие пакости творил во Псковщинѣ з дѣтми боярскими руским и с Литвой, подо всѣ пригороды яко волкъ искрадом хватая и поядая»¹⁹⁰.

Самозванец же, укрепившись в Пскове, старался всячески упрочить и расширить свою власть. Им было отправлено посольство под Москву в таборы Земского ополчения, где казаки объявили о признании Псковского Вора истинным «царём Димитрием». Ему присягнули даже предводители ополчения, За-

руцкий и Трубецкой. Один из фаворитов погибшего Тушинского Вора, Иван Плещеев, в апреле 1612 г. отправился в Псков и более месяца изображал из себя верного слугу «царя Димитрия».

Между тем, в самом Пскове влияние Самозванца стремительно падало. Лжедмитрий, «поживши там несколько времени, стал очень нахален, при всех позорил жен и дочерей, делал много других своевольств и злодейств. Псковитянам стало ясно, что под его правлением они скорее потерпят вред, обнищают и погибнут, нежели найдут свое счастье»¹⁹¹. Недовольство горожан вызывало и отсутствие успехов в борьбе с Лисовским. Псковский самозванец «выслал несколько конных отрядов против Лисовского, который стоял настороже, заняв на окраине несколько укрепленных мест. Они сражались неудачно, были разбиты и, вернувшись со срамом, все больше и больше позорили своего Димитрия». В итоге псковичи, которые уже выражали недовольство Лжедмитрием «из-за податей, его начинали ненавидеть за распутство и грабежи, да сверх того стали презирать за неудачи»¹⁹². Падение Заволочья в апреле 1612 г. стало последней каплей, переполнившей чашу терпения псковичей. Таким образом, одной из причин падения «псковского вора» можно считать и действия Лисовского.

Почуввав неладное, Самозванец бежал из Пскова 18 (28) мая 1612 г. Он намеревался выехать из города под предлогом посещения недавно захваченного его казаками Порхова. Однако псковичи, заподозрив неладное, «отрезали ему всякую возможность уехать торжественно, по-великокняжески, со скарбом и глухою ночью ворвались к нему в дом. Он бросился бежать и, едва успев выскочить дверь, в одном плаще и без шапки, в сопровождении немногих казаков понесся на коне без седла и убранства неведомо куда ... Не зная дороги, не владея собой и не соображая, куда повернуть, он миновал Порхов и бросился прямо к Гдову, но там был покинут своими, схвачен псковской конницей, привязан к коню железными путами и, являя позорное зрелище, был отведен обратно»¹⁹³.

Вскоре после этого, 1 (11) июня, Псковского Вора под стражей отправили в Москву. Однако дороги караулили лисовчики и ни один обоз не мог ускользнуть от их внимания: «И на дороге приходил на них Олисовской и сполох имъ

учинил великъ и розгналъ ихъ розно, и тут убиша Подъеферу игумена снятогорского и иных»¹⁹⁴.

Согласно русским источникам и сведениям Петра Петрея, самозванца всё же довели до Москвы, где он «довольно долго сидел ... у ворот Кремля, прикованный к большой цепи» и, в конце концов, был повешен. Однако Юхан Видекинд утверждает, что Лжедмитрий до Москвы не доехал и был убит в пути своими сопровождающими: «когда Димитрий, соскочив с коня, велел укрепить седло и снова сел, стоявший рядом боярин, а за ним вслед и другой ранят его в бок быстрым ударом копья. Накинув петлю на шею, его стаскивают с коня, и он умирает. Казаки, подняв крик, требуют, чтобы тут же были перебиты и его польские приспешники, но те, услышав, скрываются в лесу, бегут и, добравшись, наконец, невредимыми в Порхов и Новгород, приносят известие об этой трагедии»¹⁹⁵. Мнение Видекинды было поддержано и Н.И. Костомаровым, который связал его рассказ с летописным упоминанием о нападении Лисовского, предположив, что целью этого нападения было освобождение самозванца¹⁹⁶. Однако Лисовский был совершенно не заинтересован в освобождении «псковского вора», против которого он непрерывно воевал с самого момента его появления. Нападение могло быть просто результатом очередного грабительского рейда лисовчиков по Псковщине.

Между тем события Смутного времени ускорили свой ход. В октябре 1612 г. Земское ополчение Д.М. Пожарского и К.З. Минина овладело Москвой. Власть перешла в руки Совета Всея Земли. Началась подготовка к избранию нового царя, что завершилось в феврале 1613 г. коронацией Михаила Фёдоровича Романова.

Всё это время Лисовский продолжал «удерживать для польского короля» Заволочье, занимаясь набегам на территории, контролируемые шведами и русскими. Явившись по весне под Псков, он простоял у города целую неделю, но вынужден был ничего не добившись отступить обратно в Заволочье.

По ходатайству гетмана Ходкевича, на Сейме, работавшем 28 февраля — 3 апреля 1613 г., было принято решение выделить на оборону Заволочья, где

укрепился Лисовский, и Невеля, где сидел Григорий Валуев, сначала 8 368, а затем и 23 000 злотых. Это было больше, чем сумма, назначенная для гарнизона Смоленска, крепости куда более важной — всего 22 922 злотых. В своём письме Сигизмунду III от 22 мая 1613 г. гетман выражал уверенность в огромной выгоде королю от службы Лисовского, если тот получит эти средства¹⁹⁷.

Однако, солдаты Лисовского так и не увидели предназначенных им денег — их перехватили в Полоцке войска, давно ожидавшие жалованья за службу в Инфлянтах. В итоге, несмотря на все усилия Лисовского, в июне от него откололась и ушла в Брест казацкая хоругвь. Взамен казаков, правда, в ряды его воинства вскоре прибыл отряд из 60 иностранных наёмников, которых направил в Заволочье референдарий литовский Александр Госевский. Но практичные «немцы» согласились служить без выплаты обещанного жалованья только «до Св. Петра», то есть 1 августа. Лисовский лично ездил в Полоцк за деньгами, но безрезультатно и 19 июня 1613 г. он писал из Заволочья канцлеру Льву Сапеге: «Ясновельможный милостивый пан канцлер, пан мой добродетель! По приказанию Вашей Милости милостивого пана моего, приехал я в Полоцк, но ничего не достиг, ибо не застал слуги Вашей Милости Осиповского и солдат, что деньги мои арестовали. Приехавши оттуда в Заволочье имел великие неприятности с людьми, ибо прибыл к оным ни с чем, а хоть бы и доставил те несколько тысяч, что Ваша Милость приказа мне выдать, то и сие бы их не удовлетворило. Прошу милостивого пана скорее приказать им всю сумму денег выдать, ибо едва не кровью добился от них согласия четыре недели подождать»¹⁹⁸.

Возможно, именно уход наёмников и общее ослабление гарнизона привело Лисовского к катастрофе, положившей конец его полунезависимому существованию на польско-шведско-русском пограничье. В начале июля 1613 г., когда сам полковник отсутствовал в крепости, русские войска из Опочки и Себежа внезапным ударом захватили Заволочье. Псковский летописец сообщает: «казаки себежские и опочецкие всякие люди взяша Заволочье у Олисовского и

много суконь, и город сожгли, и дѣтеи боярских Андрѣя Квашнина и прочих прислаша во Псков, а онѣ служили с Олисовскимъ вмѣсте, и Литву побиша»¹⁹⁹.

Более подробно о взятии Заволочья сообщается в послании от 11 (21) июля 1613 г., отправленном Г.Л. Валуевым из Невеля к референдарию литовскому А. Гонсевскому. В нём говорится, что Лисовский выступил из Заволочья «осмотреться» (то есть в очередной набег), взяв с собой «польских и литовских людей, и дворян, и детей боярских». В крепости оставались лишь «невеликие люди». И тогда в ночь на 9 (19) июля сюда пришли «воры» из Себежа и Опочки, которые «замок Заволочье взятием взяли и, взявши замок, польских и литовских и русских людей, дворян и детей боярских, и их отцов, матерей, жён и детей, и крестьян побили от мала до велика, и замок спалили». Уцелевших победители увели с собой в Опочку, но в трёх верстах от Заволочья, перейдя реку, перебили их всех. Лишь немногим удалось спастись, убежав в лес. Когда они смогли добраться до Невеля, то у них «едва душа в теле держалась»²⁰⁰.

В руках победителей оказалось всё достояние Лисовского, вся его добыча, награбленная в ходе многочисленных набегов, все запасы вооружения и снаряжения. Вспоминая об этом, Лисовский жаловался Ходкевичу, что это нападение оставило его «едва не пешим».

Оказавшись в таком трудном положении, Лисовский направился к Пскову, находившемуся тогда в шведской блокаде. Пройдя сквозь шведские посты, он встретился с воеводой князем Иваном Фёдоровичем Хованским и заключил с ним личное перемирие, договорившись о безопасности псковско-полоцкого порубежья. Соглашение было подписано 20 (30) августа 1613 г. Для переговоров с Лисовским и его новым «есаулом» Иваном Копанским воевода направил дьяка Ивана Никитича Сорочнева, подъячего Фёдора Голощапова и посадских людей Анания Тарасьева, Киприяна Борысова, Ждана Серебреника и Ивана Сомру. В результате встречи был утверждён и скреплён крестным целованием мирный договор. Согласно его условиям, русские ратные люди из Пскова и его пригородов (Себежа, Опочки, Острова, Изборска, Гдова и Печерского мона-

стыря) обязывались не совершать набегов под Полоцк, Велиж, Витебск и «подъ иные Полоцкие пригороды». Захваченных в ходе прежних столкновений пленников следовало передать Лисовскому. В свою очередь тот обязывался также вернуть пленников, не приходить больше войной на Псковскую землю и давал такое же обязательство от имени жителей Полоцкой земли. Кроме того, он обещал «войны, и задоров, и грабежовъ, и убивъства никаким ... рускимъ людемъ не чынити, и в господара нашего землю за Невль не вступатца, и Немецкимъ людемъ и господара нашего изменником не помогати». Нарушителей перемирия стороны обязывались «сыскивати и наказанье им чынити, смотря по их винамъ, а грабежьной животь отдавати темъ людемъ, у ково что возмут». Торговым людям гарантировался свободный проезд повсюду: «со всякими товары ездити поволно безо всякое зацепки»²⁰¹.

В этой ситуации особый интерес представляет тот факт, что Лисовский в данном соглашении выступает в качестве представителя всей Полоцкой земли, беря на себя ответственность и за соблюдение перемирия, и за наказание нарушителей договора, и даже за свободное передвижение купцов. Несомненно, население Полоцкого края было измучено порубежной войной не менее, чем псковичи, а в Лисовском и его людях видело не только своего защитника, но и надежного гаранта соблюдения условий мира. Это заставляет взглянуть на полковника с совершенно иной точки зрения — ведь обычно псковский период его жизни и деятельности рассматривался просто как бесконечная цепь малоосмысленных грабежей и разбоев. Между тем, как показывают обстоятельства заключения перемирия, и псковичи, и полочане смотрели на него, как на фигуру, способную не только успешно воевать, но и не менее успешно поддерживать мир и порядок на беспокойном порубежье. Да и подробности разгрома Заволочья показывают, что это было не столько «разбойничье гнездо», сколько некое подобие феодального замка, где полковник обитал в окружении своих соратников вместе с их семьями и крестьянами. Видимо, отнюдь не случайно, что, оказавшись временно не у дел, Лисовский принял предложение полоцкой шляхты и вступил в должность поветового ротмистра. Это назначение было

утверждено и самим королём в его письме к гетману Ходкевичу от 28 декабря²⁰².

Впрочем, пребывание Лисовского на этом посту было недолгим. Следующие сведения о нём относятся уже к апрелю 1614 г., когда он по приказанию Яна Кароля Ходкевича вместе со старостой оршанским Александром Сапегой выступает к Смоленску²⁰³. С обоими были «невеликие горсточки людей». Наступает последний этап в бурной биографии Лисовского.

Солдат

Стремясь вернуть утраченные в годы Смуты владения, правительство нового царя Михаила Фёдоровича Романова летом 1613 г. направило войска в Северскую землю и под Смоленск. Армия под командованием князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, Михаила Матвеевича Бутурлина и дьяка Афанасия Царевского заняла Вязьму и Дорогобуж, осадила Белую. Гарнизон отразил приступ и предпринял удачную вылазку. В ходе битвы русские войска потеряли четыре знамени, а воевода Бутурлин был тяжело ранен. Его заменил князь Иван Фёдорович Троекуров. В августе 1613 г., после упорных боёв, капитан-ирландец, командир роты иностранных наёмников, «сослахуся с воеводами» и открыл им ворота крепости, после чего «литовскихъ людей многихъ побиша, а иныхъ поимаху». Затем войска Черкасского и Троекурова двинулись на Смоленск, где «тѣсноту дѣлаша литовскимъ людемъ великую и Литовскую землю воеваху: города многіе, посады и уѣзды. Въ Смоленску жь Литовскія люди едва отсидѣхуся»²⁰⁴.

Гарнизон Смоленска находился под руководством опытного солдата, ротмистра королевской службы Ежи Щуцкого, однако не представлял собой мощной военной силы. Если в апреле 1613 г. здесь находилось около 2000 солдат, то к маю из-за неуплаты жалования осталось всего 150 иноземных наёмников и 100 человек польской пехоты. Угроза со стороны русских войск заставила увеличить гарнизон до 600 человек, причём немалую часть составляли инозем-

ные наёмники²⁰⁵. Их верность, как показали события в Белой, была весьма сомнительной, тем более, что жалование войскам регулярно задерживалось. Но главной проблемой для осаждённых была нехватка фуража и продовольствия. В инструкции, данной смоленским послам на Съезд Великого княжества Литовского в августе 1614 г., говорилось: «Когда мы забирали Смоленск, тут были кони, собаки, кошки, а ныне и сего не стало»²⁰⁶.

Получить действенную помощь смоленский гарнизон мог от войск, стоявших в Орше. Здесь располагались роты Альбрехта Радзивилла, воеводы смоленского Миколая Глебовича, Платемберка, каштеляна новогрудского Самуэля Волловича, старосты парнавского Януша Кишки, а также Фабиана и Павла Руцких, Корсака, Зборовского и Тупальского. Но все они находились на грани бунта из-за невыплаты жалования и 4 февраля 1614 г. направили своих послов к подскарбию Волловичу с требованием срочного погашения долга²⁰⁷. Гетман мог также рассчитывать на поддержку казачьих ватаг атаманов Наливайко и Фастовца, однако этого явно было недостаточно для противодействия мощной русской армии.

Между тем зимой 1613—1614 гг. давление русских войск усилилось. В поход были направлены новые силы. Удерживая Смоленск в осаде, Черкасский и Троекуров совершали глубокие рейды вглубь вражеской территории: выжгли деревни вокруг Шклова и Копыси, Гомия и Кричева, а 5 февраля 1614 г. штурмовали Дубровну. Попытка же смоленского гарнизона прорвать кольцо блокады была отражена с ощутимыми потерями: «на Ѳedorовѣ де недѣлѣ въ пятницу выходили изъ города изъ Смоленска литовскіе люди на Печерскую гору на острожокъ, гдѣ стоит Савелій Языковъ, и былъ с ними бой, и ихъ побили многихъ и языки поймали, а острожку шкоты никоторыя не учинили, а говорят де языки, что у смоленскихъ сидѣлцовъ Шутцкой просиль сроку до Велика дня, а на Великъ день не будетъ выручки и они хотять идти изъ Смоленска вонъ, потому что запасовъ у них мало»²⁰⁸.

Перед лицом реальной опасности сдачи Смоленска, гетман Ходкевич

спешно накапливал силы для нанесения ответного удара. Было объявлено посполитое рушение. Захваченный сибирскими татарами из русского войска оршанский шляхтич Семён Судовский под пыткой сообщил: «во Мстиславлѣ нынѣ подкоморье Селицкой, а съ нимѣ шляхты съ тысячу человекѣ да черкасы Наливайкова полку пятьсотъ человекѣ, мещанѣ семьсотъ человекѣ ... гетманѣ Хоткѣевѣ въ Оршѣ собирается съ людьми, хочетъ идти подѣ Смоленскѣ, а собираетъ сапежинцовѣ и даѣтъ гроши ... гетманѣ Хоткѣевѣ лифлянскому войску гроши заслуженные хочетъ платить ... а давѣ гроши, хочетъ итти въ Смоленскѣ, а всего лифлянского войска 1000 человекѣ»²⁰⁹. Во главе предстоящего похода и должны были стать Александр Лисовский и Александр Сапега. Перед их отрядами стояла задача поддержать гарнизон продовольствием и ослабить давление на него со стороны осаждающих.

Как сообщил попавший в русский плен ротмистр Станислав Боушевский, король передал Сапеге и Лисовскому деньги для выплаты жалованья «смоленским сидельцам» — 25 000 злотых, однако Сапега «проигралъ зерню тѣхъ золотыхъ 2 000, да Лисовскому далъ 3 000». Согласно же приказу гетмана Ходкевича, деблокирующие силы должны были оттянуть на себя войска осаждающих и тем самым дать возможность ротмистру Вишелю доставить в Смоленск запасы провизии — «провезть живность водою из Орши, а въ Оршѣ де приготовлено семь судовѣ да для провожанья приготовлено 300 человекѣ мужиковѣ с посадков да съ уѣздовѣ»²¹⁰.

Пробиться в Смоленск было непросто. Российское командование бдительно следило за перемещениями опасного полковника. 26 марта (6 апреля) 1614 г. Иван Еропкин из Малевского острожка под Смоленском сообщал, что пленные литвины Степанка Тимофеев и Алёшка Сидоров рассказали о планах Ходкевича: «гетманѣ Хоткѣевѣ въ Оршѣ, а Глѣбовичѣ въ Дубровнѣ, а собираются съ людьми, а хотятъ идти подѣ Смоленскѣ, а напередѣ ... себя отпускаютъ нынѣ гетманѣ Лисовского съ черкасы, которые съ нимѣ пришли, да Наливайкова

полку пятьсотъ человекъ, которые остались во Мстиславском уѣзде, и Оршанского, и Дубровенского, и Мстиславского повѣтовъ шляхту и гайдуковъ и съ купцы и съ запасы въ Смоленскъ, чтобы ему ... пройти обманомъ промежъ острожковъ». О намеренияхъ самого Лисовского пленники поведали следующее: «А тому недели съ три приѣзжалъ изъ Орши Лисовской къ тестю своему Глѣбовичу [в Дубровну], а съ нимъ семьсотъ человекъ казаковъ, и слышалъ онъ у казаковъ, которые приѣзжали съ Лисовскимъ, хочетъ Лисовский собраться съ людьми нынѣ и приходитъ на острожки. А будетъ его отъ острожковъ отобьютъ, онъ хочетъ идти, покиня острожки, промежъ острожковъ идти въ Смоленскъ, а людей въ сборе три тысячи человекъ, а ныне онъ со всеми людьми в Оршѣ ... А съ Лисовскимъ до просуши гетманъ Хоткѣевъ идти не хочетъ, а хотятъ они, собравъ охочихъ людей, отпустить подъ острожки или промежъ острожковъ, чтобы ему пройти в Смоленскъ, а собираетъ в деревняхъ мужиковъ, чтобы идти крѣпкими месты и просекать засѣки»²¹¹.

К порубежным острожкам тотчасъ были высланы летучие отряды татарской конницы, сообщившие, что «Лисовской съ людьми и съ запасы идетъ тотчасъ, а съ нимъ идетъ ... [людей] тысячи съ три». После этого воевода стольник князь Иванъ Фѣдоровичъ Троекуровъ «послѣ Благовѣщеньева дни въ недѣлю пошелъ изъ подъ Смоленска на рубежъ по Дубровенской и по Молоховской дороге отъ Смоленска вѣрсть 70, отъ Орши то жъ ... А какъ князь Иванъ Троекуровъ пришелъ на рубежъ, и гетманъ и Лисовской, услыша князя Ивана приходъ, воротились назадъ в Оршу»²¹². В походъ И.Ф. Троекуровъ вывелъ крупные силы: «дворянъ изъ городовъ да дѣтей боярскихъ разныхъ же городовъ с головами 10 сотенъ да съ атаманы 12 станицъ казаковъ да татаръ три города: Темниковскіе, Касимовскіе, Кадомскіе». Чтобы остановить продвижение неприятеля, И.Ф. Троекуровъ, действуя по методикѣ, отработанной еще М.В. Скопиным-Шуйскимъ, приказалъ выстроить на подступахъ к Смоленску цепь острожковъ: «а для приходу де Литовскихъ людей поставлено въ порубежныхъ мѣстѣхъ 4

острожки и сидять де въ тѣхъ острожкахъ головы съ казаки, а острогъ де отъ острога поставлень в четырёхъ и пяти верстахъ»²¹³. Сюда были переведены гарнизоны острожков, которые до этого располагались в 30 верстах от города. Непосредственно под Смоленском наиболее мощным укреплением были ставка воеводы стольника князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, которая находилась в Духовском монастыре, и острог на Печерской горе, где находился гарнизон под командованием Савелия Языкова.

Воспользовавшись уходом войск Троекурова, осаждённые предприняли 2 (12) апреля крупную вылазку и попытались пробить кольцо блокады: «выходили изъ города изъ Смоленска и къ Печерскому острожку приступали жестокими приступы во Великъ день и наши ратные люди польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей отъ острогу отбили и многихъ побили, и языки, и знамѣна, и щиты поймали»²¹⁴.

Едва Лисовский вернулся в Оршу, как сюда же прибыл гайдук, сумевший пробраться из Смоленска и доставивший грамоты с просьбой о помощи. В ответ на это Ходкевич велел показать гонцу все свои силы и спросил, возможно ли с их помощью снять осаду. «И гайдукъ де гетману, видя его людей, сказалъ, что ему с тѣми людми къ Смоленску идти не съ кѣмъ, а под Смоленскомъ стоять государевы многіе люди»²¹⁵.

После неудачной вылазки и провала наступления Сапеги и Лисовского, положение осаждённого Смоленска стало критическим. Отпущенные из города русские пленники сообщали, что «в Смоленску хлѣбъ дорогъ, селдовую бочку купять въ шестьдесятъ золотыхъ, а купять де тотъ хлѣбъ въ Смоленску таемъ у однихъ у русскихъ людей, а у Литовскихъ де у лучшихъ людей у шляхты всякаго запасу по невелику, а кормятся больше тѣмъ, у которыхъ лошади побиты, а у гайдуков де немецъ запасу никакого нѣтъ и многіе де изъ нихъ опухли и помирають съ голоду, а тому де третья недѣля убѣжали изъ Смоленска гайдуковъ отъ голода съ 150 человекъ». После неудачного боя под Печерским острожком

«все городские сидельцы опроче русских» приходили толпой к Щуцкому и заявляли, что не намерены повторить судьбу московского гарнизона и «голова свои покласть такъ же, какъ и Струсъ на Москвѣ всё рыцарство погубилъ». С трудом комендант уговорил их подождать «до вторника на Свѣтлой недѣлѣ»²¹⁶.

Между тем была предпринята новая попытка прорыва. Сам гетман в эти дни выехал в Кретингу на похороны своего единственного сына, оставив необходимые приказы и распоряжения. Командование деблокирующим отрядом было поручено оршанскому старосте Александру Сапеге, Юрию Чеклинскому и Александру Юзефу Лисовскому. В ночь на 28 апреля (8 мая) Лисовский попытался прорваться к Смоленску и атаковал Кадин острожек в 60 верстах от города: «а всѣхъ ихъ де подъ тотъ острожекъ с тѣмъ полковникомъ пришло три тысячи человекъ гусаръ сбруйныхъ копейныхъ людей гетманского Хоткѣва полку, с Чеклинскимъ рота, а в ней 235 человекъ, пана Велинского рота сто человекъ, Оршанского старосты Александра Сапѣги рота сто человекъ, да Лисовского Александра 2 роты, а в них 200 человекъ, да пятигорцевъ копейныхъ же безсбруйныхъ съ Лисовскимъ 300 человекъ, да съ Соколовскимъ 200 человекъ, да Лисовского жъ казаковъ поляковъ 200 человекъ, да гетманских Хоткѣва казаковъ 200 человекъ, да запорожскихъ казаковъ конныхъ Наливайкова полку съ Сакулскимъ 200 человекъ, да съ полковникомъ съ Асалаемъ 300 человекъ, да съ Соломою 50 человекъ, да Захарьяша Заруцкого 150 человекъ, да съ полковникомъ же съ Комысою конныхъ 40 человекъ да пѣшихъ мужиковъ съ нимъ же 30 человекъ, да гетманского полку пѣшихъ людей да Виленского пана Еронима Хоткѣва гайдуковъ 200 человекъ, да мужиковъ съ Горь 300 человекъ ... а наряду де съ ними двѣ пушки полковыхъ». Защитники острожка отразили приступ и на вылазке даже захватили пленников, которые и сообщили им эти ценные сведения²¹⁷.

Таким образом, силы деблокирующего отряда составляли 5 705 человек

из которых 700 находились под непосредственным командованием Лисовского. Все они представляли собой лёгкую конницу. Главной же ударной силой, несомненно, являлись тяжёлые панцирные гусары из гетманского полка. Располагая довольно мощным, преимущественно кавалерийским, формированием, Лисовский и Сапега должны были провести в осаждённый Смоленск «живность» (скот для продовольствия войск). При этом они, однако, не намеревались сами садиться в осаду, опасаясь участи московского гарнизона: «блюдутся того, что надъ их братьею сталося въ осаде на Москвѣ».

На сей раз попытка прорыва удалась. Произошло это, по словам летописца, «грѣх же ради нашихъ, чему Богу не повелѣвшу быти, въ рати стало волненіе великое, и не по совѣту князь Дмитрея Мамстрюкович пойдоша ись подѣ Смоленескъ и острожки всѣ покинуша и засѣки. Литовскіе жъ люди поидоша зъ запасы подѣ Смоленескъ и запасы многіе пропустиша. Князь Дмитрей же съ товарищи посла къ рубежу голову Михаила Новосильцова да Якова Тухачевского и повелѣ им поставити острогъ въ крѣпкомъ мѣстѣ. Они же съ пьяна пришедѣ и поставиша острогъ съ неразуміа не въ крѣпкомъ мѣстѣ. И Литовскіе жъ люди побиша ихъ на голову, убиша болши двою тысець. Сами жъ утекоша подѣ Смоленескъ не съ великими людми. Смоленескъ же съ тоѣ поры укрѣпися»²¹⁸.

Таким образом, продовольствие было успешно доставлено, а попытки осаждающих помешать этому — сломлены. В Смоленск для усиления гарнизона вошли три хоругви: каштеляна виленского Иеронима Ходкевича, воеводы смоленского Миколая Глебовича (под командованием поручика Яроша Выжиковского) и Токарского. Хотя блокада продолжалась и дальше, непосредственная угроза со стороны русской армии была устранена. Лисовский же, как и планировал, не остался в стенах Смоленска. Он увёл своих людей под Кричев и занялся борьбой с такими же подвижными отрядами русских войск и нападениями на приграничные острожки, выстроенные Троекуровым. В итоге ему действительно удалось открыть доступ к Смоленску. «Острожки сама москва порушила кроме одного на ..., который долъше прочих удерживала, но пан Ли-

совский явился и выбил из него москву, так что ныне безопасно до самого Смоленска», — писал 2 (12) июля 1614 г. из Шклова гетману Александр Ходкевич. В том же письме он просил выделить Лисовскому дополнительные силы, чтобы «не так смело москва под Смоленск подходила»²¹⁹. Похоже, что в этом послании говорится о том же самом событии, что и в тексте «Нового летописца» — о разгроме острожка Новосильцова и Тухачевского.

Действуя в окрестностях Смоленска, Лисовский не изменял сложившимся привычкам. Результатом стало появление осенью 1614 г. в канцелярии Ходкевича многочисленных жалоб на полковника и повесток в суд. Гетман, впрочем, не придавал им большого значения, а Лисовский, похоже, и вовсе их не замечал. Он возобновил старые связи своей семьи и принимал в гостях Януша Кишку, представителя одного из виднейших родов Литвы. Ходкевич даже начинает ходатайствовать о пожаловании полковнику нескольких деревень, оставшихся без владельца после смерти подкомория мстиславского Тимофея Селецкого.

Любопытно, что в то время, как Лисовский прорывал блокаду Смоленска, невельский воевода князь Семён Гагарин со слов лазутчиков и перебежчиков направлял в Москву совершенно иные сведения о действиях и намерениях знаменитого полковника. Опираясь на его известия, 15 (25) апреля 1614 г. от имени царя Михаила Фёдоровича воеводам, действующим на литовском рубеже, была разслана грамота, содержащая предостережение относительно планов Лисовского: «Писаль къ намъ съ Невля воевода нашъ князь Семёнъ Гагаринъ вѣсти про литовскихъ людей по выходцовой и по лазутчиковой сказкѣ, на соймѣ де у короля приговорили ... Лисовскому приходитъ изгономъ подъ Торопецъ, и подъ Невль, подъ Опочку, и подъ Себежъ и подо Псковъ и во всѣ украинные города, а будетъ де онъ городовъ изгономъ не украдетъ, и ему идти в замосковные города, чтобы Московскія дороги отнять. Да Лисовскому жъ приговорили Московское государство воевать и крестьянъ побивать до сущихъ младенцевъ»²²⁰.

Интересно, что район предполагаемых действий Лисовского практически

полностью совпадал с теми областями, где он уже действовал в минувшие годы, — Псковщина и Замосковье. Но, как и прежде, никто не смог предсказать появления полковника под Смоленском и на Северщине, а тем более размах нового рейда, предпринятого им в следующем году.

Великий рейд

На исходе года Лисовский прибывает в Могилёв в ставку гетмана Ходкевича для обсуждения возможности глубокого рейда в «московские пределы», чтобы отвлечь силы противника и ослабить давление на Смоленск²²¹. О «забавах своих» в ходе похода сам Лисовский поведал позднее в письме на имя канцлера литовского Льва Сапеги²²².

Принятое гетманом решение Лисовский обнародовал 2 (12) января 1615 г. в Могилёве особым универсалом: «Всем и каждому, кому о том ведать надлежит, да будет ведомо: ясновельможный пан Ян Кароль Ходкевич ... уряжая своевольные скопища людей, без службы пребывающих из владений Его Королевского Величества Великого Княжества Литовского, взирая при том, что в столь тяжком недостатке казны и в столь полные опасности времена, иначе, как грабежом, наездами, захватами и прочими распущенными эксцессами обеспечить себя оные не могли, поручить мне решил по власти своей гетманской урядить и вывести их каким-либо способом и предлогом за границу в землю неприятельскую до Москвы, не вступая однако ни в какие службы и наймы, которые Речи Посполитой бременем бы обернулись»²²³.

Было объявлено, что в полку Лисовского служить будут без жалованья, только за долю в добыче. В итоге, как сообщает Генрик Виснер, под его началом собралось 600 человек, которых он разделил на шесть хоругвей²²⁴. Сам Лисовский, однако, утверждает, что когда он «во имя господне выступил под Брянск», с ним было всего 430 человек, и лишь позднее, уже в ходе осады Брянска, к нему присоединилось «люду нашего хоругви две с которых прибытием стало нас 800 человек». При этом полковник не упустил случая пожаловаться на козни некоего Калиновского, который распустил большую часть

войск, заявляя, что должен был идти с ними не дальше Смоленска²²⁵.

В состав полка Лисовского помимо поляков входили также «немцы» (иностранные наёмники), татары и казаки (в том числе донские). Группа «немцев» состояла всего из 15 ирландцев, успевших за последние годы послужить под всеми знамёнами. По словам одного из них, «нѣмчина Ирлянскіе земли» Варнавы Килеварта, вначале он служил в конном отряде в «Свейской землѣ», затем оказался в польско-литовском гарнизоне Белой. Когда крепость сдалась русским войскам, он вместе со всей ротой капитана Томаса Юста перешёл на царскую службу и в составе войск князя Д.М. Черкасского отправился под Смоленск. Тут его с группой товарищей отправили «для прокормленья на приставство, отъ Смоленска версть съ полтретьятцать, в деревню». Но вскоре, как выяснилось позднее, «пропився и проигрався зернью», ирландцы бежали в Смоленск. По утверждению Килеварта, он и его сотоварищ Донох были уведены туда дезертирами насильно под страхом смерти. В том можно усомниться, учитывая, что эти показания он давал уже русскому командованию, повторно выехав «на государево имя». В Смоленске ирландцы пробыли всего пять дней, после чего завербовались в отряд Лисовского и выступили с ним в поход. Зная, что при Варнаве Килеварте имелись «человѣкъ да лошадь», можно предположить, что слуги сопровождали и его товарищей. Таким образом, первоначальная общая численность «немецкого» отряда будет составлять около 30 человек²²⁶.

Со слов Варнавы Килеварта известны также подробности подготовки Лисовского к походу и условия службы в его отряде. Наёмник сообщает, что ещё в прошлом году «послѣ Рождества Христова, прислалъ де король къ Лисовскому грамоту, а велѣлъ ему собрати воинскихъ волныхъ дюдей; а жалованье велѣлъ имъ и воинскимъ людемъ собрати с земли на три мѣсяцы, и идти съ тѣми людьми на государевы городы войной. А писалъ де къ нему король имянно, сколько онъ въ государевѣ землѣ съ тѣми валентары въ войнѣ ни будетъ, и онъ

ему и тѣмъ всѣмъ, которые съ нимъ будутъ, заплатить сполна. Да сверхъ того къ нему король писалъ, сколько онъ Лисовской съ воинскими людьми государевыхъ городовъ и остроговъ и мѣстъ крѣпкихъ возмутъ взятемъ и города и остроги пожгутъ и людей посѣкутъ и попустошатъ, и онъ король, за ту ихъ службу, за всякой городъ и за острогъ Лисовскому и тѣмъ, которые съ нимъ, сверхъ заслуженного дать всякому чѣловеку на мѣсяць наёмъ по тому жъ, по чему кому найму идетъ. А воевать де король государеву землю велѣлъ не выходя до тѣхъ мѣстъ, покаместа ему о томъ ... его королевской указъ будетъ. А будетъ имъ отъ государевыхъ людей тѣснота и неизможенье и побои на нихъ будутъ, и которые поворотятца по неволѣ, и тѣмъ заплата заслуженная будетъ. А будетъ которые самовольствомъ, не видѣвъ ни в чемъ нужи и от государевыхъ людей утѣсненья, пойдутъ изъ государевой земли, и тѣмъ не будетъ заплаты ничего»²²⁷. При этом Лисовский выплатил солдатам вперёд на три месяца жалованье, собранное им «по королевской грамотѣ съ земли».

Когда Лисовский выступил во второй половине февраля 1615 г. в поход, то с ним, согласно показаниям Килеварта, находилось «поляковъ и литвы и черкасъ и съ ними съ нѣмцы шесть ротъ конныхъ, а во всякой ротѣ по сту челоуѣкъ»²²⁸. Это противоречит утверждениям самого полковника о том, что вначале он имел под командованием всего 430 человек. Вероятно, численность отряда возросла до 600 на пути от Смоленска до Брянска.

Целью Лисовского был Брянск. Одновременно с ним отряд Януша Кишки двинулся на Стародуб. Эти удары должны были отвлечь силы русских от Смоленска.

Ход и результаты действий Кишки остаются неизвестны. Неясно даже, состоялся ли вообще этот поход. Лисовский же со своим полком 13 (23) марта подступил к Брянску. Воевода Пётр Иванович Воейков сообщал, что «пришел подо Брянск изгоном безвесно Лисовской с литовскими людьми и стоял подо

Брянском марта с 13-го числа июня по 22-е число, и приступы к рву были многие. И он, Пётр, с ратными людьми в осаде сидел»²²⁹.

3 (13) апреля 1615 г. Лисовский писал гетману Ходкевичу из Хотылёва (Choczielewa, Chocielewa, Chotetowo), что, несмотря на малые силы, составляющие едва шесть хоругвей, он, «взявши Господа Бога себе на помощь, пошёл под замок Брянск». По пути к нему присоединились донские казаки из войска Заруцкого. От захваченных языков ему удалось узнать, что брянчане «хотят против меня в поле выйти в короткое время»²³⁰. В более поздней реляции Лисовский сообщал, что, прибыв под Брянск в великий пост, он простоял там до самой пасхи, когда для снятия осады прибыло войско, численность которого поляки оценивали в 3500 человек. Несмотря на неравенство сил, лисовчики нанесли русским такой удар, что «едва их семьсот отошло, ничего не сделав»²³¹.

Однако у Лисовского не хватало пехоты и не имелось пушек. В итоге осада настолько затянулась, что даже родилось мнение, будто Лисовский и не собирался брать Брянск, а просто выжидал, пока минет весенняя распутица и появится молодая трава, чтобы затем продолжить поход. Однако, как отмечает Г. Виснер, вряд ли это можно считать верным, поскольку Лисовский продолжал стоять под Брянском ещё и летом²³². Эта задержка некоторым образом пошла Лисовскому на пользу, поскольку тут ему удалось значительно пополнить свои силы. К нему примкнул отряд донских казаков, подошли подкрепления, посланные Ходкевичем (две хоругви по 100 человек каждая). Кроме того, «неведомо откуда» появились и «немцы» — 100 наёмников, среди которых находились ирландцы и шотландцы. Таким образом, численность полка возросла примерно до 1000 человек.

Между тем для снятия осады Брянска московские воеводы начали накапливать силы в Карачеве. Однако Лисовский успел нанести упреждающий удар. Получив весть о намерениях противника 29 мая (7 июня), он уже 31 мая (9 июня) сам напал на Карачев, застав врасплох российское ополчение. Согласно польским сведениям, воевода князь Юрий Иванович Косой-Шаховской располагал силами до 7000 человек. Разрядные книги сообщают, что Ю.И. Шахов-

ской в марте 1615 г. был назначен вторым воеводой передового полка, базировавшегося в Мценске. Первый воевода, князь Семён Васильевич Прозоровский, в полк не поехал, сказавшись больным, и командование осталось целиком в руках Шаховского. Под его началом находилось «Мценянь 333 ч., Орлянь 466 ч., да с вогненнымъ боемъ с сотникомъ 50 ч. стрѣлцовъ» — всего 849 человек²³³. Таким образом, даже объединившись с карачевским гарнизоном, рать князя Шаховского ненамного превосходила по численности полк Лисовского.

Узнав о приближении русских, полковник действовал решительно и стремительно. Оставив половину своих сил в осадном лагере под Брянском, он с оставшимися людьми двинулся прямо на Карачев и с ходу атаковал расположенный у стен крепости лагерь Шаховского — «с помощью божьей войско его разбил, лагерь и замок взял». Потери русского войска составили около полутора тысяч человек. В плен попали и сам Ю.И. Шаховской, и карачевский воевода Елизарий Семёнович Безобразов. Их вместе с десятком трофейных знамён Лисовский отослал в стан Ходкевича. В то же самое время, заметив ослабление сил осаждающих, брянчане предприняли вылазку и в свою очередь ударили по лагерю лисовчиков. Однако здесь вылазные люди встретили жестокий отпор и «пехоты и нога не ушла, только конницы малость»²³⁴.

Ходкевич, получив известия об успехах Лисовского, выразил своё удовлетворение и послал в лагерь полковника небольшое подкрепление из числа солдат, покинувших шведскую службу в Инфлянтах.

После этих победных боёв Карачев, по примеру Суздаля, Воронеча и Заволочья, был превращён Лисовским в базу для дальнейших операций. Воодушевлённый успехом, он вернулся к Брянску 22 июня (2 июля): «приходил ... подо Брянск всеми людьми, и был бой с утра и до вечера, и с тово бою Лисовской со всеми людьми отошел в Карачев»²³⁵. Сюда продолжали прибывать пополнения. Отряд, собранный из всяческого сброда (по определению самого Лисовского), привёл некий Рыськевич (Рушкевич, Тышкевич). Кроме того, согласно показаниям Килеварта, «послѣ карачевского взятъя, пришли къ нему от

короля конныхъ черкасъ шесть сотъ же челоувѣкъ да къ тому же русскихъ людей, воровъ, казаковъ отъ боярина и воеводы отъ князя Дмитрея Пожарского и изъ иныхъ мѣстъ отѣхало къ нѣму челоувѣкъ со сто»²³⁶. В итоге численность лисовчиков возросла примерно до 1500 человек, хотя полковник продолжал жаловаться и утверждал, что годных к бою людей у него было не более 700.

После известия о захвате Карачева летом 1615 г. против Лисовского были направлены новые войска во главе с воеводами князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, Степаном Ивановичем Исленьевым и дьяком Семым Заборовским. Решение об этом было принято 14 (24) июня, а 29 июня (9 июля) они выступили в поход. Под началом Д.М. Пожарского находилось 4 500 человек, а войска С.И. Исленьева насчитывали в своих рядах 2455 человек. В целом численность армии составляла 6953 дворян, стрельцов и казаков. Среди них находился отряд из 11 «Аглинскихъ и Шкотцкихъ Нѣмецъ съ ротмистромъ Яковомъ Шавомъ». Помимо того, под командование воевод были переданы силы «Казанскихъ и Понизовыхъ людей», в основном татар, чувашей и черемисов — 7 875 человек. Таким образом, против Лисовского были направлены многократно превосходящие его по численности силы — 14 828 человек. Однако их предстояло ещё собрать, а первоначально в непосредственном распоряжении Д.М. Пожарского находилась куда более скромная армия — 690 дворян и Предполагалось, что неприятель может выступить из Карачева под Болхов или к иным городам; может разделить силы и, оставив гарнизон в Карачеве, вновь двинуться на Брянск; а быть может, лисовчики решаться пойти против воевод «на прямое дѣло». На любой из этих случаев воеводы получали накрѣпко ... а разъѣздя и разсмотря, велѣть около того мѣста, гдѣ быти накрѣпко ... а разъѣздя и разсмотря, велѣть около того мѣста, гдѣ быти станамъ, поставить надолбы». Только после этого Пожарский должен был вести свою рать к этому укрепленному лагерю, двигаясь по дороге «с великим береженьем», высылая во все стороны разъезды, «чтобъ на походѣхъ Литовскіе люди безвѣстно не

Схема 5. Рейд Александра Лисовского в марте-декабре 1615 г.

пришли и дурна какого не учинили». Судя по всему, в Москве прекрасно представляли, насколько опасный противник ожидает войска Пожарского в Карачеве²³⁷.

Свою рать Д.М. Пожарский и С.И. Исленьев собирали по мере своего продвижения по линии Боровск – Калуга – Болхов. В каждом городе, лежавшем на их пути, они рассылали по уезду сборщиков с приказанием служилым людям идти к ним на сход. В Болхове к Пожарскому присоединились «воровские казаки», которые «вину свою къ государю принесоша и цѣловаху крестъ и поидоша з бояриномъ». Лисовский оценивал идущие на него силы Пожарского в 10 000 человек. По его сведениям, после разгрома лисовчиков армия эта должна была двинуться на Мстиславль и под Смоленск.

Избегая встречи с превосходящими силами московской рати, Лисовский двинулся от Брянска на Карачев, выжег его и направился «верхней дорогой» к Орлу (в реляции полковник уверяет, что выступил навстречу Пожарскому, но разминулся с ним по дороге). Узнав о движении противника, Пожарский поспешил занять удобное для обороны старое Орловское городище, выслав для этой цели передовой полк воеводы Ивана Гавриловича Бобрищева-Пушкина. Встреча Лисовского и русского авангарда произошла неожиданно для обоих в воскресный день 20 (30) августа 1615 г.²³⁸

Сражение произошло верстах в трёх от Орла на так называемом Царёвом Броде через Орлик, несколько ниже устья его левого притока, речки Сухой Орлицы²³⁹. Согласно русским источникам, в отряде Лисовского в тот момент было до 3000 человек, что является преувеличением. Несмотря на то, что И.Г. Бобрищеву-Пушкину удалось застать лисовчиков в тот момент, когда они начинали ставить лагерь, натиск его был, хотя и с трудом, но отражён. Хотя некоторые из людей Лисовского «даже до рубашек разделись, однако попыток к бегству нигде замечено не было и лишь милостью божией мужественно неприятеля остановили ... из лагеря его в поле выбили»²⁴⁰. Разрядные записи также

Памятный знак, установленный в 2009 г.
на месте Орловской битвы.

признают, что «с того бою Степанъ Исленьевъ побѣждалъ и ратные многіе люди». С Пожарским осталось всего около 600 человек — «жилецкая сотня да дворянская, да дворянъ из городовъ не помногу, да чловѣкъ съ сорокъ стрѣлцов», — но зато они не тронулись с места. Под командованием дворянского головы И.Г. Бобрищева-Пушкина, жилецких голов Григория Горихвостова и Лаврентия Кологривова, они «біяшеса на многіе часы, мало руками не имаючися билися. Видя своё неизможеніе, одѣрнушася телѣгами и сидѣша въ обозѣ». В обороне табора отличились и «нѣмцы Аглинскіе земли» — Дарнабей Иванов, Иван Брелтон и Иван Кухнелин. Он «съ литовскими людьми билися явственно, и литовскихъ людей побили». Пожарский до ночи отражал приступы неприятеля. В бою были тяжело ранены некоторые из «храбрѣйших сподвижников» Д.М. Пожарского — князь Никита Гагарин и Григорий Горихвостов. В жестокой схватке в очередной раз был ранен и сам Лисовский — метко пущенная из лука стрела попала ему в ногу. Рана оказалась весьма болезненной и полковник позднее вспоминал, что «так ядовиты их стрелы бывают, что каждый раненый горячку получает, с чем и я столкнулся, но не время для того было; трудно было пешим ходить и принужден был с великой бедой и болью на коня садиться»²⁴¹.

О сравнительных потерях сторон судить сложно. Известно, что лисовчики, помимо убитых и раненых, потеряли литавры и знамѣна, а какое-то их количество попало в русский плен. Автор «Нового летописца» даже уверяет, что Д.М. Пожарский захватил живыми «триста человек шляхтов». Реальный размер потерь, понесѣнных лисовчиками, известен со слов ирландского наѣмника Варнавы Килеварта. Он вполне определѣнно сообщает, что «какъ де Лисовскому со княземъ Дмитреемъ было дѣло, и на томъ дѣлѣ убито у Лисовского чловѣкъ съ шестьдесятъ, да раненыхъ столко жъ»²⁴². Можно предположить, что армия Д.М. Пожарского понесла примерно сопоставимые потери.

Лисовский не догадывался, что у Пожарского так мало людей, и потому не решался напасть на него, расположившись за рекой в двух верстах от рус-

ского табора. Пожарский не хотел покидать своего стана. «Помереть всем на сем месте», — отвечал он голове Лаврентию Кологривову и прочим ратным людям, которые уговаривали его отступить к Болхову. Вечером возвратился назад беглый воевода С.И. Исленьев, ночью стали съезжаться и другие беглецы²⁴³.

Противники стояли друг против друга на протяжении шести дней, разделённые рекой. Время от времени к лагерю Лисовского подъезжали знакомые ему по прошлым набегам донцы. Казаки вступали в разговор с полковником и хвалили своего воеводу: «Перед Пожарским гетман ваш не устоял, сам король не устоял, а ты чего ждёшь?» Лисовский не оставался в долгу и отвечал на это: «Что вы ищите моря, когда в луже утонуть можете. Сами от нашего короля и гетмана хоронились, в поле выйти не желая, а когда бы вышли, то конские копыта его величества короля нашего милостивого вас бы с лица земли стёрли»²⁴⁴.

Пожарский не стремился вступить в открытую битву в чистом поле и на четвёртый день противостояния, в среду, Лисовский безуспешно попытался выманить его из укрепленного табора. Полковник вывел своих людей в поле и выстроил в боевом порядке у берега реки, «кою можно всюду вброд переехать». Однако Пожарский не поддался на приманку и в свою очередь пытался заманить Лисовского на противоположный берег под огонь своих пушек. Простояв до ночи, войска разошлись, так и не вступив в бой²⁴⁵.

Но и после этого Д.М. Пожарский не бездействовал. Через посредство англичан и шотландцев ротмистра Якова Шава он обратился к служившим Лисовскому «немцам», суля им великое государево жалованье:

«Великого Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русии Самодержца, от боярина и воеводы от князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго Нѣмцамъ разныхъ земель, которые нынѣ с паномъ Лисовскимъ, прапорщику Кедемляхменю Донохмакафшѣ и всѣмъ Нѣмцамъ. Пишу къ вамъ милость Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея

Русіи, чтобъ камъ ѣхать служить Великому Государю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи; а Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодорович всея Русіи васъ пожалуетъ своимъ Государевымъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ и на разумѣ нетъ, также, как ротмистра Вилима Грима да Устюса, и всѣхъ вашихъ товарищей также. А язь далъ прямо свою душу въ правдѣ во всей капитану Якову Шаву да Юстру; и вамъ бы однолично ѣхать на Государево имя, и во всѣмъ на Государеву милость быть надёжнымъ. А сію грамоту послалъ къ вамъ за своею рукою»²⁴⁶.

«Немцы», большинство которых, судя по упомянутым именам, также были ирландцами, шотландцами и англичанами, с интересом прислушались к посланию Пожарского. Судя по всему, продолжение службы у Лисовского больше не казалось им привлекательной идеей. Капитан Барноби, доставивший княжескую грамоту, три дня подряд посещал лагерь Лисовского и наёмники, «надѣяся на царскую милость и жалованье, хотѣли всѣ отъ Лисовского отѣхати на государево имя, толко случая такого не изыскали, чтобъ всѣмъ вдругъ и съ животы и с рухлядью отѣхати, потому что у Лисовского сторожи были великіе»²⁴⁷. Удобный случай представился им несколько позднее.

Вероятно, Лисовский стал ощущать некоторую напряжённость в своём лагере и это стало одной из причин, по которым он не стал продолжать битву. Вместо этого полковник стремительно ринулся на Орёл и воевода Данила Яблочков бежал, не оказав сопротивления. Город был захвачен и выжжен, но Лисовский не задержался здесь, переправился через Оку и ушёл на Кромы. В семи верстах от Орла близ устья Цона он обосновался подле древнего городища, которое с тех пор стало известно позднее под названием «Лисовского кургана»²⁴⁸. Но Пожарский следовал за ним по пятам и вынудил покинуть стан. Миновал Кромы, где «буйствовал и жѣг», и резко изменив направление удара, Лисовский метнулся к Болхову, «перебежаша днём да ночью полтора ста поприщ» и появившись у города 30 августа (9 сентября). Так начался его знаменитый круго-

вой рейд — «изумительный в военных летописях» и «надолго памятный в Московском государстве»²⁴⁹.

Орловская битва обычно считается победой Лисовского. Ещё «Бельский летописец» утверждал, что «на том бою пан Лисовской с польскими и с литовскими людьми и с рускими с воры государевых воевод и ратных людей побили, а князь Дмитрий Михайлович Пожарский с достальными людьми отсиделся в обозе»²⁵⁰. Согласно польским исследователям, Лисовский ушёл на Кромы только потому, что не видел смысла в дальнейшей осаде табора Пожарского²⁵¹. Однако, как видно из общего хода событий, победа Лисовского была в лучшем случае неполной. Войско Пожарского не было разгромлено и оказалось в состоянии преследовать противника. О том, что сами лисовчики не ощущали себя победителями говорит и факт последующего перехода части иноземцев на сторону Пожарского — служба в рядах московского войска показалась в тот момент наёмникам предпочтительнее.

Однако оценивать результаты боя как победу Пожарского также будет явным преувеличением. Имея все преимущества внезапного нападения, его ратники не смогли уничтожить неприятеля и даже обратились в бегство при контратаке. В ходе противостояния, накопив силы, он так и не решился вновь завязать полевое сражение и фактически выпустил противника из рук, чем тот и не преминул воспользоваться²⁵².

В четверг 31 августа (10 сентября), лисовчики трижды «приступали жестокими приступы» к Болхову, безуспешно пытаясь овладеть городом. Гарнизон, которым руководил воевода стольник Степан Никитич Волынский, был немногочисленным, «потому что все люди были в полках у боярина и воевод у князя Дмитрея Михайловича Пожарского с товарищи». Тем не менее, все три приступа были успешно отражены: «Волынской и дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и всякие служилые и жилецкие люди ... от Лисовского и от польских и литовских людей отсиделись и многих полских и литовских людей побили»²⁵³.

Гонец, посланный из Болхова, в тот же день достиг соседнего Белёва, известив местных воевод и служилых людей о приближающейся опасности. Как и в других городах, большая часть местных служилых людей ушла с войском Д.М. Пожарского. Белёвские воеводы князь Михаил Борисович Долгоруков и Пётр Бунаков выслали на разведку станицу из трёх человек во главе с Василием Лодыженским. Служилые люди проехали около 8 вёрст по Болховской дороге до речки Руки, неприятеля не встретили, но «увидели из Белёва по деревьям огни под засекою». В ночь на 1 (11) сентября, не дожидаясь появления врага, белёвские воеводы со своими семьями бежали из города, хотя «стрельцы белёвские били челом ... и говорили, чтобы сидеть (в осаде)». Тем не менее, воеводы в полночь перебрались за Оку, бросив город на произвол судьбы. «И на них смотря в Белёве всякие люди замешались и пошли из города вон, а в городе оставались немногие люди».

Рассвело, однако никаких врагов так и не появилось. Лишь в третьем часу дня 1 сентября («в Семён день») Лисовский беспрепятственно вошёл в Белёв. Василий Лодыженский, не покинувший города, был взят в плен и доставлен к самому Лисовскому. Полковник спрашивал пленника, не отдадут ли в обмен на него его брата, находившегося в русском плену. Лодыженский отговорился тем, что он-де «человек сельский» и ничего знать не знает и ведать не ведает. Тогда Лисовский потребовал выкупа и Лодыженскому пришлось ради спасения жизни отдать полковнику «чемодан с платьем, шубу кунью под сукном да два ожерелья женских жемчужну да шапку женску низану». В это время на противоположном берегу Оки были замечены беглые воеводы и их спутники. Лисовчики погнались за ними и преследовали на протяжении 15 вёрст, застрелив денежного сборщика Григория Грекова.

Лисовский ненадолго задержался в Белёве. Он провёл здесь ровно столько времени, чтобы получить выкуп от Лодыженского и выжечь до основания посад и слободы. Он был весьма доволен достигнутым, говоря, что «было ему к Белёву не приступать» и потешаясь над воеводами, которые «города мечют»²⁵⁴. Помимо самого города была разорена Лисовским и расположенная неподалёку

Онуфриева Введенская пустынь. Особое удовольствие доставил полковнику захват в Белёве грамот, направленных местным воеводам с требованием изловить Лисовского живьём и отослать его к царскому двору в Москву.

«Зажогши Белёв, Лисовский пошел к Лихвину. А пришед под Лихвин стал полки на площади и з города стреляли по нём ис пушечки, и Лисовский послал пеших людей, а велел посад жечь, а к Лихвину приступом людей не посылал, а острог большой не был осажён, и литовские люди острог выжгли ж»²⁵⁵. Начальствовавший в Лихвине воевода Фёдор Стрешнев не бежал со своего поста и «с малыми с осадными людми» отбил от Лисовского.

Отступив от Лихвина, Лисовский двинулся на Перемышль, к которому приблизился 2 (12) сентября в четвёртом часу дня. Остановившись неподалёку от города, он осмотрел его, «чая, что в городе сидят». Однако, вскоре выяснилось, что тут повторилась белёвская история²⁵⁶.

В Перемышле начальствовал воевода Семён Фёдорович Глебов. В его гарнизоне было всего 76 человек — 47 стрельцов, многие из которых не имели пищалей, а половина из них была больна; 14 пушкарей и затинщиков, а также 15 вооружённых посадских. О взятии Белёва им стало известно на Семён день в пятом часу ночи. Воевода выслал дозоры, поднял тревогу. Вскоре стало известно, что «литовские люди» появились в 13 верстах от города в деревне Мыжбор. Воевода приказал ударить в колокол и послал в окрестные монастыри и сёла, сзывая людей в крепость для обороны города. Однако крестьяне предпочитали разбежаться по лесам, а монахи сочли более благоразумным удалиться в лучше укреплённую Калугу. Когда Лисовский появился в двух верстах от города на Гордиковом перевозе через Жиздру, то посадские стали укрываться в окрестных лесах. Воевода, который сам был болен, пытался организовать оборону, но «стрельцы, и пушкари, и затинщики, и посадские люди ево не послушали ... ис Перемышля пошли врозь». В итоге покинул город и С.Ф. Глебов — его вывезли в Калугу. Пушкари, забрав по настоянию воеводы «наряд, и зелье, и свинец», ушли в лес²⁵⁷.

Убедившись, что город беззащитен, Лисовский тотчас вошёл в него. Вскоре его люди отыскивали в лесу брошенные перемышльскими пушкарями шесть пищалей, ядра и бочку пороха. Затем к нему стали приводить пленных. Наибольший интерес у полковника вызвали три казака, захваченные на дороге между Лихвином и Калугой. «Лисовской почал им говорил, то, де, было им, казак, быть у него, у Лисовского, и казаки, де, называли Лисовского батьком и говорили, смутили, де, нас, посулили по 10 рублёв, и мы, де, за тем измешкали, а будем, де, все у тебя. И Лисовской, де, велел добыть вина, и почал их потчивать». Было ясно, что полковник не прочь пополнить свой поредевший отряд за счёт казаков, оказавшихся в тот момент в армии Пожарского. Тем более, что кампания грозила затянуться и подкрепления были жизненно необходимы. Надежда на поживу и авторитет «батьки Лисовского» действительно способны были привлечь к нему казачьи ватаги, которым приелась скуднооплачиваемая «государева служба». Лодыженский слышал, как Лисовский заявлял о своём намерении зимовать в «государевой земле», уверенно говоря, что к нему будут примыкать «прибыльные люди»²⁵⁸.

Захват Перемышля помог лисовчикам поправить то довольно затруднительное положение, в котором они оказались после столкновения с Д.М. Пожарским. Лодыженский сообщает о своих наблюдениях так: «А людей с Лисовским всяких с 3000 людей, а раненых, и больных, и лошадей раненых у Лисовского много ... и голод был до Перемышля великой, а как пришол в Перемышль, и у него стало всего много»²⁵⁹. Обилие припасов объясняется не только захватом города — заняв Перемышль, лисовчики принялись выжигать и грабить окрестные сёла²⁶⁰.

Воодушевлённый Лисовский обнадёживал своих людей скорым объединением с королевскими войсками, после чего «они государевымъ людемъ будутъ силны и пойдутъ въ государеву жь землю въ войну въ такіе мѣста, гдѣ будетъ ему и всѣмъ воинскимъ людемъ золота и серебра и бархату и камокъ и всякого узорочья»²⁶¹.

Пожарский тем временем дошёл до Лихвина и выстроил 12 острожков, чтобы стеснить свободу передвижений врага²⁶². Вероятно, именно это имел в виду Лисовский, говоря Лодыженскому, что «у Пожарскова перед ево людьми втрое, только, де худы люди, а Пожарский, де, отимаетца у него таборами»²⁶³.

Завязались переговоры о размене пленными. Пожарский требовал за одного поляка отдавать трёх русских, а Лисовский — отдать ему десять поляков за одного русского. Чтобы надавить на воеводу, Лисовский «пленников всех в Перемышле в тесную тюрьму согнавши, держал. О том дознались друзья тех пленников из разных городов и замков, кои на Пожарского наседали, дабы их освободить. И сей гордый пан уступил и писал ко мне, чтобы согласился голову на голову менять». На этом и было достигнуто соглашение²⁶⁴. Но прежде Лисовский не мог отказать себе в удовольствии направить своему противнику язвительные послания:

«Ты, Пожарский, не по царской воле чинишь, царь твой приказал тебе меня за границу не упускать, а ты меня отсюда хочешь выпустить. Так я лучше тебя твоего царя слушаюсь, ибо за границу уходить и не помышляю, с волею его согласно, а в землю вашу иду. И ещё тебе царь твой приказал, чтобы ты живого меня в столицу привёл, а ты мне, вопреки приказу господскому, ногу прострелил, за которое твоё непослушание должен я твоего царя искать и жалобу ему принести, дабы он по справедливости с нами учинил. И если он того не учинит, то Его Величество король, мой милостивый господин, сам учинит то с тобою и с ним»²⁶⁵.

Взятие Перемышля и переговоры о размене привели, похоже, к ослаблению бдительности в стане Лисовского. Этим воспользовались ирландские наёмники, бывшие «бельские немцы», решившие в очередной раз сменить нанимателя. Уговоры капитана Барноби и посулы Пожарского сделали своё дело и 27 сентября (6 октября) на государево имя выехал из-под Перемышля Варнава Килеварт. Он сообщил, что его товарищи также ждут лишь удобного случая для бегства, а также «хотять слышети, какъ онъ Варнава пожалованъ будетъ государевымъ жалованьемъ ... и не будетъ ли къ нему какого безчестья».

Убедившись, что перебежчик был принят благосклонно, его примеру последовали и другие «немцы», среди которых находились ирландцы Варнава Макилемартын и Дермант Макилямихал²⁶⁶.

Отсылая освобождённых русских пленников к Пожарскому, Лисовский приказал сначала выжечь на их глазах Перемышль — «чтобы неприятель видел, что я на замки и остроги не надеюсь». После этого к Лихвину был послан на разведку ротмистр Чарнецкий во главе 40 всадников. Лисовчики столкнулись с более крупным разъездом, высланным с той же целью из лагеря Пожарского (согласно реляции полковника, русских было 300 человек). Завидев друг друга, отряды остановились. Чарнецкий, взяв с собой восемь всадников, незаметно обошёл противника с фланга и с громким криком внезапно атаковал, внеся замешательство в его ряды. Воспользовавшись этим, лисовчики ринулись вперёд, обратили неприятеля в бегство и захватили несколько пленных, сами не понеся никаких потерь²⁶⁷.

В Лихвине Пожарский получил, наконец, давно обещанные подкрепления — казанскую рать численностью более чем в 7000 татар и черемисов. После этого он отрядил против Лисовского своего двоюродного брата воеводу Дмитрия Петровича Лопату Пожарского, а сам «истомлённый невероятно быстрой погонею за самым неутомимым из наездников, слёг от тяжкой болезни и был отвезён в Калугу»²⁶⁸. Но погоня сорвалась, поскольку «казанские люди все побегоша в Казань». Князь Д.П. Лопата-Пожарский «шелъ по сакмѣ за Лисовскимъ к Вязмѣ и, не дошедъ Вязмы, воротился и сталъ на Угрѣ». Здесь он получил царский приказ идти в Можайск, однако туда не пошёл, отписав, что «ратные люди съ службы розбѣжались, а которые и есть, и тѣ бѣдны»²⁶⁹.

Столкновение с Пожарским произвело на Лисовского сильное впечатление — в своём рапорте Льву Сапеге он уделил ему особое внимание, а в завершении, уже изложив весь ход набега, не смог удержаться, чтобы не поведать о том, что по его сведениям стало с князем Дмитрием Михайловичем после Орловской битвы. Согласно утверждениям Лисовского, под началом Пожарского

в Лихвине собралось до 19 000 человек, включая черемисов, однако вскоре «осталось при нём едва три тысячи человек». После того, как эти силы под началом Д.П. Лопаты-Пожарского отправились в погоню за лисовчиками, самому князю было велено возвращаться в Москву. «Придя в столицу, сказался он больным и жене и друзьям своим говорил, что намерен в чернецы постричься, а жена и друзья его от того намерения отговаривали ... царь же велел имения у него отобрать и боярства хотел лишить за то, что измену учинил и за Лисовским гнаться не захотел, хотя такое великое войско при себе имел. Оправдываясь же, говорил он, что не по своей вине Лисовского не поймал, что пошлите какого угодно иного воеводу и увидите, что он учинит. Лисовского никто не только в столь обширном государстве поймать не сможет, но даже если кто посадит его в ступу, а другой толкачом бить станет, то и тогда его не изловят»²⁷⁰.

Подобного сарказма полковник не изливает ни на одного другого русского воеводу — ни на тех, кто бросал при его приближении свои города, ни на Шереметева, которого разбил под Ржевом, ни на Бярятинского, который не нагнал его за Ярославлем, ни на Куракина, который не смог разбить его под Алексином. Единственным, кто удостоился подобного внимания, оказался Д.М. Пожарский, едва не положивший под Орлом конец карьере Лисовского. Очень похоже, что представляя князя Дмитрия Михайловича в комичном виде, полковник просто срывал накопившуюся у него досаду. При этом необходимо отметить, что сведения о царской опале на Д.М. Пожарского, полученные Лисовским, были неточны. На самом деле под стражу был взят Д.П. Лопата-Пожарский. Разгневанный провалом погони за Лисовским, царь Михаил Фёдорович «Лопату велѣлъ посадить в тюрьму в Можайскѣ»²⁷¹.

Царский гнев, который вызвали безнаказанные похождения лисовчиков, обрушился не только на Лопату-Пожарского — 5 (15) октября состоялось рассмотрение дела воевод, города которых подверглись нападению Лисовского. Брянский воевода Пётр Воейков, болховский Степан Волынской и лихвинский Фёдор Стрешнев удостоились похвалы за свою «прямую службу и радение».

Зато «изменников Михалка Долгорукова, Петрушку Бунакова, Сенку Глебова и Данилка Яблочкова» приговорили «бить кнутом по торгом и казнить смертью безо всякие пощады». Спустя два дня опальные воеводы были биты кнутом и приведены к плахе. Только тут им объявили государеву милость — по заступничеству своей матери, старицы Марфы Ивановны, царь Михаил Фёдорович «изменников ... пожаловал, смертную им казнь отдал, казнить их не велел»²⁷².

Избавиться от опасного полковника русское правительство пыталось и привычными средствами дипломатии. Ещё в июле 1615 г. «к панам-раде коруны Полские и великого княжества Литовского» из Москвы направили «гончика лёхкого з грамотою наскоро». В этой грамоте царь Михаил Фёдорович требовал, чтобы король «из государевой земли ис-подо Брянска Лисовского ... велѣль вывести». Затем это же требование передал и посол Артемий Нечаев. В ответ на это в правительстве Речи Посполитой выразили удивление: «а што пишете же: люди короля его милости Полские и Литовские земли з Лисовским ... землю Московскую пустошат и тому се дивуете, што се дѣет под час зсылки ваше з нами о добром дѣле, — ино сами вы то вѣдаете, што людем нашим великие причины, зацѣпки и задоры люди ваши Московские чинят, бо и войско ваше под Смоленском лежечи и отступаючи долгий часъ, и в нынешнее время беспрестаюку з людми нашими воуют, и по иным местцам люди ваши города и волости короля его милости порубежные наезжают и пустошат, палят, людей мордуют, забивают, в полон берут, кровь невинную крестьянскую проливают, шкоды и убытки великие чинят». Паны-рады предложили царю сначала отозвать собственные войска и прекратить порубежные набеги, а потом уже жаловаться на действия королевских войск. Этим, однако, дело не кончилось и в следующем послании царские дипломаты объясняли, что требование отвода русских войск от Смоленска лишено всякого смысла, ибо «царского величества рати стоят под Смоленском ... на государя нашего искони вѣчной отчине», а вот Лисовский напротив, «пришод безвѣстно к Брянску, многие мѣста пожѣг и

кровь многую хрестьянскую невинно пролил, а потомъ пришед искрадом, Карачев зжѣг и кровь же крестьянскую многую пролил»²⁷³.

Назначенный смоленским воеводой князь Иван Андреевич Хованский в августе 1615 г. также обратился к Ходкевичу, которому, помимо всего прочего, рекомендовал: «И тыбъ Карлусъ Хоткеевичъ, поискаль лучшаго, какъ в Крестьянствѣ кроворазлитѣ унятии, людей бы есте своихъ всѣхъ, Лисовскаго и иныхъ, которые в Государя нашего землѣ кровь Хрестьянскую проливають, велѣль вывести»²⁷⁴. Это предложение было принято Ходкевичем столь же холодно, как и предшествующие.

Тем временем, пока шла неспешная дипломатическая переписка, Лисовский выжег Перемышль и, обойдя Калугу, где стоял Пожарский, прошёл между Можайском и Вязьмой. Под Вязьмой он какое-то время стоял в поместье князя Андрея Голицына в Семлеве, а затем 2 (12) октября, «на заутрие Покрова Пресвятой Богородицы», ударил на Ржеву. Здесь вполне могла и закончиться карьера как самого Лисовского, так и всех лисовчиков, поскольку на Ржевском посаде в это время стояла на постое рать его старого противника, боярина Фёдора Ивановича Шереметева, посланная из Москвы на помощь осаждённому шведами Пскову. Войска под командованием Ф.И. Шереметева, князя Василия Петровича Ахамашукова-Черкасского и дьяка Чета Я Оботурова выступили в поход ещё во второй половине августа и в Ржеве ожидали прибытия пополнений. Вместо них неожиданно появился опасный враг.

Воеводы располагали достаточными силами, чтобы не только защитить город от разорения, но и совершенно уничтожить нападавших. Однако всё произошло прямо наоборот: «на ратных людей на коши под Ржавой на походе пан Лисовской с польскими и литовскими людми пришёл и с рускими с воры и с изменники ... и много туто ратных людей кошевых побили, и коши поймали». Ратные люди были застигнуты врасплох на посаде и по слободам. Новое столкновение с Лисовским оказалось для Ф.И. Шереметева столь же катастрофичным, как и первое. Разгром был полным. Сам воевода с остатками своей ра-

ти заперся в Ржевском остроге и отсюда 13 (23) октября послал весть о поражении в Москву. Между тем Лисовский, стремясь сделать победу как можно более полной, «къ городу приступалъ великими приступы и едва отъ нихъ отсидѣшася». Воеводы и ржевский осадный голова Григорий Фёдорович Образцов сумели успешно отразить неприятеля, однако большего добиться им не удалось²⁷⁵.

Разгромив застигнутые на постое войска, Лисовский выжег посады, «запасы государевы многие потопил», а затем стал лагерем на противоположном берегу Волги. Хотя посад и был разорён, сам «город» взять не удалось. В боях погибло немало казаков. Раздражённый неудачей, Лисовский приказал снять колокола с пригородных церквей и бросить их в колодцы. Ведя осаду, он рассылал загоны своих людей во все стороны, опустошая окрестности. Тимофей Усов сообщал из Волока Ламского, что «Лисовского и Литовскихъ людей чаять приходу къ Погорѣлому городищу и к Волоку, а загонные люди къ Погорѣлому городищу многіе объявились». Лисовский действительно послал казаков в Погорелое Городище, велев захватить городок, назвавшись посланцами из Москвы. Однако этот замысел не удался²⁷⁶.

Трудно сказать, насколько продуманным был бросок Лисовского к Ржеве. Замыслами своими полковник не делился ни с кем, а действия свои предпочитал описывать уже задним числом, создавая впечатление их спланированности. У его людей впечатление было совершенно иное. «А куды де Лисовской похочетъ идти въ войну, и онъ о томъ отнюдь не совѣтуеть ни с кѣмъ: которого дни ему идти и онъ велить вытрубить, чтобъ всѣ были готовы до коней, — сообщает Варнава Килеварт, — А какъ сядеть на конь и куды поидеть, и туды за нимъ всѣ пойдуть, не вѣдая никто, куды идетъ»²⁷⁷. Непредсказуемость действий полковника заставляла современных наблюдателей искать тому объяснений в области большой политики и высокой стратегии. В частности шведы подозревали, что рейд Лисовского направлен на срыв Дедеринских мирных переговоров. Голландские посланники Рейнгоут ван Бредероде, Дидерих Басс и Альберт

Иоакими услышали в ноябре 1615 г. от толмача английского посла, что к месту проведения переговоров приближается «польский полковник по имени Лисовский, известный в России своими набегами», с ним то ли 2600 рейтаров, то ли даже 7000 войска, и что, «служба королю польскому, он имеет намерение воспрепятствовать заключению мира»²⁷⁸. Вряд ли Лисовский преследовал столь далеко идущие цели, однако последствия его действий могли быть совершенно непредсказуемы.

Обеспечив себя добычей из обоза армии Шереметева, Лисовский попытался пополнить свои силы. С этой целью он постарался наладить связь с гетманом Ходкевичем, стоявшим в Смоленске, послав туда отряд из 40 поляков под началом ротмистра пана Синявского (один из пленных лисовчиков позднее показывал, что Лисовский направил к гетману «пахолка своего Шенковского да порутчика, имяни не упомнить, всего двенадцать человек»)²⁷⁹. Посланцы беспрепятственно добрались до Смоленска, пройдя через Бельский уезд, хотя о том было известно здешним воеводам. Вести, доставленные Синявским, изрядно порадовали Ходкевича, который выразил полковнику своё благоволение, послав ему в дар превосходного аргамака. Однако пополнения, направленные под Ржеву, оказались более чем скромными — всего 30 человек «изменников козличь и смольнян» под командованием козлитина Фёдора Щербакова. Но и этот небольшой отряд так и не добрался до стана лисовчиков. Путь Синявскому и Щербакову лежал через Бельский уезд и об их возвращении быстро стало известно в Белой. Воеводы Иван Матвеевич Бутурлин и Семён Яковлев, один раз уже упустившие ротмистра, теперь были наготове. «На переём ... з беляны и з дворяны и з детми боярскими, и с казаки, и с стрельцы» выступил сам Семён Яковлев. В сорока верстах от Белой в Пышковской волости у села Гавриловка 2 (12) ноября 1615 г. отряд Яковлева «встретил на походе» людей Синявского и Щербакова. «Бельский летописец» сообщает, что поляков и русских «воров» было 70 человек, а в «Книге сеунчей» говорится, что «шло литовских людей ... с шездесят человек». Возможно, это свидетельствует о том, что десятку лисовчиков всё же удалось избежать гибели и плена. Но большая часть отряда была,

несомненно, перебита. В плен попали 22 человека вместе с Синявским и Щербаковым. Победителям достался и гетманский подарок, которым они распорядились надлежащим образом: «и дары гетманские ... тот аргамак дворяне и дети боярские, и всякие служилые люди прислали з Белой челом ударить царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу всеа Руси в Москве». Скандальная история с гетманским подарком надолго запомнилась в отряде Лисовского. О ней счёл необходимым упомянуть на допросе лисовчик, попавший в плен под Ярославлем. Не смог умолчать о том и сам Лисовский, постаравшийся, правда, изложить этот эпизод как можно более кратко и обтекаемо. По его словам, он «хоругви неприятельские до пана гетмана отослал через послов своих, которых, когда они до меня от пана гетмана возвращались москва под Белой переявши побила, а иных поимала, что у нас гнев великий вызвало, ибо не узнали мы воли пана гетмана»²⁸⁰.

Но некоторые пополнения из числа казаков к Лисовскому всё-таки попадали. Около 60 человек привёл к нему из Заволжья атаман Ляд. Другой отряд возглавлял атаман Яков Шишов. Из войска Д.М. Пожарского к лисовчикам отъехало около 100 казаков. Несколько позднее он завязал переговоры с бывшими казаками атамана Заруцкого, которые в количестве 500 человек стояли тогда под Смоленском. Однако, далее обмена посольствами это дело не пошло²⁸¹. Собственно же силы Лисовского в период после осады Ржевы были довольно скромны. Согласно показаниям перебежчиков, в распоряжении полковника имелось восемь хоругвей, в составе которых было 400 «литовских людей», 300 черкас и 150 «русских воров казаков» — всего 850 человек²⁸².

Простояв под Ржевой шесть недель, в первой половине ноября Лисовский оставил безнадёжную осаду. По мнению «Бельского летописца» причиной тому послужили известия о судьбе отряда Синявского. Хотя город ему взять и не удалось, результатом действий лисовчиков стал срыв похода русской рати на Псков. Боярин Ф.И. Шереметев вынужден был вернуться в Москву, поскольку его «ратные люди погромлены, а иные побиты, и стали ратные люди запасы и службою скудны»²⁸³.

В Москве известия, полученные от Шереметева из Ржевы, вызвали новый всплеск тревоги и 15 (25) ноября воеводам находившихся под угрозой набега городов были разсланы царские грамоты с предостережением. «Воръ Лисовской со всѣми съ литовскими людми и съ черкасы и съ рускими воры ото Ржевы пошоль наспѣхъ невѣдомо куды, а чають его приходу въ Заволскіе города къ Угличю, — говорилось в грамоте, направленной угличскому воеводе князю И.Ф. Волконскому, — И как къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ на Угличѣ жилъ съ великимъ береженьемъ неоплошно, и по городу бѣ у тебя и по острогу всякіе осадные люди стояли по мѣстамъ, совсѣмъ на готовѣ, безпрестани, и сторожи бѣ у васъ около города и острогу далніе, и стерегли въ день и в ночь безпрестани, и самъ надъ ними надзиралъ ежечасъ, и того берегся накрѣпко, чтобъ воръ Лисовской с литовскими людми к Угличю безвѣстно не пришли, и русскихъ людей оманомъ не подослали, и дурна какого не учинили»²⁸⁴.

Преследование Лисовского было поручено князю Михаилу Петровичу Барятинскому, которому передали остатки армии Пожарского. Дьяк Семой Заборовский должен был привести их под командование князя в Волок Ламский. Кроме того, под начало М.П. Барятинского переходили и пополнения, направленные ранее в армию Шереметева и находившиеся в тот момент в Старице под командованием Ивана Леонтьева. В целом эти силы насчитывали в своих рядах 1697 человек, причём среди них было 999 казаков. Вместе с Барятинским должен был действовать отряд иноземцев под командованием «выезжего из английской земли князя Артемия Исакова сына Астона»²⁸⁵ — «Бѣлскихъ нѣмецъ съ капитаны 130 человекъ, да кормовыхъ иноземцовъ 141 человекъ и всего со княземъ Ортемьемъ иноземцовъ 254 человека»²⁸⁶.

В царском наказе, выданном М.П. Барятинскому 24 октября (3 ноября), учитывая печальный опыт внезапных столкновений с непредсказуемым полковником, воеводе приказывалось «посылать по всѣмъ дорогамъ и по сторо-

намъ и подѣзды и станицы частые, и велѣти про Литовскихъ людей провѣдывать подлинно, а самимъ дорогою ходить съ великимъ береженьемъ, и на станѣхъ ставитца въ крѣпкихъ мѣстѣхъ укрѣпясь обозомъ, и того беречь накрѣпко, чтобъ на нихъ Лисовской и Литовскіе люди безвѣстно не пришли и дурна какова не учинили»²⁸⁷.

В то же время «съ людьми збиратца и ийти на Лисовского жъ» было велено князю Василию Ивановичу Туренину и Тимофею Васильевичу Измайлову. Им следовало прибыть в Ярославль и принять под командование 2105 человек (включая 1442 русских служилых людей, 602 «иноземцов, Литвы и Нѣмец прежнего выѣзду», и татар 61 человек). Им было велено «про Лисовского провѣдывати всякими обычаи накрѣпко, чтобъ онъ безвѣстно къ Ярославлю и къ инымъ городомъ не пришолъ и дурна какова не учинилъ и не извоевалъ». В случае обнаружения неприятеля, воеводы должны были «смотря по вѣстемъ, прося у Бога милости, на Лисовского приходити и промышляти всякими обычаи и битися съ нимъ сколько Богъ помочи подастъ». Одновременно «по тѣм же вѣстемъ» было приказано быть наготове Григорию Валугину и его людям в Вологде²⁸⁸.

Собрав рать в Волоке Ламском, М.П. Барятинский должен был «наспѣхъ днемъ и ночью безъ кошей легкимъ дѣломъ» двигаться на соединение с В.И. Турениным и Т.В. Измайловым и затем совместно «надъ Литовскими людьми промышлять».

Лисовский же направился к Торжку, сжѣг его посад, но вновь не сумел овладеть острогом. Двигаясь прямо на север, он намеревался достичь, по собственным словам, «моря ледовитого». Однако планы пришлось вскоре пересмотреть. Виной тому, по заверению Лисовского, стал некто Рыськевич, вероятно, тот самый, что присоединился к полковнику под Брянском. В своей реляции полковник называет его «Тышкевичем». «Связавшись с какой-то московкой», он бежал вместе с нею и двумя товарищами к русским, передав им сведе-

ния о численности и планах лисовчиков, сообщив также об их усталости и нехватке боеприпасов²⁸⁹. Впрочем, эти сведения должны были быть известны московским воеводам и без влюблённого Рыськевича, со слов захваченных «языков» и бывших пленников, подобных Василию Лодыженскому.

В Москве замыслы Лисовского восприняли со всей серьёзностью. Для того, чтобы воспрепятствовать проникновению Лисовского на север было разослано повеление: «по Шекснѣ рѣкѣ межъ Устюжны и Бѣлаозера и въ иныхъ крѣпкихъ мѣстѣхъ велѣти тотчасъ засѣки засѣчь и укрѣпити с великими крѣпостми, и головъ и подымныхъ людей къ тѣмъ засѣкамъ собрати и велѣти имъ у засѣкѣ стоять неотступно съ великимъ береженьемъ»²⁹⁰.

Даже в далёкую Пермь Великую была 16 (26) октября направлена особая предостерегающая грамота: «Лисовской с полскими и съ литовскими людьми пришёл ко Ржевѣ изгономъ, а умышленье де у него приходитъ в Поморскіе города изгономъ же. И какъ къ вамъ ся наша грамота придѣтъ, и вы бѣ жили съ великимъ береженьемъ, и сторожи бѣ были в день и въ ночь безпрестанно, и станицы и въ подѣзды посылали отъ себя частые куды пригожѣ, и засѣки бѣ в лѣсныхъ и въ крѣпкихъ мѣстѣхъ и у засѣкъ всякіе крѣпости велѣли подѣлать и подымныхъ людей к засѣкамъ собравъ со всякими бои велѣли поставить и головъ къ нимъ урядили; а велѣли бѣ имъ на засѣкахъ стоять бережно и усторожливо, чтобъ одноконечно Лисовской к городомъ, и в уѣздъ, и к засѣкамъ, безвѣстно не пришолъ и не повоевалъ»²⁹¹.

Свои замыслы полковник всегда старался держать в строгой тайне от противника, не останавливаясь при этом ни перед чем. По сведениям Самуэля Твардовского, Лисовский попросту убивал тех своих людей, кто из-за болезни, ран или усталости не мог продолжать бесконечный рейд:

...ni przed, ni za sobą
Zostawując nikogo, kto-li z swych chorobą
Lub strawiony niewczasem ustał za nim kędy,

Ściał go samże²⁹²

Кроме того, согласно сведениям голландских посланников, он имел обыкновение «оставлять слабых коней, и когда ему удаётся достать лучших лошадей, то, подобно молнии, бросается вперёд, уничтожая всё, что ему попадётся и чего он не может увезти с собой»²⁹³.

Неизвестно, собирался ли на самом деле Лисовский достичь Северного Ледовитого океана, как о том говорил своим людям, но в любом случае он меняет направление своего движения — мимо Твери и Кашина к Угличу, вступая в хорошо знакомые ему по прошлым набегам места. Однако на сей раз успеха здесь полковник не добился. Города запирали перед ним ворота, а воеводы собирали для отпора все наличные силы. В Кашине воевода Фёдор Бояшев, «послыша про Лисовскаго, что онъ со всѣми людьми идетъ къ Кашину», ради усиления своего гарнизона задержал в городе уездных стряпчих, жильцов и дворян, которые хотели было уехать в Москву. «Для осадного времени» были оставлены здесь и дворяне, прибывшие ненадолго из Москвы по царскому поручению «для запасов» — Иван Семёнович Беклемишев и Исак Степанович Щербачов. Принятые воеводой меры вполне себя оправдали. Когда «Лисовской съ литовскими людьми подъ Кашинъ приходили, Иванъ Беклемишевъ ... съ польскими и литовскими людьми на вылазкѣ, въ напускѣ и въ отводѣ бился явственно»²⁹⁴. Приступ лисовчиков был успешно отражён. Продолжив движение, Лисовский выжег посады Углича, но городом овладеть не смог, после чего направился к Романову. В этот момент в распоряжении полковника находилось всего 850 человек, разделённых на 8 хоругвей: 400 «литовских людей», 300 черкас и 150 «русских воров казаков»²⁹⁵.

О реальных возможностях лисовчиков многое может сказать состояние тех крепостей, которые они осаждали в ходе своего набега. Сохранилось описание укреплений Углича, сделанное в 1617 г. Вряд ли двумя годами ранее крепость, пережившая бурные события Смуты, имела иной вид: «у острогу мосты не домощены, и въ башняхъ мосты погнили, и у острогу жъ съ лица противъ

приступныхъ мѣсть рву не копано и чесноку не побито»²⁹⁶. Гарнизоны таких крепостей также не отличались ни большой численностью, ни обилием воинского снаряжения. Тем не менее, лишь внезапность удара и трусость воевод позволяли Лисовскому одерживать свои ошеломляющие победы.

Под Угличем лисовчики собрали «коло» для обсуждения дальнейших действий. Прежде «рыцарство» подобных советов не устраивало и, видимо, вполне полагалось на своего полковника. Но ныне ситуация в отряде изменилась. Оказавшись в глубине враждебного государства, ведомые в неизвестном направлении, лисовчики обеспокоились своей судьбой и решили взять её в собственные руки. Похоже, они потребовали от полковника, чтобы тот изложил им свои дальнейшие планы. Лисовский, судя по всему, не смог этого сделать, поскольку и сам, вероятно, не имел таковых. По крайней мере, оказавшийся вскоре в русском плену Кристоп Савинский заявил, что «им Лисовский своей думы не сказывает», сам он «думы ... Лисовского не ведает, а чает, что Лисовский со всеми людьми пойдёт в Литву, потому что с ним люди невеликие, к городом приступать не с кем»²⁹⁷. Отзыв этот, как легко заметить, почти дословно повторяет мнение Варнавы Килеварта о скрытности полковника. В итоге «коло» приняло решение идти к Романову и Даниловской слободе,²⁹⁸ там стать табором на неделю, дать отдохнуть «истомным» лошадям и за это время разведать окрестные пути-дороги.

Похоже, что этот план, по сути ничего не решавший, пришёлся по душе не всем лисовчикам. Уже 24 ноября (2 декабря) романовский воевода Андрей Трусов сообщает, что к нему явились поляки-перебежчики — Мартын Хреневский, Остафий Харинский и Иван Данилов, которые сообщили о состоянии дел в отряде Лисовского. По их словам, «лошади де у них гораздо истомны, а зелья мало», а потому, если у воеводы имеются под рукой воинские силы, то самое время нанести решающий удар по ослабевшему неприятелю²⁹⁹.

Лисовский, заняв Даниловскую слободу, оставил в ней половину своих людей, а вторую половину направил на три дня «в загоны» — добывать провиант и разведывать окрестности. О присутствии поблизости лисовчиков ярослав-

ский воевода князь Василий Тюменский узнал уже 26 ноября (4 декабря), когда «съ утра приезжали ... в Ярославль бѣжь многая, а иные сѣчены». Израненные беженцы показали, что Лисовский находится в дворцовом селе Даниловском в 15 верстах от города, а его молодцы «многих уездных людей побили, и сѣла и деревни повыжгли и пограбили». Но налёты лисовчиков не всегда оканчивались для них благополучно. На следующий же день, 27 ноября, воеводы князь Василий Туренин и Тимофей Измайлов прислали в Ярославль 10 пленников, захваченных в стычке с одним из загонов Лисовского под селом Вятским. Среди них были черкасы, «литовские люди» и один русский казак. Наиболее интересные показания дал литвин Кристоп Савинский, товарищ из роты Копычевского³⁰⁰.

По его словам с Лисовским было около тысячи человек, без обозов и пушек, на усталых лошадях, но с запасом пороха. В отряде нет никаких «немцев», нет в нём и знаменитых казачьих атаманов Захарья Заруцкого и Павлика Голеницкого, как то, видимо, подозревали русские воеводы. Русскими казаками руководит некий атаман Сидорка, а загоном, разбитым у села Вятского, командовал человек, личность которого весьма заинтересовала ярославского воеводу. Это был некий «порутчикъ Козырь русской человѣкъ, молодъ, ростомъ высокъ, руского имени ему [Савинский] не вѣдаетъ». Этот удалец сумел ускользнуть от государевых ратных людей при разгроме своего отряда³⁰¹.

В эти же дни Лисовский подумывал о захвате Костромы (вероятно, именно она скрывается в польских источниках под названием города Chromion). Чтобы разведать обстановку в городе, туда был подослан лазутчик. Им стал Левка Ларивонов, «Спаса Ярославского монастыря крестьянин села Фёдоровского деревни Высокой». В четверг, 23 ноября, направляясь к селу Даниловскому, Лисовский проезжал мимо деревни Высокой, где черкасы изловили Левку, приведя его на допрос. Крестьянину было предложено 50 рублей денег и сукно за то, чтобы он отправился в Кострому и разведал, «сколко на Костроме силы и сколко наряду». Левка, недолго думая, согласился и спустя два дня был

уже на костромском посаде у церкви Св. Власия. Тут его заметил выезжавший в дозор костромитин Исая Есипов. Увидев, что «аж де едет к Костроме мужик, он того мужика взяв, привёл ... в розряд». Оказавшись перед лицом воеводы стольника князя Ивана Хилкова, перепуганный Левка Ларивонов поспешил сознаться в своём грехе, поведав, что Лисовский ожидает только его возвращения, чтобы «приходити прямо к Костроме приступом»³⁰².

Несмотря на частную неудачу под Вятским и провал плана по захвату Костромы, отдохнув в Даниловском и перейдя Волгу между Костромой и Ярославлем, Лисовский углубился в Суздальские места. По пути он разорил Шую и её округу, а затем двинулся на Муром и Касимов, рассылая разъезды вплоть до мордовских селений. Сведения о направлении его движения были срочно доставлены в Москву: «А воръ Лисовской съ Литовскими людьми стоять в Костромском уѣздѣ въ Даниловской слободѣ, а идти ему къ Суздалю, и къ Володимерю, и къ Коломнѣ, и къ Резани»³⁰³.

Шведский историк Юхан Видекинд, со слов новгородского дворянина Михаила Клементьева описывает маршрут Лисовского следующим образом: «пробившись с 1500 человек между Москвой и Осташковом, он пошел на Торжок, Городище, Ярославль, Кострому и до Нижнего Новгорода (Mindre Niugarden), затем двинулся через Муром (Уногата) и Касимов (Laisamoff), Зарайск (Surch) и Seunein, вплоть до Брянска, сея на всем своем пути пожары и убийства»³⁰⁴. Голландские посланники отмечают, что Лисовский, «побыв несколько времени около Торжка, между Москвой и Осташковом, отправился в Ростов, сжёг город и пустился далее мимо Ярославля через Волгу до Данилова, повидимому, чтобы взять в плен купцов и захватить товары, которые шли в это время с Архангельской ярмарки в Москву, и что с Данилова, поворотив за юго-восток через Рязань, он воротился в Польшу»³⁰⁵. Русские источники описывают тот же маршрут следующим образом: «И поиде Лисовской от Ржевы войною и былъ под Кашинымъ и под Углечемъ ... поидоша жъ межъ Ярославля и Костромы в Суздальскіе мѣста воевать и идоша на городъ на Кляземской. И пои-

доша межъ Володимеря и Мурома и идоша на муромское сельцо Мещеру ... И придоша в Резанскія мѣста межъ Коломны и Переславля Резансково на село Кузьминское. И поидоша в Тульскіе места, проидоша межъ Тулы и Серпухова и придоша в Олексинские мѣста ... и поидоша на Сѣверскія мѣста в Литву»³⁰⁶.

Между тем погоня, организованная русскими воеводами за Лисовским, велась неторопливо. Они безуспешно преследовали стремительного полковника, при этом сами опустошая окрестности. Князя В.И. Туренин и М.П. Барятинский «а с ними ... ратные люди, и немцы, и казаки», вслед за лисовчиками, запустошили сѣла Рождественское и Бордаково в Нерехотском стане Костромского уезда. В селе Алексино Суздальского уезда вначале лисовчики «крестьян многих секли, а иных жгли и мучили, и грабили», а затем «князь Михайло Борятинский со своими ратными людьми грабили и мучили». Крестьяне знаменитого села Палех «разбрелись безвестно от казаков и побиты от Лисовского загонных людей и от ратных людей, как шли государевы ратные люди за Лисовским». Разрядные записи отмечают, что М.П. Барятинский «шелъ за Лисовскимъ не спѣшно и Лисовского не сшѣлъ; а идучи воровалъ, уѣзды запустошилъ, села и деревни многіе разграбилъ». Это навлекло на него царскую опалу. Стряпчий Пётр Алексеевич Загрязский был послан, чтобы посадить князя в тюрьму в Суздале, а Ивану Романовичу Безобразову, ехавшему в полк князя Туренина, было дано особое поручение: «будетъ заѣдет князя Михайла Борятинскаго въ полкѣхъ и ему говорить: что ты князь Михайло воръ, жонка, а не слуга, сдѣлалъ измѣною, шелъ мѣшкотно и за твоимъ многимъ воровствомъ Лисовской съ Литовскими людьми многіе города повоевалъ и пожегъ; да велѣно его бить по щекамъ, да велѣно князь Михайла привести к висѣлицѣ а от висѣлицы ворота, послать в тюрьму»³⁰⁷. Войска опального князя перешли под командование воеводы В.И. Туренина.

Если польские исследователи рисуют рейд Лисовского, как ряд непрерывных побед, то отечественные историки подчёркивают неудачи лисовчиков,

уверяя даже, что они двигались «крадучись, просёлками», «пробирались, как тень», но при этом «опустошая всё на своём пути»³⁰⁸. Каким образом им удавалось это совмещать, не объясняется. Истина же, как всегда, находится посередине. Лисовский, несомненно, избегал встреч с преследующими его воеводами, однако отнюдь не уклонялся от боя там, где мог рассчитывать на успех. Русские воеводы откровенно избегали прямых столкновений с Лисовским, однако успешно расправлялись с отдельными загонами лисовчиков, как то показали история с гетманским аргамаком и разгром поручика Козыря у села Вятского. При этом среди самих лисовчиков также наблюдались внутренние неурядицы, неуверенность в конечном успехе. Об этом свидетельствуют случаи дезертирства, когда даже поляки «выезжали на государево имя», предпочитая сдачу неминуемой гибели среди необъятных просторов враждебной страны. Так поступили Рыськевич, Хреневский, Харинский, Данилов. К числу дезертиров, вероятно, можно отнести и «казаков из табору пана Лисовского» Григория Раткевича и Томаша Михайлу, осевших в Муроме в качестве сборщиков податей (правда, Г. Виснер почему-то считает их «наместниками» Лисовского в этом городе)³⁰⁹.

После Перемышля Лисовскому действительно не удавалось овладеть ни одним городом, однако это не останавливало его от нападения на них, что наверняка сопровождалось разорением округи и посадов. Подойдя к Мурому, Лисовский отнюдь не пытался обойти его тайком.

Приближение Лисовского к Мурому не было тайной для русского командования. Во второй половине ноября этот город был назначен сборным местом для новой армии, выдвинутой против неуловимого полковника. Воеводе Михаилу Самсоновичу Дмитриеву было велено «в Муромѣ збиратца съ людьми и идти на Лисовского». Численность войск М.С. Дмитриева должна была составить 1778 человек, большая часть которых являлась татарами — арзамасскими, алатарскими, касимовскими, курмышскими, ценскими. Тогда же приказ собирать силы против лисовчиков получили в Рязани князь Фёдор Семёнович Куракин и Иван Александрович Колтовский, рать которых насчитывала 2074 человек. Все

они должны были поддерживать постоянную связь с В.И. Турениным и действовать согласно полученным от него вестям³¹⁰.

В начале декабря, как сообщает муромский воевода Богдан Иванович Полев, «Лисовский с литовскими людьми пришед к Мурому, приступал жестоки-ми приступы с вогненным боем, и с щитами, и с приметы, и осадных людей з города збили, и тайник отняли, и они литовских людей з города и ис тайника выбили и, учиня ис города выласку, многих литовских людей побили и поранили, и от города отбили, и сшиты, и санные возы и зажигальные стрелы поимали и Лисовский со всеми людьми от Мурома отшел того ж дни». В бою отличились и стали сеунщиками арзамасский мурза Ишмамет (Кияз Мамеш), муромцы Григорий Чертков и посадский Меркулий Клепиков, торопчанин Шемахей Федцов³¹¹.

Простояв под Муромом пять дней, лисовчики мимо Касимова двинулись в сторону Тулы. По пути, как сообщает Лисовский, он спалил города Stara Brzezaw (Старая Рязань?), Przosław (Переяславль-Рязанский?), Bysianki, Szebumie (Serebrnie), Brudy, Chełmiaczow (Chełwiczów). Затем подступил к городку Wemierow, где выжег посад и штурмовал острог, но за недостатком боеприпасов не смог им овладеть³¹². Трудно сказать, что за селения скрываются под большей частью этих названий и действительно ли они настолько пострадали от рук лисовчиков, как о том сообщает их предводитель.

После известий о приступах Лисовского к Мурому, Михаил Фёдорович выслал в полки своего личного представителя, И.Р. Безобразова, который явился в лагерь В.И. Туренина «на Резани въ селе Киструсъ». Прибытие царского посланца заставило воеводу ускорить движение. «Перебрав людей» и оставив громоздкие обозы, он двинулся «резвым делом» на соединение с войсками Ф.С. Куракина, под началом которого ему и предстояло действовать дальше. Кроме того, в это войско должны были влиться отряды М.С. Дмитриева, которые тот собирал в Темникове³¹³.

Тем временем, обойдя по гигантской дуге Москву, лисовчики вышли в Алексинский уезд и только тут на реке Пчельне были настигнуты русской ра-

тью. Князя Ф.С. Куракин и В.И. Туренин, объединив свои силы, выступили «резвым делом без кошей», сумев, наконец, перехватить неуловимых лисовчиков в селе на Пчельне, Любутской волости Алексинского уезда. Согласно донесениям воевод, в бою «многихъ Литовскихъ людей побили, и знамена поймали и языков на том бою взяли 85 человекъ». В Москве известие о победе было высоко оценено. Сеунщики Фёдор Жидовской и Олферий Зюзин получили богатые дары: «по ковшу да по сороку куницъ, да по камкѣ, да въ четь по 15 рублевъ прибавки, да по 110 чети помѣстнаго окладу». После поражения лисовчики бежали в сторону границы и по пути «коши и раненыхъ литовскихъ людей во многихъ мѣстѣхъ пометали»³¹⁴. Летопись, однако, оценивает достигнутый успех гораздо скромнее: «и едва ево сойде в Олексинском уезде князь Фёдор Семёнович Куракин, и туто ж с ними бывшу бою, мало ж ему шкоты починиша и людей у него побиша немного»³¹⁵. «Часть арьергарда его в этом набеге была уничтожена русскими», — кратко сообщают голландские посланники³¹⁶.

Сам Лисовский относил этот успех русского воеводы исключительно на счёт измены ненавистного ему «Тышкевича», численного превосходства противника и присутствия среди русских войск «некого князя из Англии именем Артенам». Согласно его утверждениям, сэр Артур Астон («Артенам») имел под своим началом 700 «немцев», а в целом русские войска насчитывали около 7 000 человек. В своей реляции полковник, преувеличивая численность противника, вообще сводит всё сражение к нерешительному столкновению с отрядом Астона: «сей упомянутый князь Артенам с немцами своими хотел меня захватить, идя впереди войск. Я со становища вышел и тут он напал, но меня не заставши, в поле за мною погнался. Видя меня, крик учинили, а незадолго до того, со становища выходя, предался мне трубач их и о них достаточно мне поведал. Я тогда на оных крик оборотил людей своих, выстроил их, и они тоже тогда остановились, не желая на меня нападать. Я тоже с голыми руками вступать в бой не желал да и немного нас было, ибо многие по разным деревням разъехались, а до того разослал я своего немало войска одних к столице, к Калуге

(Kałudze), к Одоеву (Oderewu) и на иные другие разные места ... и так стояли в поле несколько часов: они неведомо почему не хотели [атаковать], а я и рад был бы, да не было ни с чем, ни с кем. Во всём войске по справедливости не имели и пятидесяти надёжных поляков ... Однако за те несколько часов, что стояли, выходили охотники на гарц и несколько немцев убили, а моих ни одного... И тогда пустились в путь, а они не смели на нас нападать, ожидая артиллерии, которая за нами шла, и остались на том становище, где я ночевал»³¹⁷.

О потере знамён и пленных, о брошенных раненых и оставленных обозах полковник в своей реляции предусмотрительно не упоминает ни словом.

Сражение на Пчельне обычно датируется 31 декабря, что явно неверно, поскольку 19 (29) декабря лисовчики были уже в Лихвинском уезде. Исходя из этого бой не мог произойти позднее 15 (25) декабря. Согласно данным К. Тышковского, битва датируется 1 (10) декабря 1615 г. Сам же Лисовский сообщает лишь, что битва на Пчельне произошла «за Тулой на втором ночлеге, а именно *ultima decembris*»³¹⁸.

Лисовский не дал навязать себе серьёзный бой, да и сам Куракин, добившись частного успеха, не смог его развить. «Несколько воевод было отпущено в погоню за Лисовским, но они бесплодно кружили из одного места в другое; только в Алексинском уезде сошёлся с ним раз князь Куракин, но не мог причинить ему большого вреда и перехватить путь в Литву», — подводит итог этой погоне С.М. Соловьёв³¹⁹.

Не в силах разбить самого Лисовского, воеводы стремились уничтожить хотя бы отдельные его разъезды. Тульский воевода Ратман Алексеевич Вельяминов прислал в Москву 21 (31) декабря сеунщика Фёдора Истомина «с тем, что как Лисовской и литовские люди шли мимо Тулы, и Лисовского и литовских людей побили и языки многие поймали»³²⁰. В районе Тулы отряд, похоже, разделился по крайней мере на две группы. Одна двинулась на Лихвин и вошла в уезд со стороны Тулы 19 (29) декабря. Вскоре после этого, «декобря ... в 22 день в ночи с пятницы на субботу приходили ... к Лихвину ... человек з двесте и болше ... против их вышли на вылоску з дворяны и з детьми боярскими и с

стрельцы и со всякими людьми и бились с ними до дня ... от острогу их отбили и полону ... у них отбили много разных городов ... взяли детину рускова человека Первушку». Повторный приступ к городу состоялся «в ночи» 24 декабря (3 января) и также был успешно отражён.

Освобождённый пленник Первушка, крестьянин «немчина Павла Комле-рока», показал, что был взят в плен на Мухори 19 (29) декабря, что сам Лисовский ушёл на Смоленск, а этот отряд выслал под Лихвин и было их около 200 человек, шли они мимо Одоева, провели две ночи в Белёвском уезде «у Николы Чудотворца Гостунского», а сходитья им с Лисовским было условлено за Перемышлем. Из членов отряда он мог назвать только своих бывших хозяев — неких пана Михаила и пана Еску³²¹.

Лихвинский эпизод оказался последним столкновением с лисовчиками в ходе рейда. Они двигались напрямик к границе. Путь их лежал по опустошё- ному краю, где невозможно было прокормить ни себя, ни коней. «Челяди мел- кой и пахолков множество от холода великого померло», — сообщает Лисов- ский. Тем не менее, в первых числах января 1616 г. он успешно вернулся в Мстиславль и 17 (27) февраля прибыл в Смоленск. С ним в составе восьми хо- ругвей прибыло больше тысячи человек, в том числе сотня «немцев»³²².

После боя на Пчельне воеводы Ф.С. Куракин и В.И. Туренин «изо всѣхъ полковъ выбрали рѣзвыхъ людей, и послали про Лисовского провѣдывати до Брянска и до рубежа головъ князя Василья Волконского съ товарищи». Развед- чики провожали лисовчиков до Брянска, а оттуда до самого литовского рубежа, удостоверившись в том, что они действительно покинули пределы России³²³.

Круговой рейд, как и другие подобные предприятия Лисовского (летний рейд 1608 г., отступление из Замосковья весной 1610 г.) был подвигом поневоле — его не планировали заранее, к нему полковника толкали обстоятельства. Тем не менее, замысел Ходкевича удался. Разоряя и опустошая всё на своём пути, лисовчики описали гигантскую огненную петлю по глубинным уездам Москов-

ского царства, оттянув на себя значительные российские силы и облегчив тем самым положение Смоленска.

Немедленно дали себя знать и другие последствия рейда. Имя Лисовского прозвучало уже 7 (17) января 1616 г., во время предварительных мирных переговоров со шведами в Дедерине. В ответ на речи русских послов шведские представители отвечали: «Оставьте говорить высокие слова: Лисовский не бог знает кто, обычный человек, и тот с невеликими людьми прошёл всё Московское государство»³²⁴. Заключённая в этих словах характеристика полковника даёт ключ к разгадке его удивительного успеха. Набег Лисовского продемонстрировал не только и не столько полководческие таланты самого полковника, сколько полную неспособность большинства его противников и плачевное состояние самого государства. Российские воеводы, как правило, избегали открытых сражений с лисовчиками, хотя успешно отстаивали от них даже наскоро сооружённые полевые укрепления. Казаки Лисовского свободно разгуливали по разорённым и обезлюдившим за годы Смуты уездам, пока не сталкивались с активным и решительно настроенным противником, каким показал себя, например, Семён Яковлев. Стоит отметить, что уже в период следующей, Смоленской войны, когда на польско-литовской стороне также не было недостатка в лихих наездниках, повторения подобных рейдов не последовало. Они были возможны только в условиях Смуты.

Конец жизни

Рейд, проделанный Лисовским по Московскому государству, сплотил его разношёрстный отряд, превратившийся за эти месяцы из наспех сколоченной шайки в крепко спаянный закалённый в боях полк. Он не распался со смертью своего командира. Именно эти люди стали ядром тех «лисовчиков», что в последующие годы снискали громкую и страшную известность на полях сражений. «Как сам Лисовский бросался на все опасности, так приучил и своих солдат, и, как бы обрекши уже их на верную смерть, обыкновенно называл военным термином «погибшие» (*perditi*)», — писал о них современник событий

Станислав Кобержицкий³²⁵. Ходили головокружительные слухи о похождениях Лисовского у берегов Ледовитого океана и в самой Сибири. Позднее один из лисовчиков, Ярош Клечковский, уверял своих доверчивых слушателей, будто они несколько дней двигались вдоль берега, а затем ступили на лёд, чтобы пересечь море, однако льдины стали трескаться и с грохотом сталкиваться между собой, заглушая человеческие голоса: «и лишь Господь Бог к удивлению нашему нас на берег вынес. И тогда снова к столице московитской направились мы»³²⁶.

Несмотря на победные репортажи, рейд не стал для лисовчиков увеселительной прогулкой. Многие из них пали в боях, умерли от ран, стали жертвой зимней стужи, попали в плен, а иные просто перебежали к противнику. Начав поход во главе 430 человек, увеличив в Карачеве свои силы примерно до 1500, Лисовский уже в Даниловской слободе имел под своим началом всего 850 всадников, а по пути к литовскому рубежу потери ранеными, убитыми и дезертирами должны были составить, по меньшей мере, около 200 человек. Таким образом, из рейда вместе с полковником вернулось, вероятно, примерно 600-650 лисовчиков. Наибольшие потери полк понёс в битвах под Орлом и на Пчельне. Однако успешное завершение рейда затмевало цену, которую пришлось за это заплатить.

Удачное возвращение из долгого и трудного похода принесло Лисовскому громкую славу. Имя его было у всех на устах. Король Сигизмунд III в письме Льву Сапеге 31 декабря 1615 г. заявлял, что «Лисовского отвага и доблесть ... равно как похвалы, так и моего любезного на заслуги его взора достойна». А послы сеймика в Слониме 13 марта 1616 г. призывали обратить особое внимание на «пана Ал. Юзефа Лисовского, который, не беря денег, а лишь из любви к Его Королевскому Величеству и к Отчизне, коштом и промыслом собственным целый год в земле неприятельской доблестно провёл, битвы счастливые с вождями войск неприятельских проводил и выигрывал»³²⁷.

Несмотря на успех, с каким вернулись хоругви Лисовского, никакой особой награды им не досталось. Гетман Ходкевич сообщает о выделении лисов-

чиками 10 000 злотых, но в пересчёте на одного солдата это составляет не более обычного месячного жалованья. Как обычно, войска кормили себя за счёт грабежа, только теперь жертвами его становились не «московские люди», а собственные соотечественники. Сохранилась жалоба одного из пострадавших, Станислава Липницкого. В апреле 1616 г. он писал Ходкевичу, что «хоругви ясномилоствивого пана Лисовского ... на двор наехавши ... хуже татар грабёж учинили»³²⁸.

В это самое время сам полковник выехал в Варшаву на Сейм, который работал там 26 апреля — 7 июня 1616 г. Вероятно, он просил там о вознаграждении за воинские труды, как самого себя, так и своих солдат. Было внесено предложение о выделении 20 000 злотых на жалование войскам в Смоленске, однако оно не было утверждено. Зато Сейм одобрил предложение о походе королевича Владислава на Москву. Спустя месяц, 16 июля, гетман Ходкевич в своей ставке в Ляховичах огласил универсал, приказывающий Лисовскому принять участие в походе королевича³²⁹.

На ближайшие месяцы полковник и его люди оказались полностью поглощены заботами о подготовке к новому предприятию — пополняли свои ряды, запасали снаряжение, добивались денег. Под знамёна Лисовского стекались, как сообщает Казимир Тышковский, «вооружённые толпы не только польских авантюристов, но и казаков разного рода. Даже регулярные роты польского войска после роспуска их под Смоленском желали идти под команду удачливого вождя». Впрочем, собственно поляков в рядах лисовчиков, как и прежде, было немного. «Донцов и москвы меж ними сила», — пишет 26 апреля 1616 г. из-под Смоленска гетману Ходкевичу Анджей Скорульский. Дело дошло до того, что солдатам Смоленского гарнизона было прямо запрещено выезжать из укреплений верхом и в полном вооружении — командование боялось массового перехода их в ряды лисовчиков³³⁰.

Как обычно, не обходилось без неприятностей. Полк Лисовского продолжал сохранять свой добровольческий характер и солдаты не получали казённого жалованья. Поэтому на исходе августа «рыцарство» выслало к гетману Ход-

кевичу посольство во главе с ротмистром Петром Копачевским, требуя уравнять их с другими частями королевской армии. На это гетман отвечал жёстким письмом от 4 сентября, в котором заявлял, что «не без великого удивления пришлось читать мне послание милостивых панов» и напоминал, что «о поступках ваших милостей мне известно, ибо множество жалоб на грабежи ваших милостей ко мне поступает, но терпел оные ради того, чтобы вы при пане полковнике своём лучше Речи Посполитой послужить могли». В заключении гетман напоминал лисовчикам, что может и разогнать их вовсе, ибо «слуг таких непотребных Отчизна сносить не может»³³¹.

Помимо жалоб на своеволие лисовчиков, в начале сентября Ходкевичу через Кроцкого, поручика хоругви Лисовского, поступила жалоба — на сей раз от них самих, где говорилось о «жестоком убиении нескольких товарищей и пахоликов» во время пребывания их в Чечерске — вероятно, здесь грабители получили, наконец, отпор³³².

Как бы то ни было, но 11 (21) сентября 1616 г. полк вновь переправился на восточный берег Днепра близ Гомия и был готов к новому набегу: «Приде подь Смоленескъ Гашевской съ Литовскими людьми и поставиша острогъ близъ Смоленского острогу, гдѣ сидят Московскіе воеводы, а на Сѣверу посла Лисовскаго съ своимъ полкомъ. Лисовской же пойде в Московское государство, похваляся»³³³. Однако похвалялся полковник прежде времени — возглавить этот поход пришлось уже другому человеку. Объезжая ряды своих солдат, Александр Лисовский внезапно замертво рухнул с коня наземь. Как с нескрываемым злорадством сообщает грамота царя Михаила Фёдоровича братии Троице-Сергиевского монастыря, «как будет от Стародуба двадцать верст, и Лисовскому учинилась смерть вскоре, спал с коня и издох». Летописец сообщает об этом почти теми же словами: «приде бо въ Камарицкую волость и внезапно спаде съ коня и свою окоянную душу испроверже»³³⁴. Точную дату смерти полковника сохранили польские документы — 1 (11) октября 1616 г. Делегация его полка сообщила эту скорбную весть гетману Ходкевичу 9 (19) октября³³⁵.

Причина смерти осталась неизвестной. Говорили о сердечном приступе, предполагали даже отравление, вина в том кого-то из местных жителей или жительниц, российских агентов. Но никаких подтверждений ни одна из подобных версий так и не получила. Ходкевич был страшно огорчён полученным известием и говорил, что после этого у него изрядно уменьшились надежды на успех похода королевича. В письме к жене он писал из Ляховичей: «Едва вернулся домой, как весьма недобрые вести с Украины застал. Лисовский, бедняга, умер. Войско назад попятилось и в двух милях от границ стало, куда ныне посылаю, а также и королю весть о том шлю. Сколь удивительно мне смерть того человека все планы смешала и что ныне делать и сам не знаю»³³⁶. Осиротевшим лисовчикам Ходкевич писал 10 (20) октября: «Весть о смерти столь великого и достойного в Речи Посполитой человека, пана полковника ваших милостей, опечалила меня ... деяния его под командованием моим столь крепко между нами дружеский союз учинили, что как при жизни поступки его были мне великою радостью, так и смерть ... великую печаль причинила». Одновременно гетман выражал «милостивому панству и братьям» благодарность за то, что они не только сообщили ему «злосчастную новость», но и сами изъявили готовность ожидать от него дальнейших распоряжений. Относительно лисовчиков у Ходкевича были далеко идущие планы³³⁷.

Смутное время не пощадило род Лисовских. Под Троицей был убит Станислав, под Смоленском погиб Стефан, а Миколай семь лет провёл в русском плену. Удачно пережил все невзгоды только Ян. Пройдя рядом с Александром службу в Инфлянтах, он участвовал вместе со Станиславом в боях против турок и венгров. И, наконец, Юстиниан Лисовский командовал крупным казацким отрядом во время Московского похода королевича Владислава³³⁸. Однако, несмотря на богатый послужной список, никому из них не суждено было достичь известности и славы своего брата.

Поляк-протестант, большую часть жизни проведший за пределами Речи Посполитой, неуловимый наездник, выходивший сухим из воды после самых сокрушительных поражений, — Александр Юзеф Лисовский был подлинным

героем своего времени — эпохи великой Смуты. Не будь её, он так и оставался бы никому неизвестным шляхтичем, рядовым участником мелких склок и неудачных бунтов. Но, оседлав огненную волну Смуты, он оказался вознесён ею на небывалую высоту, заняв видное место на страницах истории. И умер он именно тогда, когда волна эта пошла на убыль и нужда в подобных героях отпала.

Александр Юзеф Лисовский скончался. Однако его детище, созданный им полк, гордо носивший имя своего основателя, надолго пережил своего полковника, сохранив и приумножив страшную славу, приобретённую при его жизни.

Лисовчики без Лисовского: «Северский поход»

Несмотря на внезапную смерть полковника, запланированное вторжение лисовчиков в российские пределы всё же состоялось. Для московских воевод оно не стало неожиданностью. Стычки на пограничье не прекращались ни на день. Начало новой войны означало для порубежья лишь продолжение давно уже ставших привычными взаимных набегов. Ход военных действий в ходе нового рейда можно проследить, сопоставляя русские и польские источники. В обоих случаях в них старательно фиксируются и малейшие собственные успехи, но крайне скупо упоминается даже о крупных неудачах.

Существуют и разногласия относительно того, кто же командовал лисовчиками в этом рейде. Согласно польской стороне, гетман Ян Кароль Ходкевич первоначально прочил на этот пост ротмистра казацкой хоругви Миколая Руцкого. Однако лисовчики отнеслись к этому без особого энтузиазма и вскоре командование ими принимает хорунжий литовский Кшиштоф Ходкевич³³⁹. Русские военные донесения называют в качестве неприятельского командира полковника Родкевича (пана Радкевича, Раткевича или Раткеевича). Не исключено, что под этим именем в русских документах подразумевается сам Ходкевич. Это вполне возможно, тем более, что и в польских документах это имя писалось по-разному: Chodkiewicz, Kotkiewicz. «Новый летописец» описывает смену коман-

дования среди лисовчиков следующим образом: «литовскіе жъ люди выбраша въ ево (Лисовского) мѣсто въ полковники рохмистра Раткѣевича и поидоша назадъ подь Смоленескъ. И недоходя Смоленеска тово Раткѣевича убиша и выбраша въ полковники пана Чеплинского»³⁴⁰.

При сравнении этих сведений с польскими источниками выясняется, что события конца 1616 — начала 1617 гг. совершенно прошли мимо внимания летописца. Кшиштоф Ходкевич (Раткеевич?) командовал лисовчиками и в конце 1616 г., и в марте 1617 г., когда они действительно получили приказ гетмана прибыть под Смоленск. Но пришли они туда в мае 1617 г. уже под командованием Станислава Чаплинского (Чапиньского)³⁴¹. Исходя из этого, можно предположить, что мятеж, повлёкший гибель «Раткеевича», произошёл примерно в апреле 1617 г. Причиной тому могли послужить разногласия, возникшие между полковником и его подчинёнными в ходе рейда по российской территории. Однако данное предположение вступает в противоречие с фактами биографии самого Кшиштофа Ходкевича. Великий хорунжий литовский благополучно пережил 1617 г., с марта 1623 г. он занимает пост конюшего литовского, в 1633 г. становится каштеляном троцким, в 1636 г. — каштеляном виленским, в 1642 г. — виленским воеводой и умирает 3 октября 1652 г.³⁴² Таким образом, он никак не может являться «Раткевичем», погибшим во время солдатского бунта. Возможно, что сведения автора «Нового летописца» оказались неточны и волнения при смене командования в полку обошлись без кровопролития.

Вторжение началось на исходе октября 1616 г., когда российские источники фиксируют первые столкновения с «литовскими людьми» под Стародубом — известие об удачной стычке доставил в Москву 28 октября (6 ноября) Константин Стрмоухов, посланный от новгород-северского воеводы Фёдора Волынского. Согласно этому донесению, сам Стрмоухов и с ним атаман Резвой, под началом коего состояли «изо всех станиц лутчие люди», разбил отряд неприятеля в пяти верстах от Стародуба, захватив пленников и преследуя беглецов — «и топтали литовских людей 8 вёрст»³⁴³. Вскоре от Волынского при-

ходит весть о новой схватке с «литовскими людьми», но теперь уже под деревней Сугатевою Трубчевского уезда — отряд Ивана Стромоеухова одержал победу над литвинами и захватил в плен «старшину их шляхтича Томаша Берестецкова». К середине ноября «литовские люди» обнаруживаются уже под Карачевом, где «полковник Раткеевич» неудачно штурмует городской острог. Карачевский воевода Иван Ловчиков сумел «отсидеться» от неприятеля и лисовчики, «отшод от Карачева с полверсты, стояли до полудня и отошли в Сомовскую волость»³⁴⁴. Направление движения вражеских сил прослеживается по этим донесениям вполне определённо. Мелкие стычки, которые происходят по пути, ничуть не препятствуют лисовчикам продвигаться вперёд, разоряя округу тех городов, с воеводами которых им приходится иметь дело. О дальнейших событиях русская «Книга сеунчей» молчит вплоть до происшествий конца декабря. Это неудивительно. Именно к этому периоду относятся наиболее удачные действия неприятеля.

«По Стародубским вестем» 7 (17) ноября навстречу лисовчикам было приказано выступить мценским воеводам стольнику князю Василию Ивановичу Туренину и Дмитрию Фёдоровичу Скуратову, новосильским воеводам Михаилу Самсоновичу Дмитриеву и Ивану Ивановичу Чичерину. Для совместного противостояния врагу их силы должны были объединиться в Болхове. Общая численность русской рати составляла 4559 человек (часть из этих войск была оставлена в гарнизонах Мценска и Новосилиа на случай осады)³⁴⁵. Численность неприятеля была, судя по всему, вполовину меньше. Готовясь к походу и составляя платёжные ведомости, ещё сам Лисовский считал в своём полку не более 1500 человек. Если даже к нему позднее присоединились другие подразделения, то вряд ли общее число отряда превысило при этом 2000—2500 человек.

Воеводам было предписано немедленно выслать разведчиков в расположение литовских людей, «чтоб над ними поиск учинить и языков бы добрых добыть». Захваченных «языков» следовало допрашивать и «пытать накрепко», добываясь сведений о том, «сколько их пришло в Северские города конных и пеших, и в которых местех а какими обычаи стоять, и куды походу их

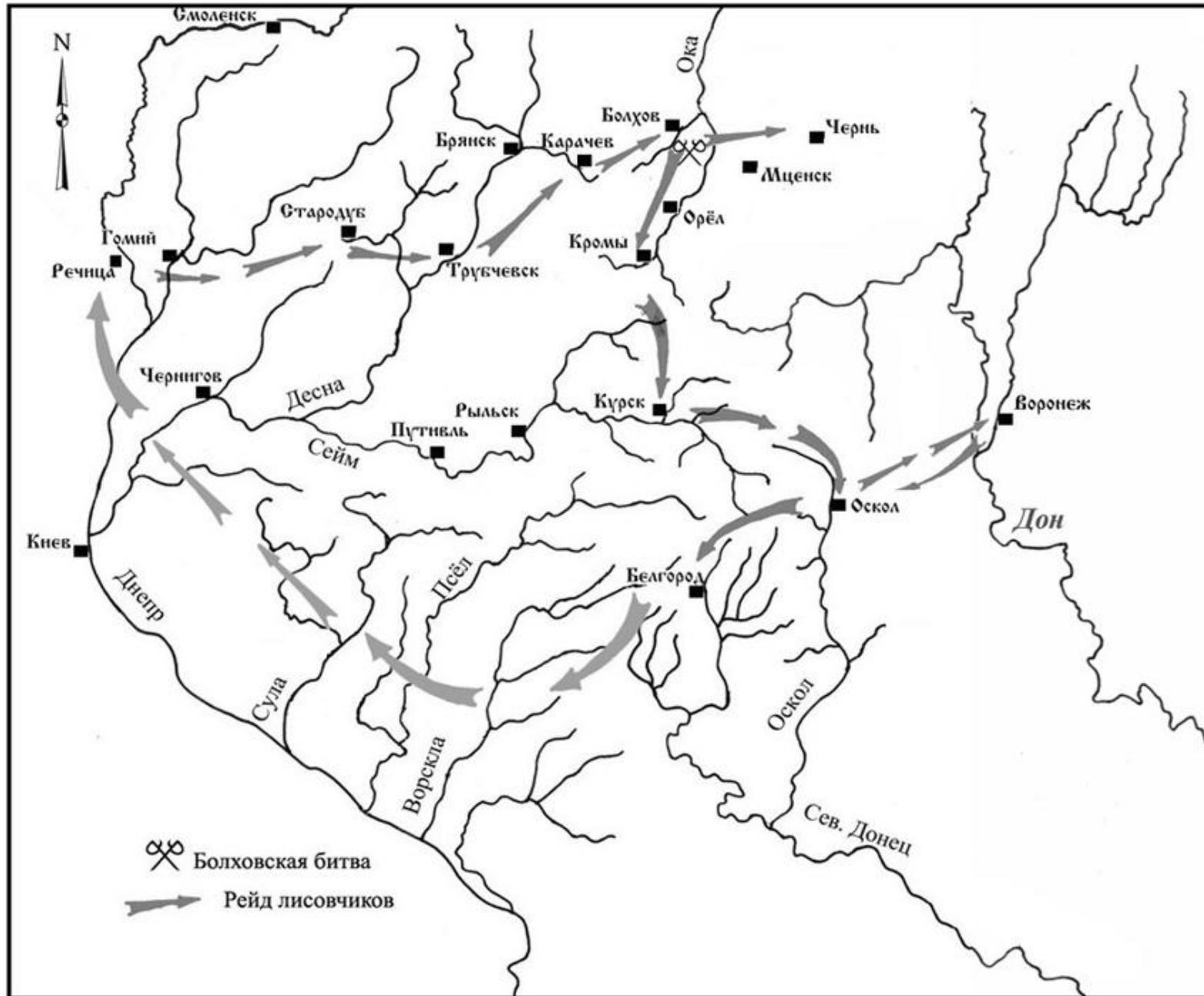

Схема 7. Рейд лисовчиков в 1616-1617 гг.

чаять, и нечаять ли к ним из Литвы прибыльных Литовских людей». Полученные сведения следовало спешно доставить в Москву³⁴⁶.

Князь В.И. Туренин не смог по болезни принять участие в походе и ему было позволено отъехать в Москву. Командование «Северским походом» осталось в руках Д.Ф. Скуратова, М.С. Дмитриева и И.И. Чичерина. Между тем, тульский воевода князь Фёдор Семёнович Куракин 25 ноября (5 декабря) 1616 г. сообщил, что неприятель подступил к Черни. Из донесения, правда, оставались неясными силы и дальнейшие намерения лисовчиков. То ли мимо Болхова и Мценска проскользнул лишь передовой отряд «литовских людей», то ли сюда проникло всё воинство Ходкевича. Лисовчики могли начать разорять окрестности — Мценские, Одоевские, Черньские и Новосильские места, но также могли двинуться в сторону Тулы, Каширы или Рязани, а могли повернуть и на Северщину. Поэтому всем воеводам немедленно были разосланы приказания «промышлять над Литовскими людьми», если те появятся на территории их уездов. В случае, если «Литовские люди пойдут х Кромам или х Курску или в Северские городы», борьбу с ними должны были возглавить М.С. Дмитриев и Д.Ф. Скуратов, «ссылаясь с Северских городов с воеводами».

Двигаясь от Стародуба к Трубчевску, а затем к Карачеву и Черни, лисовчики, наконец, в начале декабря выходят к Болхову. Тут, наконец, и происходит их сражение с московской ратью. Несмотря на долгие приготовления воевод, битва оказалась для них крайне неудачной. Их рать была разгромлена, а сам М.С. Дмитриев погиб в бою. Подробности сражения, к сожалению, остаются неизвестными.

После этого поражения в помощь Д.Ф. Скуратову был прислан князь Иван Фёдорович Хованский с новыми силами (наказ воеводам датирован 20 (30) декабря). Численность рати «Северского похода» достигла теперь 6712 человек, включая крупные отряды из Путивля и Курска³⁴⁷. Помимо того, на сход с Хованским и Скуратовым должны были явиться елецкий воевода стольник князь Василий Григорьевич Ромодановский и ливенский воевода Тимофей Васильевич Измайлов.

Между тем, «литовские люди», пововав Кромские и Карачевские места, а также перехватив обоз с продовольствием, направлявшийся к Вязьме, двинулись на юг в сторону Курска. Воеводы следовали за ними, не решаясь, однако, вступить в бой.

Лисовчики под командованием «пана Родкевича» появились на берегах реки Моквы под Курском «на Филиппов пост», в середине декабря 1616 г. Курский воевода И.В. Волынский послал против них стрелецкого голову Левонтия Жердина, который успешно атаковал неприятеля и захватил двух пленников. Весть об этом пришла в Москву 20 (30) декабря, а уже на другой день из Курска прибыл новый сеунщик. Оказалось, что победа на Мокве отнюдь не имела такого значения, как хотел представить воевода. Буквально сразу после этого боя, литвины подступили к самому Курску и штурмовали острог. Воевода вывел своих ратников на вылазку, в ходе которой «литовских людей многих побили и из слобод их выбили и языки поимали». Польские источники утверждают, что Ходкевич в ходе своего рейда «спалил Курск» — вероятно, тут имеется в виду разгром посада и слобод, сопровождавшийся пожарами³⁴⁸. В битве за Курск, в сражении за слободы особенно отличился Григорий Маслов. В награду за эти подвиги ему была оказана честь стать сеунщиком — вестником победы. Он отвёз известие о поражении врага в Москву и за то получил от царя «пять рублей да четыре аршина сукна доброго»³⁴⁹.

Но и после сражения у стен Курска противник, отойдя от города, расположился лагерем всего в восьми верстах от него, опустошая окрестности. За время своего рейда «пан Родкевич» успел нанести Курскому уезду весьма серьёзный урон, разорив деревни и сёла. Помимо прочего, им было захвачено в плен самое большое количество людей за последнее время — 45 человек³⁵⁰.

Было похоже, что «литовские люди» не торопились покинуть окрестностей города. В конце января 1617 г. над Курском вновь нависла опасность. Подойдя к городу, «литовские люди» хотели расположиться на посаде и осадить крепость. Но воевода Иван Волынский «с ратными людьми из острога выходил и с литовскими людьми на посаде бился и литовских людей побили и языки

поимали и от посаду их отбили». Поляки отошли от Курска и стали лагерем в шести верстах от него. Угроза городу, как и после боя на Мокве, оставалась. Имея печальный опыт такого соседства, воевода выслал против неприятельского стана стрелецкого и казацкого голов, которые ночью незаметно подошли к польскому лагерю и атаковали его. Застигнутые врасплох, «литовские люди» были разгромлены наголову. Отличившийся в боях Тарас Чеплыгин был послан в Москву с сеунчем³⁵¹.

Вслед за этой победой Иван Волынский переходит в контрнаступление, желая полностью очистить Курский уезд от неприятеля. С этой целью он отправляет в поход отряд во главе с Кондратом Шумаковым. В 30 верстах от Курска, на речке Хон, Шумаков наносит новое поражение «литовским людям», захватив в ходе боя 12 пленников. В награду за этот подвиг его посылают сеунщиком в Москву — доставить царю весть о победе (сеунч). Он прибыл в столицу 5 февраля и за добрую весть поучил «5 рублей да сукна доброво у казны 4 аршина без чети по 2 рубли по 16 алтын 4 деньги»³⁵².

Приближение войск Хованского и Скуратова вынудило «литовских людей» покинуть округу Курска. Выбитые со своего стана на речке Хон, они стремительно ринулись на Оскол и в первых числах февраля 1617 г. взяли его изгоном. Главную роль в погроме Оскола сыграли запорожцы знаменитого полковника Пырского, вероятно примкнувшие к лисовчикам где-то в ходе их похода. Город и уезд понёс тогда тяжёлые потери — убито и пленено было не менее 458 человек³⁵³. Подробности этого погрома не сохранились. Известно лишь, что «черкасы пришли к Осколу безвестно тем же обычаем, как х Кафе, и по грехом Оскол взяли таким же обычаем, как учинили над Кафою взяли искрадом город Кафу», — так объясняли падение крепости в Москве думный дьяк Пётр Третьяков в беседе с крымским послом Мехмед-агой 22 февраля (4 марта) 1617 г. Возвращавшийся в это время из Крыма толмач М. Нагаев узнал о катастрофе 9 (19) февраля, когда остановился в Валуйках. Тут ему сообщили, что Оскол захвачен и силы противника всё ещё стоят на его пепелище. Это вынудило Нагаева ехать в Москву обходным путём³⁵⁴.

Согласно данным Разрядных книг, «литовские люди» после разгрома Оскола «пошли к Белугороду» и затем скрылись в степях. Однако, согласно иным сведениям, поступившим в Москву, у них имелись более воинственные замыслы: «а взяв Оскол, подбегали под одну ночь под Воронеж, а хотели так же изгоном и искрадом над Воронежем учинить, как и над Осколом. И милосердный бог на то их не допустил, а царского величества воронежский воевода с воронежцы и иных украинских городов с людьми от чех черкас поостерегличь и над ними над самими поиск учинили, от города отбили и прогнали, и многих побили, а иных живых поимали»³⁵⁵. Более детально эта история изложена в «Книге сеунчей». Согласно её сведениям, в первой половине февраля около 5000 «литовских людей и черкас» подступили к стенам Воронежа и дважды штурмовали его «со всех сторон жестокими приступы с нарядом и с щиты, и с приметом». Однако воронежцы во главе с воеводами князем Василием Пронским и Артемием Лодыгиным штурм отбили, а затем предприняли вылазку, нанеся противнику тяжёлые потери. Защитники города не дали врагу выжечь посад и захватили «языки, и знамёна, и литавры, и зелья в приметах поимали». Вслед за этим Ладыгин атаковал осадный стан неприятеля и обратил черкасов в бегство, преследуя их по Оскольской дороге десять вёрст до самого Дона³⁵⁶.

Таким образом, ситуация вокруг Оскола вполне соответствует давно отработанной лисовчиками тактике. Захватив укреплённый пункт, они превращают его в свою опорную базу, в течение февраля совершая отсюда опустошительные набеги на окрестности. С приближением армии Хованского и Скуратова они оставляют Оскол, выжигают его укрепления и уходят в сторону Белгорода. Возможно, именно неудача под Воронежем и потери на этом этапе похода привели к бунту, о котором упоминает «Новый летописец».

Воевода Хованский только и мог, что послать в погоню за неприятелем голов с сотнями, которые сопровождали Пырского и Ходкевича до самого литовского рубежа, не рискуя, однако, вступать с ними в бой. Северский поход объединённой русской рати закончился. После этого Д.Ф. Скуратов остался

восстанавливать Оскольский острог, а И.Ф. Хованский из Курска вернулся в Тулу³⁵⁷.

Таким образом, даже лишившись своего знаменитого предводителя, лисовчики, пусть и в несколько меньших масштабах, но смогли в течение ноября–декабря 1616 г. повторить его рейд по «московским пределам». В ходе набега они сумели нанести поражение русским войскам в полевом сражении, разорить ряд уездов, разгромить предместья нескольких городов (в том числе и Курска), а также уничтожить одну из российских порубежных крепостей. Действия российских воевод, как и в 1615 г., отличаются крайней пассивностью. Имея численный перевес над силами противника, они, тем не менее, упорно избегают прямых столкновений с ним, ограничиваясь преимущественно обороной крепостей. На протяжении всего Северского похода инициатива неизменно находится в руках лисовчиков. Для российских войск Северский поход, после Болховского поражения, превратился в медленное и осторожное следование за неприятелем, без малейших попыток серьёзно помешать его действиям. Это резко контрастирует с активными и агрессивными действиями российских служилых людей, совершавших в то же время набеги на «литовские земли».

Дальнейший маршрут польско-казацких сил по русским источникам не прослеживается. Вероятно, удалившись от Белгорода, войска разделились: казаки Пырского вернулись на Запорожье, а лисовчики двинулись к Речице, куда прибыли в марте 1617 г.

Лисовчики без Лисовского: Московский поход

После возвращения из второго глубокого рейда по «московским землям» в полку лисовчиков произошла очередная смена командования. Кандидатом на должность полковника стал Януш Кишка — опытный солдат и выходец из знатного литовского рода, известный также своими тесными связями с покойным Александром Лисовским. Однако, по не вполне ясным причинам, Кишка так и не принял командования и под Смоленск 12 мая 1617 г. полк прибыл под началом Станислава Чаплинского. «Воспитанный в школе Лисовского, он рав-

нялся своему учителю», — так отзывался о новом предводителе лисовчиков современник. Именно к данному периоду относятся первые точные сведения о структуре полка лисовчиков. В его состав входило 10 хоругвей по 100 человек каждая. Две из них, именуемые «красной» и «чёрной», находились под командованием самого полковника, а во главе прочих стояли Пётр Копачевский, Корсак, Лисовский, Моленицкий, Мрозовицкий, Плецкий и Валенты Рогавский. Десятой, казацкой хоругвью, насчитывавшей 86 человек, командовал ротмистр Свидницкий³⁵⁸.

В это время, стремясь облегчить положение осаждённого Смоленска, войска старосты велижского Александра Гонсевского «поиде мимо острогъ Московскихъ воеводъ; и поставиша острогъ на Московской дорогѣ въ Твердилицехъ ... и тѣсноту здѣлаша великую под Смоленскомъ». Таким образом, пути снабжения осадной русской армии оказались перерезаны³⁵⁹. Обеспокоенное положением войск под Смоленском, правительство Михаила Фёдоровича «слышевь тѣсноту подь Смоленскомъ ратнымъ людемъ и посла въ Дорогобужь боярина князя Юрья Яньшѣевича Сулешева да князь Семёна Васильевича Прозоровского да князь Никиту Петровича Борятинского да дьяка Ивана Грязева, а съ ними посла государь многую рать». Армия князя Ю.Я. Сулешева остановилась в Дорогобуже и отсюда «послаша острогъ поставити на Славужь»³⁶⁰.

Прибыв под Смоленск и соединившись с отрядами Александра Гонсевского, лисовчики подступили к русским осадным острожкам, где находились войска под командованием воевод Михаила Матвеевича Бутурлина и Исака Семёновича Погожего. Один из них, наиболее крупный, был, согласно польским описаниям, обнесён валом, частоколом и даже имел угловые башни. На протяжении двух дней, 3 (13) и 4 (14) мая, под стенами его шли мелкие стычки и схватки поединщиков, а 5 (15) мая лисовчики стали готовиться к штурму. Напор поляков оказался слишком силён для гарнизона и в ночь на 7 (17) мая русские войска скрытно покинули укрепления, уйдя в сторону Белой. Острожек

на Славуже постигла более печальная участь: «Литовскіе жъ люди придоша и острожекъ взяша, воевод и ратныхъ людей всѣхъ поимаша»³⁶¹.

Воодушевлённые достигнутыми успехами, лисовчики этим не ограничились и 14 (24) мая появились под Дорогобужем: «придоша к Гашевскому Лисовщики. Гашевской же собрался съ всѣми Литовскими людьми ... и придоша къ Дорогобужу внезапно и стада конскія многія отгониша, едва можаху съ ними противитися». Однако тут после первых успехов лисовчики потерпели полное поражение. Все владельцы угнанных лошадей «выидоша изъ города» и ринулись на врагов. Воевода князь Ю.Я. Сулешев писал: «приходили под Дорогобуж полковник Чаплинской, а с ним польские и литовские люди и черкасы, и с теми людьми был бой и ... польских и литовских людей и черкас побили наголову и языки многие, и знамёна и литавры, и трубки поимали, а взяли в языцех литовских людей 240 человек». Лисовчики были обращены в бегство и победители воодушевлённо «топтали тѣх Литовскихъ людей разными дорогами за рѣку за Ужу, от Дорогобужа двадцать верстъ». В жарком бою голова смоленской сотни Григорий Киреевский попал в плен, но уже вскоре «ево у литовских людей отбили». В награду за проявленную отвагу ему поручили сопровождать в Москву захваченных пленников. В сражении отличился также князь Пётр Романович Барятинский, посланный к царскому двору сеунщиком³⁶².

Польские исследователи (М. Дзедушицкий, Г. Виснер) этого эпизода не упоминают, хотя, вероятно, именно он объясняет отсутствие известий о действиях лисовчиков вплоть до июля 1617 г. Между тем поражение было значительно и в Москве разгрому Чаплинского придавали тогда огромное значение. На победителей неуловимых лисовчиков пролился дождь царских наград. Князю Ю.Я. Сулешеву был пожалован «золотой в 5 золотых угорских», стольнику князю С.В. Прозоровскому — «золотой в полтретья золотых угорских», князю Н.П. Барятинскому — «золотой в два золотых угорских», а дьяку Ивану Грязеву — «золотой угорской». Кроме того, прибывший с царским жалованьем князь Григорий Тюфякин должен был собрать «столниковъ и стряпчихъ и дворянъ

Московскихъ и мурзь, и капитана и жилцовъ, и головъ, и дворянъ и дѣтей боярскихъ розныхъ городовъ», после чего от имени государя «спросити о здоровьѣ, какъ васъ Богъ милуетъ, здорово ли есте на его Царской службе» и вручить им царское жалованье³⁶³.

Гонсевский отступил к своему острогу на Твердилицах, а лисовчики, оправившись от дорогобужского поражения, вскоре вновь выступили в набег: 16 (26) июля 1617 г. «приходили под Вязьму от Чаплинска литовские люди и русские воры и стали от Вязьмы в дву верстах». Воеводы князь Никита Михайлович Мезецкий и Степан Лазаревич Татищев выслали против лисовчиков отряд под командованием Ивана Турского. Сражение вновь оказалось несчастливym для Чаплинского: «литовских людей и русских воров побили наголову и ротмистра Олександра Долгово и трубачея Ивашка Сергеева, а с ними много языков и знамѣна поимали, а в языцах взято литовских людей и русских воров 25 человек»³⁶⁴.

Совершая набеги на российские пределы, лисовчики, верные старым традициям, старались создать себе укрепленную базу на неприятельской территории. Не сумев на сей раз захватить какой-либо городок, они, судя по всему, ограничились тем, что выстроили себе острожек в деревне Дубровских Дорогобужского уезда. Однако российские служилые люди не дали им возможности упрочить позиции: 4 (14) августа острожек был захвачен высланным из Можайска отрядом казаков под командованием атаманов Василия Болдыря и Панкрата Гаврилова. Разгромив лагерь лисовчиков, казаки пленили «Чаплинска полку шляхтича Матюша Любскова с товарищи 6 человек»³⁶⁵.

Таким образом, исходя из сведений «Книги сеунчей», действия лисовчиков под командованием Чаплинского летом 1617 г. ознаменовались целой серией громких провалов, наиболее крупным из которых было дорогобужское поражение. Однако, этот источник, при всей своей ценности, даёт крайне односторонний взгляд на ход военных действий, фиксируя исключительно победные реликвии. Несомненно, наездники Чаплинского, разгуливая по Дорогобужскому уез-

ду и подступая к стенам Вязьмы, тоже одерживали победы, захватывали добычу и пленников. Но, к сожалению, рапорты об этих достижениях донныне остаются неизвестны. Однако тот факт, что полк смог выступить в Московский поход и принял активнейшее участие в ходе военных действий, свидетельствует о том, что дорогобужская кампания в целом сложилась для лисовчиков вполне удачно.

Между тем, в начале августа 1617 г. войска, предназначенные для вторжения в Россию, были стянуты в Могилёв, куда прибыл со своим двором и сам королевич Владислав. В то же самое время гетман Ходкевич обложил Дорогобуж. С прибытием в начале октября под стены города основных сил армии Владислава, «неприятель, уstraшенный слухом, что идет сам королевич, против ожидания сдал крепость». Воевода Иван Адауров даже присягнул на верность «царю Владиславу Жигимонтовичу». Осторожный Ходкевич предлагал зазимовать в Дорогобуже, однако гонцы доставили известие о том, что вяземские воеводы бросили свой город и бежали в Москву. Владислав тотчас приказал выступить и вскоре без боя вошёл в Вязьму. Однако на этом триумфальный марш королевича закончился. Под Можайском его отрядам неожиданно был нанесён ряд жестоких ударов. Армия откатилась обратно к Вязьме и война обернулась новой серией опустошительных рейдов и набегов. Подобная ситуация была просто создана для лисовчиков.

Покинув Вяземский лагерь, Чаплинский «с изумительной быстротою пролетел вдоль и поперек по всей Московии, разнося всюду страх и опустошение». Казалось, вновь повторяется рейд Лисовского. Первым пал Мещовск, где оборонялся воевода Истома Засецкий: «город не хотел сдаться; Чаплинский взял его, а всех жителей истребил; войско заперлось в крепости, он отнял воду; доведённое до крайности, войско предложило сдать крепость со всеми снарядами, если Чаплинский поклянётся, что отпустит их свободно. Зная, как важен этот пункт, Чаплинский согласился, и гонец поскакал к Владиславу с вестью о победе и с пленным воеводою мещовским, комендантом города и крепости». Судя по этим словам, данного воеводе обещания «отпустить свободно»,

Чаплинский не выполнил. Затем лисовчики направились в сторону Козельска. Здешние жители не стали испытывать судьбу: «въ Козельскѣ жъ измѣниша и городъ здаша и королевичю крестъ цѣловаша». После этого Чаплинский, действуя в традициях Лисовского, превратил город в свою опорную базу для дальнейших операций: «въ Козельскѣ сталь и зимовать и ис Козельска ѣздя, многіе города повоева». Серпейский и Мосальский уезды превратились в приставства лисовчиков, откуда они получали теперь продовольствие и фураж³⁶⁶.

После падения Мещовска и Козельска прямая угроза нависла над Калугой. Горожане в страхе направили в Москву специальное посольство и «били челом имянно чтобъ государь послал боярина своего князя Дмитрея Михайловича Пожарскова». Челобитье было удовлетворено и 18 (28) октября 1617 г. легендарный воевода выступил в Калугу, чтобы вновь встретиться в бою со своими старыми противниками.

«Правительство получило возможность удовлетворить одновременно просьбы жителей Калуги и казаков — последним было обещано, что сам Дмитрий Михайлович возглавит войско ..., — оценивает это назначение А.Л. Станиславский, — Князь Пожарский имел к тому времени славу лучшего русского полководца и являлся высшим авторитетом для казачества. После многих конфликтов между правительством и казаками ему предстояло разрядить обстановку, добиться возвращения на службу взбунтовавшихся казаков и с их помощью организовать оборону города»³⁶⁷.

С трудом пройдя в город, окрестности которого уже были наводнены лисовчиками, князь Д.М. Пожарский «устроилъ осаду и посла х казакамъ, которые воровали на Сѣверѣ, чтобы шли въ Калугу, а вины имъ государь отдалъ. Они же тотъ часъ приидоша въ Калугу съ радостію и, живучи въ Калугѣ, ко государю многую службу показали»³⁶⁸. Согласно польским источникам, Пожарский привёл с собой в Калугу 7000 «отборнейшего войска», причём «в числе их было пять тысяч конницы — остаток войска мужественного и опытного гетма-

на Заруцкого. Пожарский, опасаясь, чтобы они не перебежали к Владиславу, роздал им с возможною точностью жалованье, и ввел в крепость, откуда труднее бежать, а наблюдать за ними среди окопов безопаснее и удобнее»³⁶⁹.

Согласно русским источникам, силы князя были скромнее, но казаки действительно занимали среди них видное место. Согласно разрядным записям, вместе с Д.М. Пожарским в поход выступили 20 жильцов и дворян московских. В Калуге их ожидали воевода князь Афанасий Фёдорович Гагарин и дьяк Лука Владиславлев во главе 625 служилых людей разных городов. Затем сюда планировалось стянуть более крупные силы — 4 777 человек, в числе которых находилось 2021 «атамановъ и ясауловъ и казаковъ, которые были за Угрою» и 445 московских и калужских стрельцов³⁷⁰.

Взаимные стычки казаков Пожарского и лисовчиков Чаплинского не утихали всю зиму и всю последующую весну. «Книга сеунчей» содержит перечень наиболее ярких столкновений, победителями в которых оказались русские казаки и служилые люди. Среди наиболее отличившихся были есаул Лаврин Иванов и голова Ждан Кондырев³⁷¹. Соответственно, в сочинении Ст. Кобержицкого повествуется преимущественно об успехах поляков, предпринимавших осенью 1617 г. серьёзные усилия по овладению Калугой:

«В Мещовск отправили сремского воеводу Петра Опалинского с сильным отрядом конницы. Ему приказано было занимать неприятеля частыми набегами, и, снесясь с Чаплинским и лисовчиками, построить укрепления и осадить Пожарского; а если бы он обратился к Москве или к Можайску, то завязать с ним дело, и затруднять отступление. Опалинский не дремал: построил крепостцу при Товаркове (Товарковія), в четырех милях от Калуги, хитростью выманил неприятеля из города, напал на него дружно, многих убил, пятьдесят человек взял в плен, и в том числе родственника князя Пожарского. Успех был бы еще блистательнее, если б *лисовчики*, находившиеся в засаде, не бросились в бой раньше, нежели следовало. Князь Пожарский был вождь осторожный, необыкновенно благоразумный и в ратном деле опытный; будучи одним из главных виновников первого восстания русских, он воевал постоянно. Нападения Опа-

линского князь Пожарский отражал смело, и не раз выходил из боя победителем»³⁷².

Скромнее оценил результаты битвы русский летописец: «Приде жь из Вязьмы полковникъ Опалинской и ста в Таварковъ ... Къ нему жь ис Козельска полковникъ Чеплинской приде подь Калугу. Бояринь же князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской съ товарищи съ ратными людьми выйде противъ ихъ за Лаврентьевской монастырь и бысть бой черезъ весь день; съ обоихъ сторонъ не мало людей побиша и разыдошася»³⁷³.

Спустя десять дней Опалинский и Чаплинский попытались захватить город внезапным ночным нападением: «придоша ноцію подь Калугу, хотѣша украсти Калугу. У боярина же быша караулы и заставы крѣпкіе и пустиша ихъ в надолобы. И вышед изъ города, многихъ Литовскихъ людей побиша и отъ города отбиша прочь»³⁷⁴. В изложении Ст. Кобержицкого этот эпизод выглядит совершенно иначе: «Опалинский с лисовчиками и со своим войском внезапно бросился к Калуге, зажѣг город, а устрашенный неприятель не посмел выйти на встречу»³⁷⁵.

Не ограничиваясь обороной Калуги, Д.М. Пожарский повёл наступление на оплот Чаплинского и Опалинского в Товаркове. С этой целью он выслал отряд в 800 человек конницы и 400 пехоты, чтобы выстроить острожек на подступах к Товаркову между Боровском и Калугой: «бояринь же ... посла на Горки Романа Бегичева съ ратными людьми и повелѣ имъ поставити острогъ. Литовскіе же люди придоша, не хотяху дати острогу ставити»³⁷⁶. Опалинский выслал против отряда Бегичева конные отряды под командованием Денгофа и Рамульта, но «судьба благоприятствовала русским: Нововейский и одиннадцать человек из отряда Денгофа были убиты, Хелмский и Касмерский были изранены; поляки, потеряв лошадей, дали тыл, нисколько не помешав работе русских. По первой вести Опалинский прискакал на помощь, но было уже поздно. Это поражение поляков, казалось, вознаградил Рамульд, убив вскоре после того почти двести русских, которых Пожарский отправил под командой известного

наездника Печонки (Piechonki), на рекогносцировку; но когда уже победа клонилась на сторону поляков, сам Рамульт, отличный кавалерийский начальник, пал от руки стрельца, к горести и Опалинского и всего войска»³⁷⁷.

В конечном итоге князь Дмитрий Михайлович добился своей цели: «Пожарский послал отряд к укреплению при Товаркове, устроенному для охранения провианта, и защищаемому людьми Опалинского. Три дня русские нападали; наконец укрепление взяли и сожгли. Защищавшие понесли большой урон, но и русские не обошлись без потерь»³⁷⁸. Трудно сказать, когда произошло описанное Кобержицким сражение, поскольку острог в Товаркове, откуда выходят в набеги «литовские люди», продолжает упоминаться в «Книге сеунчей» вплоть до мая 1618 г., когда лисовчики сами покинули укрепление, уйдя в Вязму на соединение с главной армией королевича. Вероятно, тут описывается уничтожение не главной базы Чаплинского и Опалинского, а одного из меньших опорных пунктов. Именно так описывает окончание противостояния автор «Нового летописца»: «Бояринъ же посылалъ подъ Товарково многіе послышки, и многую тѣсноту Опалинскому учиниша, многихъ побиваху и языки многіе имаху. Опалинской же, видя тѣсноту, отойде не съ великими людьми въ Вязму»³⁷⁹.

Имея в своём распоряжении надёжную базу, опытные и верные войска, а также располагая временем для развёртывания своих неспешных операций, князь Дмитрий Михайлович в конечном счёте переиграл своего пылкого противника, не дав Чаплинскому добиться намеченной цели. Калуга осталась неприступной, а зимовка у лисовчиков выдалась крайне беспокойной.

Не ограничиваясь действиями вокруг Калуги, лисовчики предпринимали и более дальние рейды, опустошая окрестности и даже пытаясь овладеть новыми городами: «Опалинской же стоя тутъ и послаша въ Оболенскія и въ Серпуховскія мѣста войною». Так 5 (15) марта 1618 г. «приходили под Одоев ис Козельска литовские люди ротмистр Свидницкой». Одоевский воевода Путила Резанов возглавил вылазку и в сражении отразил лисовчиков, причём сам рот-

мистр Свидницкий был ранен в бою. В плен одоевцы взяли трёх шляхтичей и «рускова человека ржевитина сына боярского Володимера Врасковского»³⁸⁰. В начале июня 1618 г. «приходили к Белёву ис-под Одоева полковник Чаплинской с литовскими людми и Белёвский уезд воевали, сёла и деревни жгли». Белёвские служилые люди сражались с лисовчиками и, по уверению своих воевод, «литовских людей многих побили и языки поимали»³⁸¹.

Помимо Одоева и Белёва имеются упоминания о появлении «литовских людей» под Мценском, Болховом, Медынью, Крапивной. Это не обязательно были именно люди из полка Чаплинского. Признавая, что «особенно отличались в набегах лисовчики под начальством Чаплинского», Станислав Кобержицкий говорит также и о действиях иных подобных наездников. Среди них он называет неких Соколовского и Якушевского, «командовавших легко-конными отрядами, которые часто побеждали неприятеля», а также упоминает, что и «другие отряды также храбро сражались с русскими, мстившими за убийство своих соотчичей и опустошение страны»³⁸².

Летом 1618 г. лисовчикам стало нелегко держаться и на своей зимней базе в Козельске. Болховский воевода Степан Лазаревич Татищев, собравшись с силами, 20 (30) июня выслал «под Козельск и на Чеплинсково таборы голову Игнатя Кривцова, а с ним болхович и корачевцов дворян и детей боярских». В ходе битвы, разыгравшейся 21 июня (1 июля) ратники Кривцова «Чеплинского таборы взяли и литовских людей и русских воров многих побили и в город втоптали, и таборы выжгли, и к городу приступали, и на приступе и на вылоске многих литовских людей и русских воров побили»³⁸³.

В это время под Болховом появился Юстиниан Лисовский. Ещё 6 (16) мая 1618 г. в ставку королевича прибыл некий казак Шкода, который сообщил, что по направлению к Калуге идут 4000 казаков под командованием младшего брата знаменитого полковника³⁸⁴. Казаки двигались с турецкой границы вместе с войсками Мартина Казановского. По пути они взяли Стародуб и осадили Болхов. Казановский дважды неудачно штурмовал город 8 (18) и 11 (21) июня, после чего ушёл по Козельской дороге на соединение с главными силами короле-

вича. Двигавшийся вслед за ним Ян Лисовский также пытался овладеть Болховым. Однако здесь ему повезло не больше, чем в своё время старшему брату. Воевода С.Л. Татищев сообщает, что 4 (14) июля «приходили под Болхов литовские люди, полковник Устинко Лисовской да Ивашка Шеверда ... и, слезчи с лошадей и разделяясь, приступали к Болхову всеми людьми жестокими приступы в девяти местах, и бились об остроге съёмным ручным боем по всю ночь». Штурм удалось отразить, однако в тот же день «за пять часов до вечера» Лисовский снова повёл своих казаков на приступ. Жестокий бой кипел «до последнего часу дни», но Болхов вновь устоял. Следующий приступ был предпринят в третьем часу ночи 5 (15) июля и на сей раз казаки потерпели решительное поражение. В плен попал атаман Шеверда, а «литовских людей многих побили и языки поимали и переранили ... и знамёна поимали и знаменщика убили»³⁸⁵. Оставив в покое упрямый Болхов, Лисовский увёл своих казаков в лагерь королевича.

Между тем основные силы польского войска выступили из Вязьмы. В первых числах июля в Кременске к нему присоединились полки Чаплинского, Опалинского и Казановского. Получив подкрепления, Владислав направился к Можайску, где развернулись ожесточённые бои, но все попытки захватить город оказались неудачны. Лисовчики в этот период по приказу Ходкевича, «на 20 миль и больше окрест разъезжая, днём и ночью запасы неустанно собирали»³⁸⁶. Наконец, в сентябре решено было снять бесплодную осаду и двигаться прямо на Москву. В пути к Владиславу прибыли послы запорожского гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, известив о приближении 20-тысячной казачьей армии. В Тушино запорожцы присоединились к войскам королевича.

Действия лисовчиков за этот период документированы слабо, однако есть все основания полагать, что они вовсе не пребывали в бездействии, а вели обычную для себя войну, состоящую из внезапных набегов и засад.

В ночь на понедельник 6 (16) сентября Чаплинский внезапно появился под Переяславлем-Залесским «и к городу приступал; и стоял под городом ... 8 ден и, одшев от Переславля, Чаплинской с товарищи стоял в Переславском

уезде в селе в Сваткове»³⁸⁷. Вслед за этим, возвращаясь к основным силам королевича, 24 сентября (4 октября), лисовчики подступили к Троице-Сергиеву монастырю. Однако здесь они оказались не более удачливы, чем в своё время сам Лисовский: жители посада и монастырские слуги отразили врага и выбили его из Стрелецкой слободы. Отступая, Чаплинский выжег село Клементьевское и слободы за прудом.

В стан королевича Чаплинский вернулся весьма вовремя: в ночь на 1 (11) октября поляками был предпринят штурм Москвы. Лисовчиков назначили в резерв для атаки Арбатских ворот. Однако штурм окончился полной неудачей и Чаплинскому, похоже, даже не пришлось принять участие в сражении³⁸⁸.

Неудачный штурм повлёк за собой возобновление переговоров, которые затянулись почти на месяц. Именно в это время и оборвалась жизнь Станислава Чаплинского: в октябре, совершая набеги в угодьях Троице-Сергиева монастыря, он столкнулся на Вохне с отрядом монастырских слуг и был ими убит. Известие об этом вызвало глубокую скорбь в польском стане³⁸⁹. Согласно же польским источникам, Чаплинский погиб в ноябре, когда Ходкевич выслал лисовчиков и запорожцев «для опустошения всех над Окой и далее краёв лежащих, где Коломна, Переяславль-Резанский, старая Рязань и иные, не тронутые ещё войною со времён Лисовского места находились». Чаплинский двигался, сметая всё на своём пути: «исчезали в огне деревни и сёла, дворы боярские, утрашённые жители бежали в леса и дебри и долго потом ещё не возвращались на пепелища домов своих. Не было ... в полях селения, а в селении, если таковое случаем каким уцелело, никакого живого духа. Сёла и городки обратились в пустыню и процветающий край замертво трупом лёг». Погиб же Чаплинский «подступивши под замок верного боярина, будучи скрытно мушкетным выстрелом сражён, рухнул с коня на глазах товарищей своих»³⁹⁰.

Место погибшего занял, по словам М. Дзедушицкого, другой ветеран лисовчиков — ротмистр Валенты Рогавский. Однако, согласно документально обоснованным сведениям Г. Виснера, преемником Чаплинского стал Пётр Копачевский, который именовал себя «полковником Его Королевского Величе-

ства» уже в письме на имя архиепископа Гнёзненского, отправленном из Гавриловской Слободы 24 октября 1618 г.³⁹¹ Таким образом, скорее всего, Станислав Чаплинский был убит в период между 1 (11) и 14 (24) октября 1618 г. Выбор же Копачевского представляется отнюдь не случайным: первый в списке ротмистров, недаром именно он ещё в 1616 г. выступал представителем «рыцарства» на переговорах с Ходкевичем.

Между тем, отступив от стен Москвы, Владислав направился к Троице-Сергиевому монастырю, безуспешно попытался его взять, а затем стал лагерем в 12 верстах от него в деревне Рогачёвой. В располагавшейся неподалёку деревне Деулино и было 1 (11) декабря 1618 г. заключено перемирие, положившее конец войне.

Завершение войны не закончило истории лисовчиков. Ещё крепче сплотившийся в ходе боёв под Калугой и летне-осенних набегов 1618 г., полк сохранил себя, упрочил сложившиеся внутри него традиции и вскоре с блеском проявил свои как лучшие, так и худшие качества уже на полях европейских сражений.

***

После окончания похода Владислава лисовчики более не участвовали в военных действиях на территории России, однако именно здесь, в ходе событий Смутного времени, сложились и устоялись те традиции и характерные особенности, которые отличали этот полк от других частей армии Речи Посполитой.

Полк Лисовского на протяжении всех этих лет не имел постоянного и неизменного состава. Костяком его изначально являлись украинские казаки, прибывшие вместе с Лисовским в лагерь Лжедмитрия II. Затем, вплоть до конца 1610 г., большую часть полчан составляли русские «воровские люди». В ходе действий под Псковом, особенно после ссоры с Просовецким, Лисовский значительно пополнил ряды полка за счёт вначале иностранных наёмников (англичан, шотландцев, ирландцев), а затем «польских и литовских людей». С ними действовал он и под Смоленском. В ходе рейда 1615 г. под его началом находились казаки (украинские и донские), «литовские люди» и «русские во-

ры» (небольшой контингент иностранных наёмников исчез из полка после Орловской битвы). В этом же составе, судя по всему, действовали лисовчики и в ходе кампаний 1616-1618 гг.

Тот полк, который затем снискал известность в Западной Европе, сложился в ходе походов 1615-1618 гг. Тогда же окончательно оформились и отличительные особенности лисовчиков: выборность командного состава, служба без регулярного жалованья за долю в добыче, приём в свои ряды добровольцев, а также характерная тактика и вооружение. Всё это во многом роднило их с казаками, также избиравшими своих предводителей и дуванивших захваченную добычу. По сути своей лисовчики и представляли собой казачий отряд, один из многих, возникших на территории России в ходе Смуты. Отсутствие связи его со структурами уже существующих казачьих войск (Запорожского, Донского или Терского) давало известные преимущества правительству и военному командованию Речи Посполитой, привлекавших лисовчиков на службу и применявших их в ходе военных действий как на восточных, так и на западных рубежах.

---

¹ Dzeduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczykow. — Lwów, 1843. — Т. I; Tyszkowski K. Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę // Przegląd Historyczno-Wojskowy. — 1932. — Т.V. — S. 1—28; Wisner H. Lisowczycy. — Warszawa, 2004.

² Dzeduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczykow. — Lwów, 1843. — Т. I — S. 3—4.

³ Tyszkowski K. Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. — S. 28.

⁴ Tyszkowski K. Kozaczyzna w wojnach Moskiewskich Zygmunta III (1605—1618) // Przegląd Historyczno-Wojskowy. — 1935. — Т.VIII. — S.78.

⁵ Wisner H. Lisowczycy. — Warszawa, 2004.

⁶ Magnuszewski W. Z dziejów elearów polskich. Stanisław Stroynowski, lisowski zagończyk, przywódca i legislator. — Poznań, 1978; Korcozowicz K. Jeźdźcy Apokalipsy. — Warszawa, 1990. — Т. 1—3; Królikowski B. Szable nie

---

rdzewiały. — Warszawa, 1983; Ossendowski F.A. Lisowczycy. Powieść historyczna. — Warszawa, 1990; Sujkowski B. Lisowczycy. Powieść historyczna z XVII w. — Łódź, 1988.

⁷ Саверчанка І., Санько З. 150 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі. — Менск, 1999. — № 72.

⁸ Военный энциклопедический лексикон. — СПб., 1853. — Т. VIII. — С. 237—238.

⁹ Ашихмина Е.Н. Орловский бой // Орловский вестник. — 2005. — № 28 (28 сентября).

¹⁰ Варакин А.В. Подготовка похода и вторжение А.Лисовского в Россию в начале 1615 г. // Известия Волгоградского государственного технического университета. — 2011. — Т. 7. — № 9. — С.87—92.

¹¹ Загоскин М.Н. Юрий Милославский или Русские в 1612 году. — М., 1989. — С. 44.

¹² Бестужев-Марлинский А.А. Ревельский турнир. Исторические повести. М. 1984. — С. 109.

¹³ Сенкевич Г. Потоп. — М., 1970. — Т. II. — С. 552—554.

¹⁴ Wisner H. Lisowczycy. — S.28—29; Dzieduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczykow. — T. I — S. 14—16.

¹⁵ Сведения о ранней службе Лисовского основываются на единственной фразе из латинского сочинения Шимона Старовольского «Sarmatiae bellatores» (1631 г.), где исходя из устной традиции сообщается, что Александр Юзеф обучался военному ремеслу в ходе молдавских войн «sub Michaele illo clarissimo subque Joanne deinde Potocio» (см. польский перевод: Starowolski S. Wojownicy sarmaccy. — Warszawa, 1978. — S.270—273). Первоначально это истолковывалось как свидетельство службы Лисовского в польских войсках под командованием Михала и Яна Потоцких, однако ещё М. Дзедушицкий верно указал на то, что никакого Михала Потоцкого в то время просто не существовало и речь должна идти скорее о валашском господаре Михае (Dzieduszycki M. Krótki rys

---

dzijów i spraw Lisowczykow. — T. I — S. 20; Tyszkowski K. Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. — S. 2).

¹⁶ Herbst S. Kampanja letnia 1601 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. — 1931. — T. IV. — S. 219—224.

¹⁷ Infamia (лат.) — позор, бесчестье.

¹⁸ Wisner H. Lisowczycy. — S. 34.

¹⁹ Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. — Волгоград, 1999. — С. 182.

²⁰ Dzieduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczykow. — T. I — S. 16.

²¹ Мархоцкий Н. История Московской войны. — М., 2000. — С. 25—28.

²² Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. — М., 1936. — С. 177.

²³ Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. — С. 102.

²⁴ Сочетание дат юлианского (ю.к.) и григорианского (г.к) календаря даётся в дальнейшем следующим образом: ю.к. (г.к.). Датировки иностранных источников, приводимые только в григорианском календаре: г.к.

²⁵ Буссов К. Московская хроника. 1584—1613. — М.—Л., 1961. — С. 150.

²⁶ Dzieduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczykow. — T. I — S. 35; Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. — С. 111; Мархоцкий Н. История Московской войны. — С. 34.

²⁷ Будило И. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603—1613 гг.), известный под именем Истории ложного Димитрия (Historia Dmitra falszywego) // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т.1. — С. 129—130.

²⁸ Козляков В.Н. Василий Шуйский. — М., 2007. — С. 153—154.

²⁹ Мархоцкий Н. История Московской войны. — С. 34.

³⁰ Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. — С.142.

---

³¹ Сборник князя Хилкова. — СПб., 1879. — С.90.

³² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — М., 1965. — Т. XIV. — С. 80; Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. — СПб., 1901. — С.276—277.

³³ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). — М., 1907. — С. 15.

³⁴ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. — С.277.

³⁵ Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. — С.179.

³⁶ Там же.

³⁷ «И Василей Бутурлин бил челом государю в отечестве о местех на князя Бориса Лыкова; и государь ему велел в Гравороны послать грамоту невместную на князя Бориса Лыкова. А Волхонские князи били челом государю, что им нелзе быть: князю Григорью в передовом полку, а князь Федору в сторожевом, для того что в большом полку другой Григорей Пушкин; и государь их пожаловал, велел им дати грамоту невместную на Григорья на Пушкина. И князь Алексею Долгорукому Чертенку был в товарищех Иван Александров сын Колтовской; и Иван Колтовской бил челом государю, что ему князь Олексея менши быть нелзе. И государь Ивана пожаловал, велел ему дать грамоту невместную» (Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). — С. 162).

³⁸ ПСРЛ. — Т. XIV. — С.81; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). — С.96, 162, 177, 254.

³⁹ Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. — С.190—191; Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. — М., 1987. — С. 168, 170; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). — С. 253—254.

---

⁴⁰ Dziejuszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczykow. — Т. I — S.41; Wisner H. Lisowczycy. — S.50.

⁴¹ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. — С. 192.

⁴² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. IV. 1598—1608 гг. (далее — ПДСМГ) // Сборник Русского императорского Исторического общества. — М., 1912. — Т. 137. — С. 682—683; Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — М., 1989. — Кн. IV. — С. 476.

⁴³ Немоевский С. Записки Станислава Немоевского (1606—1608). — Рязань, 2007. — С. 320; Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. — С. 19—194.

⁴⁴ Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. — С. 16—17.

⁴⁵ [Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608—1611) // Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. — Lwów, 1901. — S. 188—189; Тюменцев И.О. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг. — М., 2007. — С. 18.

⁴⁶ Будило И. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603—1613 гг.) — С. 142—143; Буссов К. Московская хроника. 1584—1613. — С. 155; [Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608-1611) — S. 189—190; Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. — С. 225—226.

⁴⁷ Немоевский С. Записки Станислава Немоевского (1606-1608). — С. 184. В качестве иллюстрации Немоевский рассказывает о судьбе отряда польских наёмников, посланных сражаться с татарами: «Когда дошло до дела, то ... наши, по своему обычаю, давши волю коням, ударили на татар (не «танцем» — приёмом московитян и татар) ... и скрылись между них; москвитяне, которые имели их поддержать, видя это и предполагая, что Литва изменила, начали от-

---

ступать назад ... Из тех наших ... погибло 700 человек, но 1000 всё же с оружием в руках ушли назад к москвитянам. Когда же они стали укорять тех в выдаче головой и неподдержке, те ещё выговарили им, указывая на глупость-де наших: «А кто же это видел такую бессмыслицу — бежать к неприятелю, как будто кто у вас глаза повынимал, как вы это сделали? Бросаться на него, а он на тебя палит из пищали?» (Там же. — С.192). Именно так вполне могли рассуждать «московитские» всадники из полка Лисовского.

⁴⁸ Коробков Н.М. Крепостная стена Троице-Сергиевской лавры // Историко-археологический сборник. — М., 1948. — С. 46—51; Тюменцев И.О. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг. — С. 16—17.

⁴⁹ [Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608—1611) — S. 193.

⁵⁰ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. — С. 210.

⁵¹ Там же. — С. 204, 205.

⁵² Там же. — С. 214.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. — С. 214, 216, 218; Тюменцев И.О. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608-1610 гг. — С.35—36.

⁵⁵ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. — С. 244.

⁵⁶ (ПЛДР 1987: 246)

⁵⁷ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 82.

⁵⁸ Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. — С.237—238.

⁵⁹ Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. — С. 239—240; ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 83; [Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608-1611) — S. 194—195.

⁶⁰ Сборник князя Хилкова. — СПб., 1879. — С.28—29.

---

⁶¹ Буссов К. Московская хроника. 1584—1613. — С. 158—159.

⁶² ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 86.

⁶³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографической экспедицией Императорской Академии наук (далее — ААЭ). — СПб., 1836. — Т. II. — С. 205—206.

⁶⁴ Буссов К. Московская хроника. 1584—1613. — С. 156.

⁶⁵ [Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608—1611). — S. 197, 198.

⁶⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — АИ). — СПб., 1841. — Т. II. — С. 204—205.

⁶⁷ АИ. — Т. II. — С. 205; [Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608—1611) — S. 199.

⁶⁸ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства. — М., 1994. — С.454.

⁶⁹ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. — М., 1936. — С. 82.

⁷⁰ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 74.

⁷¹ Сборник князя Хилкова. — С.87—88.

⁷² АИ. — Т. II. — С. 205.

⁷³ ААЭ. — Т. II. — С. 203.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ «Дорога ему ровная и всюду прямая/ Чрез озёра, чрез реки и всякие топи/ До тех мест, где не бывало и ноги поляка» (Wisner H. Lisowczycy. — S. 52). Из текста поэмы не вполне ясно, относится ли данное описание к событиям 1609 г. или же к рейду 1615 г. Скорее всего, Твардовский выражает своё обобщённое впечатление от подвигов Лисовского.

⁷⁶ Wisner H. Lisowczycy. — S. 52, 79—80; Dzieduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczycow. — T.I — S. 120—123.

⁷⁷ ААЭ. — Т. II. — С. 203.

⁷⁸ [Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608—1611). — S. 199, 200.

---

⁷⁹ Ibid. — S. 206.

⁸⁰ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. — С. 236; [Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608—1611) — S. 207; Тюменцев И.О. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг. — С. 39.

⁸¹ Wisner H. Lisowczycy. — S. 52.

⁸² Dzieduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczycow. — T. I — S. 54.

⁸³ Сборник князя Хилкова. — С. 116.

⁸⁴ АИ. — Т. II. — С. 211.

⁸⁵ Разин Е.А. История военного искусства. — М., 1994. — Т. III. — С.54—55.

⁸⁶ АИ. — Т. II. — С. 211.

⁸⁷ Сборник князя Хилкова. — С. 49; АИ. — Т. II. — С. 198; [Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608-1611) — S. 223.

⁸⁸ Сборник князя Хилкова. — С. 48.

⁸⁹ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства. — С. 442.

⁹⁰ Тюменцев И.О., Тюменцева Н.Е., Тупикова Н.А. Дело дворянина Григория Аргамакова как источник по истории суздальского дворянства // Вестник Волжского Государственного университета. — 2008. — Серия 4. — № 1 (13). — С. 131.

⁹¹ АИ. — Т. II. — С. 178.

⁹² ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 86—87.

⁹³ АИ. — Т. II. — С. 178.

⁹⁴ [Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608—1611). — S. 214.

⁹⁵ АИ. — Т. II. — С. 179, 193—194.

⁹⁶ Сборник князя Хилкова. — С. 63—64; Тюменцев И.О., Тюменцева Н.Е., Тупикова Н.А. Дело дворянина Григория Аргамакова как источник по истории суздальского дворянства. — С. 131; АИ. — Т. II. — С. 225—226.

---

⁹⁷ Тюменцев И.О., Тюменцева Н.Е., Тупикова Н.А. Дело дворянина Григория Аргамакова как источник по истории суздальского дворянства. — С. 131, 139, 140; АИ. — Т. II. — С. 226—227.

⁹⁸ Тюменцев И.О., Тюменцева Н.Е., Тупикова Н.А. Дело дворянина Григория Аргамакова как источник по истории суздальского дворянства. — С. 131.

⁹⁹ *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. — С. 416; АИ. — Т. II. — С. 281—282; [Sapieha J.P.] *Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608-1611)*. — S. 217.

¹⁰⁰ Тюменцев И.О., Тюменцева Н.Е., Тупикова Н.А. Дело дворянина Григория Аргамакова как источник по истории суздальского дворянства. — С. 140.

¹⁰¹ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.) (далее — АВП) // *Смутное время Московского государства. 1604—1613. Материалы, изданные Императорским Обществом Истории и Древностей Российских при Московском университете.* — М., 1914. — Вып. 2. — С. 40.

¹⁰² Будило И. *Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603—1613 гг.)*. — С. 155.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ АВП. — С. 40.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Петрей П. *История о Великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии.* — М., 1997. — С. 347; АИ. — Т. II. — С. 282.

¹⁰⁸ Буссов К. *Московская хроника. 1584—1613.* — С. 159.

¹⁰⁹ ААЭ. — Т. II. — С. 203.

¹¹⁰ АИ. — Т. II. — С. 268—269.

¹¹¹ [Sapieha J.P.] *Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608—1611)*. S. 222—223.

¹¹² Костомаров Н.И. *Смутное время Московского государства.* — С. 451.

¹¹³ АИ. — Т. II. — С. 281—282.

---

¹¹⁴ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 84.

¹¹⁵ АИ. — Т. II. — С. 281.

¹¹⁶ Альтовский И.П. Кинешма в смутное время и геройский подвиг её 26 мая 1609 г. – Кинешма, 1909 (2-е изд.: «Приволжская правда». – 2009. – 7 июня. Электронный вариант доступен по адресу: <http://www.privpravda.info/?p=1621#more-1621>). По мнению И.П. Альтовского именно в этом сражении погиб воевода Ф. Боборыкин.

¹¹⁷ [Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608—1611). — S. 227.

¹¹⁸ АИ. — Т. II. — С. 281—282; ААЭ. — Т. II — С. 232—233.

¹¹⁹ ААЭ. — Т. II. — С. 203.

¹²⁰ Там же. — С. 232.

¹²¹ Сборник князя Хилкова. — С. 74.

¹²² АИ. — Т. II. — С. 282.

¹²³ Антонов А.В. К начальной истории нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. — М., 2000. — Вып. 6.

¹²⁴ Сборник князя Хилкова. — С. 75.

¹²⁵ Сборник князя Хилкова. — С.76; Антонов А.В. К начальной истории нижегородского ополчения; АИ. — Т. II. — С. 282.

¹²⁶ Сборник князя Хилкова. — С. 75—76.

¹²⁷ Там же. — С.76.

¹²⁸ Буссов К. Московская хроника. 1584—1613. — С. 159.

¹²⁹ Сборник князя Хилкова. — С. 116.

¹³⁰ [Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608—1611). — S. 222, 223.

¹³¹ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. — С. 254.

¹³² Там же. — С. 256, 258.

¹³³ Будило И. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603—1613 гг.) — С. 159—160.

¹³⁴ [Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608—1611). — S. 242.

---

¹³⁵ Ibid. — S. 245.

¹³⁶ Буссов К. Московская хроника. 1584—1613. — С. 161. Буссов ошибочно называет Переяславль Ярославлем.

¹³⁷ Видекин Ю. История шведско-московитской войны XVII века. — М., 2000. — С. 84.

¹³⁸ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 92.

¹³⁹ ПСРЛ. — Т. XXXIV. — С. 252.

¹⁴⁰ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). — С. 54.

¹⁴¹ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 94; ПСРЛ. — Т. XXXIV. — С. 252—253.

¹⁴² [Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608—1611). — S. 253.

¹⁴³ Видекин Ю. История шведско-московитской войны XVII века. — С. 95.

¹⁴⁴ Wisner H. Lisowczycy. — S. 55.

¹⁴⁵ Акты Московского государства (далее — АМГ). — М., 1890. — Т. I. — С. 111.

¹⁴⁶ Видекин Ю. История шведско-московитской войны XVII века. — С. 117.

¹⁴⁷ ААЭ. — Т. II. — С. 246.

¹⁴⁸ ПСРЛ. — Т. XXXIV. — С. 254.

¹⁴⁹ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 102; ПСРЛ. — Т. XXXIV. — С. 254; Dzeduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczycow. — Т. I. — S. 73.

¹⁵⁰ ПСРЛ. — Т. XXXIV. — С. 254; АМГ. — Т. I. — С.112.

¹⁵¹ Видекин Ю. История шведско-московитской войны XVII века. — С. 143.

¹⁵² Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 284—287.

-
- ¹⁵³ Псковская летописная повесть о Смутном времени // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. — М., 1987. — С. 154; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). — С. 106.
- ¹⁵⁴ Буссов К. Московская хроника. 1584—1613. — С. 161.
- ¹⁵⁵ Псковская летописная повесть о Смутном времени. — С. 154, 156.
- ¹⁵⁶ *Видекиндр Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. — С. 143.
- ¹⁵⁷ Там же. — С. 148.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Буссов К. Московская хроника. 1584—1613. — С. 161.
- ¹⁶⁰ *Видекиндр Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. — С. 148.
- ¹⁶¹ Петрей П. История о Великом княжестве Московском. — С. 357.
- ¹⁶² *Видекиндр Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. — С. 150.
- ¹⁶³ Псковская летописная повесть о Смутном времени . С. 156.
- ¹⁶⁴ *Буссов К.* Московская хроника. 1584-1613. — М-Л., 1961. — С.162.
- ¹⁶⁵ *Видекиндр Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. — С. 151.
- ¹⁶⁶ Псковская летописная повесть о Смутном времени. — С. 154, 158.
- ¹⁶⁷ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. V. 1609—1615 гг. (далее — ПДСМГ) // Сборник Русского императорского Исторического общества. — М., 1913. — Т. 142. — С. 121—122; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД). — СПб., 1819. — Ч. 2. — С. 455, 459—460.
- ¹⁶⁸ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 2. — С. 275.
- ¹⁶⁹ ПДСМГ. — Т. V. — С. 125.
- ¹⁷⁰ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 276.

-
- ¹⁷¹ Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. — С. 242.
- ¹⁷² АМГ. — Т. I. — С. 402.
- ¹⁷³ Петрей П. История о Великом княжестве Московском. — С. 361.
- ¹⁷⁴ Там же. — С. 361—362.
- ¹⁷⁵ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 275—276.
- ¹⁷⁶ Там же. — С. 276.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ *Korrespondencyje Jana Karola Chodkiewicza.* — Warszawa, 1875. — S. 85.
- ¹⁷⁹ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 276.
- ¹⁸⁰ Wisner H. *Lisowczycy.* — S. 57; Borowy W. *Anglicy, Szkocy i Irlandczycy w wojsku polskim Zygmunta III // Studia z dziejów kultury polskiej.* — Warszawa, 1949. — S. 298.
- ¹⁸¹ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 277; ПСРЛ. — Т. XXXIV. — С. 259; Dzieduszycki M. *Krótki rys dziejów i spraw Lisowczycow.* — Т. I — S. 81; Tyszkowski K. *Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę.* — S. 8; Псковская летописная повесть о Смутном времени. — С. 160.
- ¹⁸² *Instygator* (от латинского *instigator* — подстрекатель) — должность, существующая в Речи Посполитой со второй пол. XVI в. В обязанности его входило разбирательство и представление Сейму дел о государственной измене, оскорблении величества, казнокрадстве и п.
- ¹⁸³ Dzieduszycki M. *Krótki rys dziejów i spraw Lisowczycow.* — Т. I — S. 88.
- ¹⁸⁴ Wisner H. *Lisowczycy.* — S. 57.
- ¹⁸⁵ Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. — С. 222.
- ¹⁸⁶ Там же. — С. 223.
- ¹⁸⁷ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 277.
- ¹⁸⁸ Современный Пустошкинский район Псковской области.

-
- ¹⁸⁹ Гейденштейн Р. Записки о московской войне. — СПб., 1889. — С. 148, 151.
- ¹⁹⁰ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 277.
- ¹⁹¹ Петрей П. История о Великом княжестве Московском. — С. 362.
- ¹⁹² Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. — С. 242.
- ¹⁹³ Там же. — С. 242—243.
- ¹⁹⁴ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 277.
- ¹⁹⁵ Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. — С. 243.
- ¹⁹⁶ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства. — С. 738.
- ¹⁹⁷ *Korrespondencyje Jana Karola Chodkiewicza.* — S. 177.
- ¹⁹⁸ Wisner H. *Lisowczycy.* — S. 59—62; *Materialy do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego // Przegląd Historyczno-Wojskowy.* — 1932. — T.V. — S.101.
- ¹⁹⁹ Псковские летописи. — Вып. 2. — С.277—278.
- ²⁰⁰ ПДСМГ. — Т.V. — С. 421. А.В. Малов ошибочно относит захват Заволочья Лисовским к 1610/11 г. и столь же ошибочно полагает, будто лисовчиков из Заволочья выбил Г.Л. Валуев, воспользовавшись отъездом Лисовского «по случаю его амнистии ... в Польшу на сейм» (Малов А.В. Борьба за Невель в конце Смуты // *Ukraina Lithuanica.* — Киев, 2009. — Т. I. — С. 67, 71). Это противоречит данным Псковской летописи и содержанию послания Валуева к Гонсевскому из которого видно, что в июле 1613 г. невелицкий воевода ещё полностью поддерживал «*hospodara naszego cara u w-o k. Wlladzisława Zygmuntowicza wssytkiey Rusi*». В этом же письме Валуев, сообщает, как свежую новость, что «невляне были в Торопцу для торгу и мне брат жены моей рассказал тайно, что из Москвы пришли вести, будто Михайло Филаретов сын венчался царским венцом на Петров день» (ПДСМГ. — Т.V. — С. 421). О причине же отсутствия Лисовского в Заволочье Валуев говорит следующее: «*Alexander Iwanowicz Lisowski possedł na czatę*».

---

²⁰¹ ПДСМГ. — Т. V. — С. 422—424; Tyszkowski K. Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. — S. 12—13.

²⁰² Tyszkowski K. Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. — S. 13.

²⁰³ Известия об этом имеются и в Псковской летописи, которая сообщает: «тое же весны (7122 года) приходил Олисовской подо Псков миритися, и замирил Полоцко, чтобы псковскимъ ратнымъ туде не воевати, и поцеловал крестъ и прочь пошол, и пошол под Смоленск с кормомъ Литвы» (Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 278).

²⁰⁴ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 131—132.

²⁰⁵ Tyszkowski K. Wojna o Smoleńsk 1613-1615 // Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie. — Lwów, 1932. — Т. 8. Z. 3. — S. 79.

²⁰⁶ Wisner H. Lisowczycy. — S. 64.

²⁰⁷ Tyszkowski K. Wojna o Smoleńsk 1613—1615. — S. 130.

²⁰⁸ АМГ. — Т. I. — С. 99.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же. — С. 125.

²¹¹ Там же. — С. 113—114.

²¹² Там же. — С. 118.

²¹³ Там же. — С. 120.

²¹⁴ Там же. — С. 126.

²¹⁵ Там же. — С. 119.

²¹⁶ Там же. — С. 121.

²¹⁷ Там же. — С. 122—125.

²¹⁸ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 134—135.

²¹⁹ Tyszkowski K. Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. — S. 15.

²²⁰ АМГ. — Т. I. — С. 109.

²²¹ Wisner H. Lisowczycy. — S. 65.

---

²²² Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. — 1938. — Т. X. — S. 250—255.

²²³ Materiały do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego. — S. 101—102.

²²⁴ Wisner H. Lisowczycy. — S. 65.

²²⁵ Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. — S. 251; Tyszkowski K. Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. — S. 14; Materiały do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego. — S. 102.

²²⁶ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее — РИБ). — СПб., 1884. — Т.8. — Стб. 122—123, 129. Московские власти старались проверить истинность показаний Килеварта, однако это оказалось затруднительно. Дьяк Афанасий Царевский из-под Смоленска сообщил, что единственный сослуживец дезертиров, шотландец Вилим Дюри, оставшийся тогда на приставстве, находится в данный момент «на государевъ службѣ на Тулѣ, распросити про то подлинно некого» (Там же. — Стб. 129—130).

²²⁷ РИБ. — Т.8. — Стб. 126—127.

²²⁸ Там же. — Стб. 127.

²²⁹ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. (далее — ПИВЕ). — М.—Варшава, 1995. — Т. I. Книга сеунчей 1613—1619 гг. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень — зима 1615 г.). — С. 37.

²³⁰ Materiały do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego. — S. 102.

²³¹ Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. — S. 251; Dzieduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczycow. — Т. I. — S. 106.

²³² Wisner H. Lisowczycy. — S. 66.

²³³ Книги разрядные (далее — РК). — СПб., 1853. — Т. I. — Стб. 35—36.

---

²³⁴ Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. — S. 251; Tyszkowski K. Aleksandr Lisowski i jego zagonu na Moskwę. S. 18—19.

²³⁵ ПИВЕ. — 1995. — С. 37.

²³⁶ РИБ. — Т. 8. — Стб. 127.

²³⁷ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. — М., 1990. — С. 155; РК. — Т. I. — Стб. 48—61; СГГД. — М., 1822. — Ч. 3. — С. 131—136.

²³⁸ Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. — S. 251; ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 136.

²³⁹ Пясецкий Г.М. Забытая история Орла. — Орёл, 1993.

²⁴⁰ Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. — S. 251—252.

²⁴¹ Дворцовые разряды (далее — ДР). — СПб., 1850. — Т. I. 1612—1628. — Стб. 181; Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. — S. 252; РИБ. — Т. 8. — Стб. 121.

²⁴² РИБ. — Т. 8. — Стб. 127.

²⁴³ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 136; Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — М., 1990. — Кн. V. — С. 32; Пясецкий Г.М. Забытая история Орла. — Орёл, 1993.

²⁴⁴ Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. — S. 252.

²⁴⁵ Ibid.

²⁴⁶ СГГД. — Ч. 3. — С. 136—137.

²⁴⁷ РИБ. — Т. 8. — Стб. 123—124.

²⁴⁸ По словам Лисовского, от Орла он вначале двинулся на Zeromim, который располагался «от Орла миль шесть, где шлях татарский, что в земли северские ведёт». К. Тышковский предположил, что это может быть Чернь. Однако, это совершенно невозможно. Расстояние до Черни больше указанных шести

милъ и находится она в противоположной стороне от Кром, куда затем направился Лисовский (*Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. — S. 252*). Вероятно, под именем Zeromum как раз и скрывается «Лисовский курган» (его обычно связывают с сёлами Гать и Лаврово, расположенными на противоположном берегу Оки). В настоящее время он известен, как «городище Гать» и представляет собой окружённую подковообразным валом и рвом площадку на левом берегу Оки при впадении в неё р. Цон. Предание о пребывании здесь Лисовского было записано и опубликовано краеведом П. Якушкиным. Он утверждал, что «известный польский партизан Лисовский после боя с князем Пожарским в 1616 году у Царёва Брода на реке Орлике, укрепился у места слияния Цона с Окой, в 7 верстах от Орла, близ д. Гать, а само укреплённое место называют Лисовским курганом» (Орловские губернские ведомости. — 1861. — № 30). Это мнение было оспорено в 1898 г. генералом А.Н. Шульгиным, который верно указал на то, что Лисовский не мог возвести укрепление на этом месте, поскольку провёл тут не более одной ночи. Кроме того, площадка городища может вместить не более 200-300 человек, что гораздо меньше численности отряда Лисовского. По мнению А.Н. Шульгина, укрепление у д. Гать было возведено в начале XVII в. «энергическими кромскими военачальниками» (Шульгин А.Н. Остатки старины в окрестностях города Орла // Труды Орловской учёной архивной комиссии. — Орёл, 1898. — Вып. 2. — С. 12—13). Раскопки, в разное время производившиеся на городище А.Н. Шульгиным, И. Е. Евсеевым, Н.П. Милоновым и Т.Н. Никольской, дали материалы, относящиеся к периоду неолита, к середине I тыс. н.э. и к древнерусскому времени, преимущественно XII—XIII вв. Находок, датированных XVI—XVII вв., встречено не было (Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992. — С. 20—21; Краснощёкова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области // Краеведческие записки. — Орёл, 2006. — Вып. 5. — С. 62—63, 117, 166—167).

---

²⁴⁹ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — М., 1990. — Кн. V. — С. 33.

²⁵⁰ ПСРЛ. — Т. XXXIV. — С. 263.

²⁵¹ Wisner H. Lisowczycy. — S. 68.

²⁵² Представление об Орловской битве, как о решительной победе Пожарского, ныне увековечено в надписи на памятном знаке, установленном на предположительном месте сражения: «Здесь 6 сентября 1615 года, в урочище Царёв Брод, 600 воинов князя Д. Пожарского разгромили 3-тыс. войско захватчиков под командованием А. Лисовского». Обоснование неверной даты, указанной на памятнике, содержится в статье Е.Н. Ашихминой в местной газете «Орловский вестник»: «Так когда был Орловский бой? Давайте посчитаем. В XVII веке разница между юлианским и григорианским календарем составляла 10 дней. По данным профессора С. М. Соловьёва 31 августа по старому стилю, то есть 10 сентября по новому, разбойник осадил Болхов. 9 сентября, за сутки до этого, он находился в Кромах, куда бежал от Царева брода. Значит, сражение на Царевом броде состоялось воскресным утром 6 сентября (27 августа по ст. стилю)» (Ашихмина Е.Н. Орловский бой // Орловский вестник. — 2005. — № 28 (28 сентября)). Автор статьи исходит из ошибочного мнения, будто Лисовский покинул поле боя уже на следующее утро. Кроме того, она явно не знакома с реликвией самого Лисовского, где им была чётко указана дата сражения по григорианскому календарю (новому стилю) — 30 августа. Этой дате соответствует и хронология событий, последовавших за первым столкновением. Помимо этого в данной статье содержатся и другие грубые фактические ошибки (в частности утверждается, что Лисовский сжёг Орёл ещё в июле, потом вернулся туда из Карачева, гонимый страхом перед Пожарским и сама Орловская битва началась с внезапного удара лисовчиков по лагерю И.Г. Пушкина, а вовсе не наоборот, как о том свидетельствуют источники).

²⁵³ ПИВЕ. — 1995. — С. 110, 118.

²⁵⁴ Там же. — С. 106, 110—111, 113.

---

²⁵⁵ Там же. — С. 111.

²⁵⁶ Там же. — С. 105, 112.

²⁵⁷ Там же. — С. 104—105, 115—116.

²⁵⁸ Там же. — С. 112.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же. — С. 107.

²⁶¹ РИБ. — Т. 8. — Стб. 128.

²⁶² Р.Г. Скрынников ошибочно утверждает, что Пожарский, «спешно послал в Калугу конные сотни, а сам стал в Тихвине, угрожая Лисовскому с фланга» (Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. — М., 2007. — С. 304—305). Речь, конечно же, должна идти не о Тихвине, а о Лихвине.

²⁶³ ПИВЕ. — 1995. — С. 112.

²⁶⁴ Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. S. 252—253; Wisner H. Lisowczycy. — S. 68—69.

²⁶⁵ Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. — S. 253.

²⁶⁶ РИБ. — Т. 8. — Стб. 121, 124; Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. — С. 304; Скобелкин О.В. Служилые иноземцы и деятельность Джона Меррика в России (1614—1617) // Известия Уральского государственного университета. — 2007. — № 49. — С. 43—56).

²⁶⁷ Ibid.

²⁶⁸ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — М., 1990. — Кн. V. — С. 32.

²⁶⁹ ДР. — Т. I. — Стб. 182.

²⁷⁰ Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. — S. 255.

²⁷¹ ДР. — Т. I. — Стб. 182.

²⁷² ПИВЕ. — 1995. — С. 117—120.

---

²⁷³ ПДСМГ. — Т. V. — С. 605, 644—645, 708.

²⁷⁴ СГГД. — Ч. 3. — С. 140—141.

²⁷⁵ ААЭ. — Т. III. — С. 109; ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 137; ПСРЛ. — Т. XXXIV. — С. 263; ДР. — Т. I. — Стб. 198—199.

²⁷⁶ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 156; РК. — Т. I. — Стб. 97.

²⁷⁷ РИБ. — Т. 8. — Стб. 127—128.

²⁷⁸ Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным Штатам // Проезжая по Московии. Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов. — М., 1991. — С. 227.

²⁷⁹ АИ. — Т. III. — С. 58.

²⁸⁰ ПСРЛ. — Т. XXXIV. — С. 263—264; ПИВЕ. — 1995. — С. 38—39; АИ. — Т. III. — С. 58; Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wycieczki do Moskwy w r. 1615—1616. — S. 253.

²⁸¹ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 156.

²⁸² АИ. — Т. III. — С. 57.

²⁸³ ПСРЛ. — Т. XXXIV. — С. 264.

²⁸⁴ АИ. — Т. III. — С. 56.

²⁸⁵ Уроженец Чешира, сэр Артур Астон, известный в русских источниках под именем «князя Артемия», происходил из знатной католической семьи и прибыл в Россию в июле 1612 г. вместе с Адрианом фон Кохоф (Фрейгер) и Джеймсом Гилем во главе отряда наёмников (в составе которого находился и Джеймс Шоу — «Яков Шав»). Командование 2-го ополчения во главе с Д.М. Пожарским отвергло их услуги. Зимой 1613/1614 г. отряд провёл в Архангельске, сыграв решающую роль в отражении нападения на город «польских и литовских людей и черкас». В конечном итоге, большая часть отряда выехала из России летом 1614 г., а 10 человек, включая Астона, его сына Артура и Шаву, была всё же принята на царскую службу. Покинув не без труда русскую службу благодаря посредничеству английского посла Джона Меррика, Астон предло-

---

жил свои услуги Сигизмунду III и в 1621 г. на вербовал для участия в польско-турецкой войне крупный отряд британских наёмников. Около 1625 г. Астон был назначен губернатором английской католической колонии Авалон на Ньюфаундленде, вернулся в Англию весной 1627 г. и умер во время кампании герцога Бекингэма во Франции (Скобелкин О.В. Странствующие искатели приключений. Британцы под знамёнами московского царя // Родина. — 2003. — № 5—6. — С. 18—21; Скобелкин О.В. Служилые иноземцы и деятельность Джона Меррика в России (1614—1617) // Известия Уральского государственного университета. — 2007. — № 49. — С. 43—56).

²⁸⁶ РК. — Т. I. — Стб. 96—97.

²⁸⁷ Там же. — Стб. 98—99.

²⁸⁸ Там же. — Стб. 101—102, 104.

²⁸⁹ Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. — S. 254; Wisner H. Lisowczycy. — S. 69.

²⁹⁰ РК. — Т. I. — Стб. 105.

²⁹¹ ААЭ. — Т. III — С. 109.

²⁹² «Ни перед собой, ни за собой/ Никого не оставлял, если кто из-за хвори / Либо по изнеможению не мог следовать за ним / Приканчивал того лично» (Wisner H. Lisowczycy. — S. 71).

²⁹³ Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным Штатам. — С.227.

²⁹⁴ АМГ — Т. I. — С. 134—135.

²⁹⁵ АИ. — Т. III. — С. 57.

²⁹⁶ ААЭ. — Т. III — С. 121.

²⁹⁷ АИ. — Т. III. — С. 57, 58.

²⁹⁸ В польских источниках об этом говорится, как о движении в сторону некоей Daupińskiej Slobody (?) (Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. — S. 254; Wisner H. Lisowczycy. — S. 71).

---

²⁹⁹ АИ. — Т. III. — С. 57.

³⁰⁰ Тут, вероятно, имеется в виду Пётр Копачевский, который позднее, после смерти Лисовского, командовал одной из 10 хоругвей полка лисовчиков, а затем и всем полком (Wisner H. *Lisowczycy*. — S. 78).

³⁰¹ АИ. — Т. III. — С. 57.

³⁰² Там же. — С. 58.

³⁰³ РК. — Т. I. — Стб. 111.

³⁰⁴ Видекин Ю. История шведско-московитской войны XVII века. — С. 373.

³⁰⁵ Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным Штатам. — С. 227.

³⁰⁶ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 137.

³⁰⁷ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 157; ДР. — Т. I. — Стб. 203.

³⁰⁸ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — М., 1990. — Кн. V. — С. 33; Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. — С. 305.

³⁰⁹ Wisner H. *Lisowczycy*. — S. 71.

³¹⁰ РК. — Т. I. — Стб. 107—111.

³¹¹ ПИВЕ. — 1995. — С. 40.

³¹² *Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616.* — S. 254; *Dzieduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczycow.* — Т. I — S. 124.

³¹³ ДР. — Т. I. — Стб. 203.

³¹⁴ ДР. — Т. I. — Стб. 203; РК. — Т. I. — Стб. 115—116.

³¹⁵ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 137—138.

³¹⁶ Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным Штатам. — С. 228.

³¹⁷ *Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616.* — S. 254.

---

³¹⁸ Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. — S. 254; Tyszkowski K. Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. — S. 22.

³¹⁹ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — М., 1990. — Кн. V. — С. 33.

³²⁰ ПИВЕ. — 1995. — С. 39.

³²¹ ПИВЕ. — 1995. — С. 122—123; АМГ. — Т. I. — С. 136—137.

³²² Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615—1616. — S. 254; Wisner H. Lisowczycy. — S. 71.

³²³ РК. — Т. I. — Стб. 116.

³²⁴ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — М., 1990. — Кн. V. — С. 79.

³²⁵ Кобержицкий Ст. Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава // Сын отечества. — 1842. — № 4. — С. 16.

³²⁶ Dzieduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczykow. — T.I — S. 123.

³²⁷ Tyszkowski K. Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. — S. 24.

³²⁸ Wisner H. Lisowczycy. — S. 72.

³²⁹ Materiały do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego. — S. 103.

³³⁰ Tyszkowski K. Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. — S. 23.

³³¹ Materiały do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego. — S. 103.

³³² Materiały do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego. — S. 103; Wisner H. Lisowczycy. — S. 74.

³³³ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 140.

³³⁴ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 157; ПСРЛ. — XIV. — С. 140.

³³⁵ Wisner H. Lisowczycy. — S. 75.

³³⁶ Korrespondencyje Jana Karola Chodkiewicza. — S. 96.

³³⁷ Materiały do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego. S. 103—104.

-
- ³³⁸ Tyszkowski K. Kozaczyzna w wojnach Moskiewskich Zygmunta III (1605—1618) // Przegląd Historyczno-Wojskowy. — 1935. — Т. VIII. — S. 78.
- ³³⁹ Wisner H. Lisowczycy. — S. 77.
- ³⁴⁰ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 140.
- ³⁴¹ Wisner H. Lisowczycy. — S. 77.
- ³⁴² Wolff J. Senatorowe i Dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386—1795. — Kraków, 1885. — S. 66, 74, 81, 202, 223.
- ³⁴³ ПИВЕ. — 1995. — С. 49.
- ³⁴⁴ Там же. — С. 50.
- ³⁴⁵ Разрядная книга 7125 года // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. — 1849. — Кн. 3. — С. 27.
- ³⁴⁶ Там же. — С. 27.
- ³⁴⁷ Там же. — С. 35.
- ³⁴⁸ Wisner H. Lisowczycy. — S. 77.
- ³⁴⁹ ПИВЕ. — 1995. — С. 51.
- ³⁵⁰ Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI — первая половина XVII века. — Белгород, 2004. — С. 124.
- ³⁵¹ ПИВЕ. — 1995. — С. 53.
- ³⁵² Там же.
- ³⁵³ Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI — первая половина XVII века. — С. 123.
- ³⁵⁴ Документи російських архівів з історії України. — Львів, 1998. — Т. 1. — С. 106—107.
- ³⁵⁵ Там же. — С. 106.
- ³⁵⁶ ПИВЕ. — 1995. — С. 54—55.
- ³⁵⁷ Разрядная книга 7125 года. — С. 40; Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. — М., 1913. — Т. 1. — С. 174; Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI —

первая половина XVII века. — С. 121—122. Украинский историк П.М. Сас полагает, что Оскол был захвачен запорожцами под командованием полковника Фёдора Пырского, отколовшимися от войск Юрия Вишневецкого после неудачной осады Путивля. Далее исследователь утверждает, что запорожцы пытались превратить захваченный Оскол в свою базу для дальнейших операций и отсюда они двинулись на Воронеж (Сас П.М. *Запорожці у польсько-московській війні наприкінці смуты (1617—1618 рр.)*. — Біла Церква, 2010. — С. 266—267). При этом, однако, игнорируется прямое указание источников о том, что Оскол был захвачен «литовскими людьми и черкасами», действовавшими перед этим под Курском («Литовские люди быв у Курска, пошли к Осколу, и пришед изгоном, Оскол взяли, и город и острог сожгли, и пошли с Оскола к Белугороду» [Разрядная книга 7125 года. — С. 40]). Крайне маловероятно, чтобы часть войск Вишневецкого после тяжёлой и неудачной осады 5(15) — 16(26) января 1617 г., решилась затем предпринять ещё один зимний поход, избрав своей целью почему-то именно наиболее удалённый от Путивля Оскол, минуя все прочие порубежные крепости. Кроме того, дальнейшие действия запорожцев совершенно нетипичны для их обычной набеговой тактики. А вот для «лисовчиков» это было совершенно обычно и к тому же все эти пункты лежали в пределах маршрута их движения в сторону «литовского рубежа»: Курск—р.Хон—Оскол—Воронеж—Оскол—Белгород. Возможно, что отряд Пырского действительно откололся от Вишневецкого и действовал независимо вплоть до объединения с лисовчиками где-то в районе Курска или на Хону.

³⁵⁸ Wisner H. *Lisowczycy*. — S. 77—78; Кобержицкий Ст. Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. — С. 16.

³⁵⁹ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 140.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Wisner H. *Lisowczycy*. — S. 78; Соловьёв С.М. *История России с древнейших времён*. — М., 1990. — Кн. V. — С. 95; ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 140.

---

³⁶² ПИВЕ. — 1995. — С. 58—59; ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 140—141; РК. — Т. I. — Стб. 244.

³⁶³ РК. — Т. I. — Стб. 243—244.

³⁶⁴ ПИВЕ. — 1995. — С. 62.

³⁶⁵ Там же. — С. 64.

³⁶⁶ Кобержицкий Ст. Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. — С. 17; ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 141; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 173.

³⁶⁷ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. — С. 173.

³⁶⁸ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 142.

³⁶⁹ Кобержицкий Ст. Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. — С. 17.

³⁷⁰ РК. — Т. I. — Стб. 417—419.

³⁷¹ ПИВЕ. — 1995. — С. 66—70, 74, 76—77, 79.

³⁷² Кобержицкий Ст. Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. — С. 17—18.

³⁷³ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 142; Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. — С. 308.

³⁷⁴ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 142.

³⁷⁵ Кобержицкий Ст. Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. — С. 18.

³⁷⁶ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 142.

³⁷⁷ Кобержицкий Ст. Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. — С. 18.

³⁷⁸ Там же.

³⁷⁹ ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 142.

³⁸⁰ ПИВЕ. — 1995. — С. 74.

³⁸¹ Там же. — С. 79.

---

³⁸² Кобержицкий Ст. Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. — С. 19.

³⁸³ ПИВЕ. — 1995. — С. 82.

³⁸⁴ Tyszkowski K. Kozaczyzna w wojnach Moskiewskich Zygmunta III (1605—1618). — S. 78.

³⁸⁵ ПИВЕ. — 1995. — С. 83—84.

³⁸⁶ Dzieduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczykow. — T. I — S. 153.

³⁸⁷ Смирнов М.И. Смутные годы XVII века в Переяславле-Залесском. — М., 2004. — С. 14.

³⁸⁸ Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев. — М., 1834. — С. 74.

³⁸⁹ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — М., 1990. — Кн. V. — С. 104.

³⁹⁰ Dzieduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczykow. — T. I. — S. 162—164.

³⁹¹ Wisner H. Lisowczycy. — S. 78.